Письма из

Тюмени

9(47)17
П 35
П84
П87
П-90
П05
9(47)1
П 35

ПИСЬМА ИЗЪ ТЮМЕНИ

ПРЕТЕНДЕНТА

НА ДОЛЖНОСТЬ ГОРОДСКОГО ГОЛОВЫ

кн. 184297

Изданіе единственно для кроткихъ друзей автора и искателей истины.

Николаю Ивановичу Давыдовскому

94. XII. 2.

автор.

ТЮМЕНСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА

ТОБОЛЬСКЪ
Губернская Типографія
1894.

184297

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

Тип. „Новая Жизнь".

Изъ „Тобол. Губ. Вѣд."

1893. №№ 38—41. 43—46. 48 и 50 и 1894. 3. 10. 11. 14 и 15.

ПИСЬМА ИЗЪ ТЮМЕНИ.

I.

10-е сентября.

Вы, разумѣется, знаете, г. редакторъ, какое непреодолимое желаніе питаю я сдѣлаться тюменскимъ городскимъ головою! О, Господи, даже теперь, при одномъ представленіи объ этомъ счастіи, духъ захватываетъ отъ удовольствія. Вотъ почему, въ виду предстоящихъ выборовъ новаго состава городского управленія, прошу васъ дать мѣсто заявленію моихъ правъ на эту почетную должность. Уже цѣлыя десять лѣтъ слѣпой случай устраняетъ отъ управленія городомъ такихъ людей, какъ я, а шаловливый жребій выдвигаетъ другихъ лицъ, за спиной которыхъ настоящимъ дѣятелямъ приходится обдѣлывать только мелкія дѣлишки. Сплю и вижу, какъ смѣняю я засаленную сибирку на шитый мундиръ и буду стоять на парадахъ. Засвидѣтельствовать почтеніе и пожать мою руку не побрезгуетъ тогда кто угодно. Словомъ, хочу быть городскимъ головою, а потому и нужно мнѣ, чтобы читатели ваши не только знали меня за человѣка хорошаго, но и считали человѣкомъ практичнымъ, „съ должными понятіями". А такимъ, по самоновѣйшимъ воззрѣніямъ экономистовъ, можетъ быть только человѣкъ, прошедшій огонь и воду; положимъ, съ мѣдными трубами я не знакомъ, а пройти чрезъ таковыя, по теперешнимъ временамъ, также необходимо для практическаго человѣка, но за то польза шпицрутеновъ преподана была мнѣ въ пору самой цвѣтущей молодости, а потому въ благонравіи и благонадежности моихъ помысловъ не можетъ быть сомнѣнія.

Происхожу я не отъ какого-нибудь кабатчика, которымъ теперь и входъ въ городскую думу запрещенъ, и не отъ хлыща чиновника, который даже кровъ-то отцовскій кабатчику заложилъ. Нѣтъ, я сынъ ветерана-солдата, который всю жизнь го-

товъ былъ пролить кровь свою за отечество, хотя и не представилось къ тому благопріятнаго случая. Учился я въ школѣ кантонистовъ, а потому и далекъ отъ тѣхъ свободомыслія и вольнодумства, которыми заражено теперь большинство городскихъ головъ, получившихъ образованіе въ реальныхъ и коммерческихъ училищахъ. Охъ, ужъ эти мнѣ училища, давно бы ихъ въ щебень обратилъ, да улицы вымостилъ. Боюсь свободомыслія, больше геенны огненной, а потому образованіе дѣтей своихъ довѣрилъ я не школѣ, а одному благородному джентльмену, сосланному въ Сибирь за неблагородные поступки. Итакъ, читатели должны убѣдиться теперь, что благонамѣренность свою доказалъ я не только словомъ, но и дѣломъ.

Но мнѣ нужно, чтобы знали вы, милостивые государи, что хоть я и кантонистъ по образованію, однакоже человѣкъ „съ понятіями“, а о практичности моей и говорить не стану. Всему этому обучили меня купцы: сначала Рѣшетинины, а потомъ Скотинины (вѣчная имъ память—теперь покойники); у нихъ я состоялъ „молодцомъ на побѣгушкахъ“, приказчикомъ и, наконецъ, главнымъ распорядителемъ. „Хороши же должны быть понятія у человѣка при такомъ воспитаніи!“—воскликнутъ школьники старшаго класса Маріинской школы и зрѣлые классики въ гимназіи. Не хочу я, молодые люди, вступать съ вами въ полемику, скажу только, что не въ гимназіяхъ, а именно здѣсь, въ практической школѣ жизни, на „побѣгушкахъ“, да на „подзатыльникахъ“ вырабатываются „настоящія понятія“. Въ семнадцать-то лѣтъ я былъ молодецъ-молодцомъ, не вамъ чета; аршинъ въ моихъ рукахъ становился то длиннѣе, то короче, смотря по желанію, а вѣсы—такъ тѣ колебались отъ одного моего взгляда, въ какую угодно сторону. Вотъ какъ! Ну и путешествія по чужимъ краямъ придали бодрость. Польза таковыхъ засвидѣтельствована даже Карамзинымъ, „ибо они развиваютъ въ насъ умъ и сердце“. Пищу для того и другого извлекалъ я изъ поѣздокъ со своими благодѣтелями, то въ Ирбить, то въ макарьевскую ярмарку. Ну и практическихъ знаній у меня понакопилось, когда разъ полсотни пришлось прогуляться туда и обратно на облучкѣ, рядомъ

съ кучеромъ. За всѣ труды Скотининъ произвелъ меня въ приказчики, а я, не будь дуракъ, пристроился къ его племянницѣ, и когда старикъ умеръ, собралъ его пожитки, да и былъ таковъ.

Итакъ должны же ваши читатели, г. редакторъ, убѣдиться, что я человѣкъ благомыслящій, съ „понятіями“, и достаточно практичный, но нужно мнѣ еще, чтобы всѣ увѣровали, что я гражданинъ, искренно любящій свою родину. Утверждаютъ, что такая любовь должна выражаться благотворительностью; а благотворителемъ-де не можетъ быть человѣкъ съ „понятіями“. Утвержденіе сіе совершенно ошибочно, ибо правая рука можетъ съ такой же готовностью выражать благотворительность, съ какой лѣвая обнаруживать самыя широкія „понятія“. Когда-нибудь я побесѣдую объ этомъ предметѣ пространно и надѣюсь защитить положеніе мое побѣдоносно. Положимъ, что я успѣлъ убѣдить вашихъ читателей въ честности моей и искренней любви къ родинѣ, несмотря даже на то, что имѣю „свои понятія“. Теперь же, спрашивается, желаете ли вы, чтобы такой, какъ я человѣкъ, сидѣлъ городскимъ головою города Тюмени? Желаете ли вы? спрашиваю я. Находите ли вы это выгоднымъ сообразнымъ съ вашими интересами?

Тюмень, извѣстно вамъ, помойная яма—разсадница всякихъ болѣзней. Нужны силы Геркулеса, чтобы очистить эти Авгіевы конюшни. Вѣдь, вамъ должно же быть пріятно, когда такой интеллигентный, съ понятіями, человѣкъ заведетъ тамъ чистоту и порядокъ, какихъ не найти не только въ Сибири, но и во всемъ отечествѣ. Такъ, еще разъ, спрашиваю: желаете ли видѣть меня тюменскимъ городскимъ головою?

Пожалуйста, не удивляйтесь моему вопросу и не подумайте, что я шучу съ вами. Да и права вы на это не имѣете. Отчегоже, спрашивается, не сочли вы за шутку, когда у насъ даже нѣкій Борисовичъ и тотъ мечталъ о городской кассѣ и шитомъ мундирѣ, но его отвлекъ вкусный пирогъ, испеченный кѣмъ-то на золотыхъ пріискахъ. Съ какой же стати, послѣ этого, принимать за шутку мой вопросъ!

Но вы, можетъ-быть, спросите, какова въ настоящее время

моя профессія? Батюшки мои! Самаго-то главнаго я и не сообщилъ вамъ о себѣ. Каковъ претендентъ на должность городского головы и профессію-то скрываетъ,—подумаете вы. Не безпокойтесь, отвѣчу вамъ такъ же, какъ отвѣчаю любознательнымъ спутникамъ въ вагонахъ желѣзныхъ дорогъ, когда они интересуются моей особой.—Профессія моя торговля и промышленность!—Чѣмъ торговать изволите?—Торгую хлѣбомъ, въ лабазахъ, а промышляю на счетъ гуманныхъ тенденцій, т. е. газету издаю. Нынѣ это въ порядкѣ вещей: издательство газетъ въ рукахъ мукомоловъ кабатчиковъ, жидовъ, просоловъ и т. под. представителей гласности; поэтому каждая газета, за недостаткомъ содержательности, удовлетворяетъ подписчиковъ преміями въ видѣ романовъ, картинъ, олеографій, носовыхъ платковъ и выкроекъ. Я же, когда буду городскимъ головой, предложу каждому своему подписчику, въ видѣ преміи къ газетѣ, полуштофъ „свѣтланы“. Этотъ продуктъ хоть и не у меня приготовляютъ, но все же изъ моихъ матеріаловъ.

Сообразите же теперь, какъ выгодно избрать меня тюменскимъ городскимъ головою. Въ лицѣ моемъ городъ пріобрѣтетъ образованнаго распорядителя, а подписчики на мою газету будутъ имѣть на новый годъ даровой полуштофъ „свѣтланы“, очищенной на водочномъ заводѣ моего друга Мокрятникова. А гуманныя то тенденціи—вы не во что ставите? Нѣтъ-съ, извините: съ помощью этого орудія, въ качествѣ городского головы, я устрою такую благотворительность, которая привлечетъ въ Тюмень обездоленный людъ со всей губерніи. Устрою я кофейныя для нѣмцевъ, чайныя для чиновницъ, распивочныя для чернаго люда и столовыя для всѣхъ. Наши дамы будутъ у меня цѣлыми днями щи разливать, да тѣсто мѣсить; въ карты играть перестанутъ и проигрываться не будутъ, за что мужья ихъ преподнесутъ мнѣ въ день именинъ благодарственный адресъ.

Впрочемъ, по этому поводу будетъ особая трактація; въ слѣдующемъ письмѣ я изложу программу своей дѣятельности. А теперь спрошу васъ въ послѣдній разъ: хотите ли, милостивые государи, имѣть меня тюменскимъ городскимъ головой?

II.

23-го сентября.

Въ первомъ письмѣ рекомендовалъ я вамъ, милостивые государи, свою особу на должность тюменскаго городского головы и, вообразите, никто на это въ отвѣтъ ни единымъ словомъ не обмолвился. Одни выжидаютъ, какую дамъ я программу своей дѣятельности, а другіе давно рѣшили, что съ умнымъ головой, по теперешнимъ временамъ, только „бѣду наживешь".—„Намъ, говорятъ они, нужно голову попроще—незамысловатую".—Какъ, почему? спросите вы, удивленные и пораженные такою неожиданностью.—А потому, во-первыхъ, милостивые государи, что у гласныхъ городской думы своего ума достаточно, а во-вторыхъ въ св. писаніи сказано, что умная голова „и во тмѣ зрящетъ". Вотъ этого-то многимъ и не надобно!

Если такъ, то Богъ съ вами, не хочу я служить такому обществу. Предъявляя свои права и способности, я не столько искалъ почетной должности, сколько имѣлъ въ виду сдѣлать маленькое неудовольствіе доброму Анатолію Алексѣевичу и за то именно, что, состоя городскимъ головою, не удостоилъ онъ у меня въ нынѣшнемъ году именинnаго пирога откушать.

Такъ, повторяю, не хочу я служить тюменскому обществу, да и выбрать-то меня „въ городскіе головы", строго говоря, оно не можетъ, уже по тому одному, что баллотировать себя я не позволю, считая дѣяніе сіе, въ такомъ общегосударственномъ дѣлѣ, конституціонной продѣлкой, которая противорѣчитъ моимъ высоконравственнымъ стремленіямъ. Намъ ли, россіянамъ, въ странѣ земледѣльческой, перенимать механику парламентаризма и конституціонизма. До парламентаризма ли тутъ, когда мы готовы другъ съ друга послѣдній лапоть стащить и никакихъ интересовъ, кромѣ „шкурныхъ", знать не знаемъ, да и знать не хотимъ. Исторія указываетъ намъ только на одну приснопамятную Марфу Новгородскую, которая могла въ своей республикѣ народъ вольницу держать въ „ежовыхъ рукавицахъ". Нашъ же городской парламентаризмъ ведетъ къ тому, что Прохоръ да

Иванъ выбираютъ Петра и Луку, а Петръ и Лука радѣютъ Прохору и Ивану, со всей ихъ братіей; и такъ до послѣдняго свата, кума и всего сонма „рука руку моетъ".

Скажите на милость, какая мнѣ нужда окунуть свою сѣдую голову въ лужу разныхъ городскихъ дрязгъ? Чтобы заслужить память потомства? Да кого изъ честныхъ городскихъ дѣятелей помянули вы добрымъ словомъ, надъ чьимъ прахомъ мавзолей воздвигли? Неужели не было у васъ во главѣ управленія ни одного честнаго человѣка? Какъ не быть, были люди, да оцѣнки-то отъ васъ не выслужили. Вотъ и служи вамъ!

Разъяснивъ, такимъ образомъ, почему не можете вы избрать меня городскимъ головой, перехожу теперь къ изложенію того, какими благами пользуюсь я въ настоящее время и какимъ бы я былъ несчастнѣйшимъ существомъ въ почетной должности. Теперь я живу, можно сказать, „припѣваючи", торгую мукой, издаю газету и не могу безвинно подвергнуться даже малѣйшей непріятности. Развѣ только корова, изъ тѣхъ, что гуляютъ по всѣмъ бульварамъ и улицамъ, вздернетъ меня на свои рога, но, зная это, я избѣгаю праздныхъ прогулокъ по городу. Встрѣтившись на улицѣ „съ молодцомъ изъ конторскихъ въ веселомъ настроеніи", почтительнѣйше даю ему дорогу и схожу съ тротуара въ грязь, чтобы не быть сверженнымъ, куда придется. Хожу я чаще всего въ церковь и притомъ въ такое время, когда кабакъ—„нашъ отечественный парламентъ"—еще закрытъ и чающіе движеніе воды сидятъ пригорюнившись. Въ церкви хоть я и не стою бокъ-о-бокъ съ капитаномъ-исправникомъ, однако, при большомъ стеченіи народа, ревностные богомольцы выдавить изъ тѣла мою христіанскую душу ни въ какомъ случаѣ не могутъ, такъ какъ пристроился я къ одной благочестивой вдовушкѣ, которая ограждена отъ черной публики крѣпкимъ дубовымъ барьеромъ. За этимъ-то барьеромъ душа моя находится внѣ всякой опасности, и молимся мы со вдовицей едиными устами, единымъ сердцемъ и объ единомъ только спасеніи.

Насчетъ благосостоянія моего подвергнуться какой-нибудь непріятности я также не могу. Такъ, напримѣръ, въ случаѣ по-

хищенія имущества, я даже полицію не безпокою, а отправляюсь прямо въ кладовую моего благопріятеля и заявляю свои права на собственность.—„Да развѣ это твое? Ну извини, братецъ, не разглядѣлъ!“—только и скажетъ онъ мнѣ, возвращая все до ниточки.

Наконецъ, чтобы тѣло мое даже послѣ смерти не попало какъ-нибудь въ волчій желудокъ (кому-же охота похоронить себя въ волчьемъ желудкѣ?), завѣщаю я похоронить себя не на городскомъ погостѣ, а въ монастырской оградѣ, гдѣ купилъ я, на всякій случай, аршинъ землицы, рядомъ со вдовой-благодѣтельницей.

Видите ли теперь, милостивые государи, какъ гарантировалъ я себя отъ всякихъ непріятностей? Сравните же теперь мое безопасное положеніе съ тѣмъ, какое можетъ постигнуть меня, когда я буду избранъ тюменскимъ городскимъ головой. Всѣмъ извѣстно, что тюменцы самый несносный народъ въ мірѣ и на нихъ ничѣмъ не угодить. При томъ между обывателями города господствуютъ три вліятельныхъ партіи: пароходчики, кожевенные заводчики и виноторговцы. Вотъ и извольте вы первымъ благотворить, ко вторымъ снисходить, а третьихъ не стѣснять только—имъ и этого достаточно. Не ублаготвори я первыхъ, сдѣлай какую-нибудь непріятность, ратуя хотя бы о тѣхъ же городскихъ интересахъ, и возстанутъ противъ тебя всѣ поголовно, назовутъ самодуромъ, притѣснителемъ, распустятъ дурную молву по всей обской рѣчной системѣ, нажалуются и низвергнутъ тебя съ преданіемъ осмѣянію, да и впредь избирать не будутъ.

Къ кожевеннымъ заводчикамъ нужно относиться снисходительно. Попробуй только заикнуться, что, отравляя воду рѣки Туры подзоломъ и ошурками, посягаютъ они на общественное здравіе,—поднимется все Зарѣчье, и докажутъ вамъ, какъ дважды два—двадцать четыре, что наша-де вода, благодаря близости кожевенныхъ заводовъ, не только безвредна, но даже и питательна. У насъ-де есть свои натуралисты, инженеры и юристы, которые не меньше вашего знаютъ. Если бы и нашелся какой порядочный человѣкъ, далекій отъ „шкурныхъ“ интересовъ, ко-

торый бы началъ доказывать что-либо, особенно съ медицинской точки зрѣнія положенія; то противъ него поставятъ адвоката, который старинными сенатскими указами подтвердитъ ему, что водѣ въ рѣкѣ Турѣ такой и быть надлежитъ, ибо отравлять ее дозволено еще въ прошломъ столѣтіи и съ тѣхъ поръ запрещенія на это не послѣдовало.

Наконецъ, стѣсненіе винокуренныхъ заводчиковъ и кабатчиковъ можетъ повести къ тому, что получишь нѣкоторыя поврежденія благородныхъ частей организма, какъ, напримѣръ, случилось это въ Томскѣ, съ моимъ благопріятелемъ Ревуновымъ.

Какъ видите, милостивые государи, положеніе въ Тюмени городского головы таково, что не всякій ему позавидуетъ. Сядутъ на тебя и поѣдутъ сначала пароходовладѣльцы—вывози-де-скать кляча, на то тебя и въ оглобли поставили; запрягутъ въ телѣгу кожевники, да на тебѣ же и начнутъ рѣку унаваживать—вези, скажутъ, кляча, на то тебя и выбрали. Ну, а если, да какой-нибудь сумасшедшій поступитъ съ тобой такъ же, какъ въ Москвѣ съ бѣднягой Алексѣевымъ? Примѣръ заразителенъ, а прецендентовъ къ тому въ Тюмени не мало!

Словомъ—посрамленіе или смерть ожидаютъ меня, что бы я не сдѣлалъ, за что бы полезное для общества не взялся, не говоря уже о томъ, что у меня явится цѣлая куча соперниковъ, которые рады будутъ извести меня всячески, лишь бы на будущее четырехлѣтіе занять мое незавидное положеніе.

III.

30-го сентября.

Положимъ, милостивые государи, что, состоя тюменскимъ городскимъ головою, не буду я ни посрамленъ, ни изгнанъ, ни лишенъ драгоцѣнной жизни, а буду такимъ же самоуправителемъ, какъ, наприм., Рыковъ въ городѣ Скопинѣ. Что-жъ, думаете вы,

выгодно было бы мнѣ промѣнять теперешнее мое матеріально обезпеченное положеніе на то, въ какомъ находится городской голова? Такъ невыгодно, такъ невыгодно, что я съ ужасомъ помышляю о подобной возможности. Вотъ вы сами убѣдитесь въ этомъ, когда сообразите внимательно слѣдующія обстоятельства.

Доходы мои въ настоящее время отъ хлѣбной торговли, да отъ газетной промышленности простираются до 7,000 руб. На эти деньги я не только живу въ свое удовольствіе, но и откладываю „малую толику на черный день.“ Чай пью ежедневно два раза и не въ прикуску, а въ накладку. Обѣдаю сытно и вкусно; жена у меня сама стряпней не занимается, а нанята „за повариху“*) извѣстная Анна Васильевна, которая даже для путейскихъ инженеровъ обѣды готовила. А, вѣдь, всѣмъ извѣстно, что инженеры да лицеисты хорошо кушать пріучаются еще на школьной скамьѣ—не то, что технологи, лѣсники и прочіе студенты, которымъ помышлять о единомъ хлѣбѣ не доводится. Полы въ комнатахъ хозяйка мнѣ не моетъ, а нанимаю я для того острожныхъ бабъ; развѣ съ-изрѣдка и то не корысти ради, а чтобы не потерять привычки—вымоетъ она полъ въ одномъ моемъ кабинетѣ. То же можно сказать и относительно стирки бѣлья, которая производится въ кухнѣ. Маленькая непріятность состоитъ единственно въ томъ, что паръ вынимаемаго изъ кипятку бѣлья разгуливаетъ на раздольѣ по всему дому и сильно щекотитъ наше привычное обоняніе. Живу я съ семьей въ нижнемъ, подвальномъ этажѣ, поэтому пріемныя комнаты у меня всегда чисты отъ пыли и отъ клоповъ, которые вообще такъ безпокоятъ особъ, когда съ дороги останавливаются они отдохнуть у нашего брата. Курить я самъ не курю, но для гостей изъ благородныхъ имѣю гаванскія сигары, подъ названіемъ „amatoria“, порожніе ящики отъ нихъ наполняю я для своихъ друзей благовоннымъ Крафтомъ, потому что обоняніе ихъ снисходительно и не избаловано. Въ именинные дни у меня всегда пирогъ и сухая закуска: поземы,

*) Такъ называютъ у насъ хорошихъ кухарокъ, которыя однако въ кулинарномъ искусствѣ не достигли степени поварихъ.

балыкъ, муксунъ, икра отъ разныхъ рыбъ, рыжики и пр. произведенія нашихъ обширныхъ рѣкъ и лѣсовъ. Наливки у меня изъ всевозможныхъ ягодъ: изъ ягодъ-же приготовляю я и вина*) для повседневнаго употребленія, а бауэровскимъ разливомъ щеголяю только предъ заѣзжими изъ губернскаго города.

Видите теперь, мм. гг., что живу я не хуже покойнаго Кокорева и за всѣмъ этимъ остается у меня нѣкоторая сумма на другія потребности животныя и духовныя. Такъ, наприм., по части удовлетворенія потребностей нравственно-эстетическихъ, отправляюсь я въ театръ Текутьева и упиваюсь тамъ до седьмого поту прелестями французскихъ душу раздирающихъ драмъ. Посѣщая эти зрѣлища, доставляю я удовольствіе не только лично себѣ, но и своему другу-антрепренеру театра—моему коллегѣ по мучной торговлѣ. Оба мы приняли на себя нелегкій трудъ пробужденія въ обществѣ гуманныхъ тенденцій: я—путемъ гласности, а онъ—чрезъ посредство Мельпомены, Таліи и Терпсихоры. Вечерами музы эти вдохновляютъ актеровъ, а днемъ отдыхаютъ въ мучномъ лабазѣ, тамъ, гдѣ крупчатка сложена. Въ зимнее время у бѣдныхъ небожительницъ отъ стужи „зубъ съ зубомъ“ не сходится, только однимъ чашкомъ и отогрѣваютъ они свои окоченѣвшіе члены. Платятъ за наше къ нимъ невниманіе самой звонкой монетой. Прекрасная половина человѣческаго рода въ г. Тюмени, насмотрѣвшись французскихъ драмъ, начинаетъ прибирать къ рукамъ нашего брата. Эмансипація наступаетъ! Попробуй теперь злочастный мужъ раскуражиться—„уйду“, говоритъ ему жена, „и дѣло съ концемъ; видѣлъ, во вчерашнемъ театрѣ, какъ Жули бросила Пьеро и бѣжала съ Альфонсомъ, такъ и я сдѣлаю!“ Ну и мужья тоже—„не даютъ маху“: чего прежде и въ голову не приходило, стало теперь цѣлью всяческихъ помысловъ. Сценическое искусство—великая сила! Оно способно образно и надолго запечатлѣвать въ мысляхъ и чувствахъ человѣка какъ высокіе идеалы, такъ равно и низменные инстинкты, поэтому

*) И между прочимъ такъ называемую „мадеру-топтунецъ“ изъ чернослива съ бадьяжнымъ настоемъ, въ хорошо очищенной водкѣ.

служитъ величайшимъ орудіемъ развитія общества въ хорошую и въ дурную сторону. Я вотъ и старикъ, а все же, когда бывало посмотришь душу раздирающую драму или французскій „удивильчикъ“*), приходитъ желаніе привести себя въ пріятное расположеніе духа и тѣла. Для этого отправляюсь я въ общественный клубъ, гдѣ имѣю возможность наслаждаться танцами и учиться деликатному обращенію. Правда, старички и старушки здѣсь очень чопорны, а молодцы черезъ-чуръ игривы, но что же мѣшаетъ мнѣ уйти въ клубъ приказчиковъ, гдѣ все дышетъ откровенностью отношеній между гостями „за всяко просто и по русскому обычаю вполнѣ «на распашку»?“ По части потребности въ просвѣщеніи, госпожа смотрительша записала меня членомъ попеченія объ учащихся и, благодаря такой любезности, слушалъ я въ прошломъ году за умѣренную плату, во-первыхъ, публичныя чтенія съ туманными картинами о кулачныхъ бояхъ вообще и о дѣяніяхъ купца Калашникова въ частности, а во-вторыхъ, на годичныхъ собраніяхъ этого общества созерцалъ въ маленькомъ видѣ всесословную палату общинъ, съ участіемъ женскаго пола и даже подъ предсѣдательствомъ женщины (какъ мы однако опередили Европу!). Эти собранія напоминали мнѣ изъ глубокой древности новгородское вѣче съ тою только разницею, что въ старое время, когда разнуздавшаяся публика начинала галдѣть, Марѳа посадница изъ подъ душегрѣйки свой кулакъ показывала—теперь же публика призывается къ порядку мягко, нѣжно и ласково: „если вы меня любите и уважаете, то прошу умолкнуть“—говоритъ предсѣдательша: шумъ стихаетъ и звѣрь-человѣкъ обращается въ агнца. Таково, мм. гг., въ главныхъ чертахъ житье-бытье мое въ Тюмени при 7,000 руб. дохода.

Посмотрите, какое жалкое существованіе ожидаетъ меня, когда я буду городскимъ головою при томъ же самомъ содержаніи. „Какъ при томъ же самомъ содержаніи?“ спросите вы. „Да развѣ городской голова въ Тюмени жалованья не получаетъ?“—

---

*) Наше тюменское выраженіе—вѣроятно отъ глагола „удивляться“—означающее водевиль.

Какъ не получаетъ, получаетъ онъ болѣе любого директора департамента, вѣроятно и мнѣ назначатъ не менѣе 3,000 руб. годового содержанія, но поймите, мм. гг., что долженъ я буду за такое вознагражденіе свои торговыя операціи сократить и газету совершенно закрыть. Только подъ этимъ послѣднимъ условіемъ и могутъ избрать меня городскимъ головою. „Да развѣ нельзя совмѣстить общественную службу съ издательствомъ газеты?“ спросите вы.—Ни коимъ образомъ—отвѣчу я на это. Какъ городской голова долженъ я буду очень многое удерживать въ секретѣ отъ публикаціи, а какъ газетчикъ—все это передавать гласности и, притомъ, наводить критику на такія дѣянія, за которыя въ старое время у членовъ управы ноздри рвали, да въ Сибирь ссылали. Самое же главное затрудненіе будетъ въ томъ, что цѣны на жизненные припасы, которыя я сообщаю въ своей газетѣ, не сойдутся со справочными городской управы и тогда господа экзекуторы казенныхъ заведеній предадутъ меня анафемѣ на всѣхъ городскихъ перекресткахъ. Положимъ премія, въ видѣ „свѣтланы“, склонитъ въ городской думѣ на мою сторону всѣхъ тюменскихъ виноторговцевъ, а гуманныя тенденціи увлекутъ туда же благотворительныхъ дамъ и либеральныхъ дѣвицъ. Положимъ, чрезъ своихъ мужей и отцовъ, составятъ онѣ мнѣ большинство на выборахъ въ городского голову, даже безъ всякаго ограниченія правъ на изданіе газеты, но обсудите и оцѣните сами вы, мм. гг., въ какое безвыходное положеніе поставляю я себя такимъ образомъ!

Иду затѣмъ далѣе. По части альтруизма всякія операціи будутъ обходиться мнѣ при новомъ моемъ положеніи несравненно дороже, чѣмъ въ настоящее время, и вотъ по какимъ весьма простымъ обстоятельствамъ. Въ настоящее время отзывчивость моя на всякое доброе дѣло даже и границъ не знаетъ, а, главное, она мнѣ ничего не стоитъ. Чтобы не предприняли для общаго блага, общественную ли столовую, обѣдъ ли по подпискѣ, музей, ночлежный домъ, стипендію—вездѣ и всюду несу я свою посильную лепту. Стоитъ мнѣ потомъ только накинуть нѣсколько грошей на пудъ моего товара и жертва моя покрывается съ лихвой. „Съ

бѣдняковъ по ниткѣ, голому рубашка!“ говоритъ пословица. Неудобно бываетъ покрывать такимъ образомъ расходы мои только въ голодные годы, ибо гешефтъ становится очевиднымъ, почему я и прибѣгаю тогда къ разнымъ спасительнымъ суррогатамъ, какъ-то: мелкій песокъ, березка, камышъ толченый и пр. и пр.

Разсудите теперь, во что обойдется мнѣ такое же проявленіе альтруизма, когда, по должности городского головы, будетъ принадлежать мнѣ инициатива проявленія благотворительности во всѣхъ ея видахъ; покрывать же таковую обычнымъ образомъ будетъ невозможно. А представительство, а пріемы въ высокоторжественные дни, вы думаете, дешево обходятся? Не могу же я самъ бывать, а къ себѣ никого не принимать! Такихъ людей у насъ въ Тюмени съ презрѣніемъ называютъ „чужа ужна“. Скажите на милость, кому охота получить такую репутацію? Итакъ, въ концѣ концовъ, видите вы, что отъ всѣхъ высшихъ благъ, которыми смягчается горечь нашей будничной жизни, долженъ я буду отказаться: газету, если не закрыть совершенно, то значительно сократить; благотворительные порывы обуздать; а для посѣщенія театра и публичныхъ лекцій не будетъ у меня ни средствъ, ни времени.

Нѣтъ, господа, ни за какія коврижки не промѣняю я теперешняго моего положенія. По назначенію отъ правительства, могъ бы я еще стать во главѣ городского управленія, но и то только въ надеждѣ получить званіе коммерціи совѣтника. Въ этихъ видахъ и буду терпѣливо излагать вамъ въ слѣдующихъ письмахъ программу своего управленія. Не назначатъ меня городскимъ головою, тогда пусть на доброе здоровье замѣститель мой воспользуется этимъ проектомъ: дѣло отъ этого ничего не проиграетъ. „Каковъ, скажете вы, претендентъ: еще въ головы не попалъ и заслугъ не обнаружилъ, а ужъ къ наградѣ приговаривается; да вѣдь званіе-то коммерціи совѣтника къ генеральскому чину приравнивается?—Эхъ, господа, господа, да кому на роду написано, того и изъ дьяконовъ мандариномъ сдѣлаютъ! Вотъ въ Китайской имперіи, напримѣръ, генеральскіе-то чины жены своимъ мужьямъ въ шахматы выигрываютъ. На такой фо-

кусъ, разумѣется, я не разсчитываю, но надѣюсь заслужить почетное званіе вѣрной своей службой на пользу отечеству. За всѣмъ симъ не думайте, что одно только честолюбіе руководитъ моею настойчивостью; въ слѣдующемъ письмѣ изложу я и другія къ тому законныя причины.

IV.

6-го октября.

Изъ предыдущихъ писемъ моихъ должны наши читатели придти къ убѣжденію, что едва ли подобный мнѣ благомыслящій и „съ понятіями“ гражданинъ рѣшится связать себя съ тюменскимъ обществомъ, а тѣмъ болѣе поставить себя отъ него въ зависимость. Да, и однакожъ я желаю, чтобы правительство назначило меня головою городского управленія. Повѣрьте, не одно тщеславіе руководитъ мною, нѣтъ, мм. гг., не настолько еще мелочны и низменны мои стремленія! Намѣренія мои чисты и цѣли возвышенны! Дѣло въ томъ, что, сколько мнѣ извѣстно, финансовыя средства города и вообще рессурсы его всякаго рода находятся въ состояніи, близкомъ къ банкротству; такъ вотъ я и желаю спасти отъ такового моихъ милыхъ согражданъ.

Имѣю я также въ виду и проучить ихъ за одну скверную непріятность, которую они разъ мнѣ сдѣлали. Въ чемъ заключается эта непріятность, не скажу вамъ теперь, но потомки ваши узнаютъ о ней изъ моихъ записокъ, надъ которыми я давно уже работаю. Много тайнъ узнаетъ потомство изъ этихъ записокъ, такихъ тайнъ относительно нѣкоторыхъ персонъ, что персоны эти даже въ гробу будутъ переворачиваться при чтеніи объ ихъ подвигахъ. Чтобы кто-нибудь изъ васъ, мм. гг., не похитилъ мои труды, или не пожрало таковые пламя пожаровъ, намѣренъ я помѣстить ихъ въ несгараемыхъ шкапахъ англійскаго банка, рядомъ съ многообѣщающими мемуарами маститаго нѣмецкаго канцлера. Открою вамъ,

господинъ редакторъ, по секрету, что первая часть моихъ записокъ окончена и заключается въ нихъ, между прочимъ, одна статья о томъ, какими путями создались тюменскіе капиталы и куда дѣвались они въ послѣдніе тридцать лѣтъ; другая—о томъ, какъ прозябаемъ мы вдали отъ просвѣщенныхъ центровъ и какъ отъ скуки нѣкіе молодцы „саврасы", съ университетскимъ даже образованіемъ, отогрѣваютъ себя въ жаркихъ баняхъ, поддавая на каменку вмѣсто воды шалонское шампанское. Однако я заговорился.

Еще въ первомъ письмѣ обѣщалъ я изложить вамъ, мм. гг., программу своей будущей дѣятельности и, только теперь, послѣ длиннаго предисловія, рѣшаюсь приступить къ этому. Но прежде всего нужно мнѣ, чтобы сознали вы, господа, что стоите на краю пропасти и находитесь въ состояніи полной безпомощности. О, нечестивый городъ Тюмень! Денегъ на черные дни ты не припасъ, а земельныя имущества, какъ говорятъ, профершпилилъ. Проигрался-то ты очевидно не съ похмелья, а по невѣжеству. Будешь влачить теперь свою жизнь постылую, какъ чиновникъ гаванскій*)! Банкротство и неминуемое банкротство ожидаетъ тебя!

Вы думаете, я шучу: готовъ дать руку на отсѣченіе, если этого не послѣдуетъ. Оглянитесь только на свое хозяйство. Вода въ водопроводахъ испорчена, да и дѣйствовать-то они скоро у насъ откажутся по той простой причинѣ, что трубы давно перегнили; водокачка разрушается, мостъ черезъ Тюменку грозитъ крушеніемъ, а будущая каменная мостовая, думаете вы, мало потребуетъ расходовъ. Сообразите только, что черезъ каждые полгода будетъ она заплывать грязью, которая потребуетъ устраненія, а ремонтъ-то, ремонтъ-то во что обойдется! Одинъ велеумный риторъ, изъ гласныхъ разумѣется, хотя и доказывалъ мнѣ, что мостовая „стелется-де по всѣмъ техническимъ требованіямъ", однако мѣстами ее такъ низко (не по уровню) упрятали въ землю, что даже съ улицы во дворъ не въѣдешь**). Подумайте,

*) Отдаленный уголокъ Петербурга называется Галерною гаванью; онъ населенъ преимущественно бѣдными чиновниками разныхъ учрежденій Петербурга.

**) Противъ дома Колмакова и лавокъ.

подумайте только, какіе расходы предстоятъ вамъ и чѣмъ вы ихъ покроете!

Должны же вы были памятовать, что все въ этомъ мірѣ тлѣнно и не вѣчно, а капитальныя городскія постройки сооружены вашими отцами и дѣдами. Въ то самое время, когда русскаго парламентаризма не было и когда городскіе доходы простирались не болѣе 20.000, предки соорудили вамъ гостинный дворъ, загородный садъ, водопроводы, мосты, бульвары и проч. и проч. Спрашивается, что сдѣлали вы за время дарованнаго вамъ самоуправленія? Воздвигли-ли хотя одно городское зданіе, церковь, школу? Ничего не сдѣлали, несмотря на то, что на нѣкоторыя сооруженія даже и деньги давно собраны. Не трудно догадаться, что говорю я о той часовнѣ, которую тринадцать лѣтъ готовитесь вы выстроить, но не можете только придти къ соглашенію, какую часть города ею украсить.

Разумѣется, во всемъ этомъ нельзя винить теперешнее городское управленіе съ его руководителемъ. Боже меня упаси отъ этого! Сколько извѣстно, нашъ составъ городской управы проникнутъ самыми благородными побужденіями, но старые грѣхи скоро не выправишь. Всему виною опять таки парламентаризмъ, играя въ который въ теченіе 20-ти лѣтъ, большинство русскихъ городовъ достукалось до поразительныхъ фактовъ нерадѣнія къ общественнымъ интересамъ и злоупотребленія ими для личныхъ цѣлей. Весь этотъ періодъ можно охарактеризовать: безконтрольностью, безотвѣтственностью и безнаказанностью. Самоуправленіе, дарованное Верховной Властью, какъ summum jus, оказалось всюду на практикѣ summa injuria.

Постигаете-ли по крайней мѣрѣ, мм. гг., свое безпомощное, безвыходное положеніе? спрашиваю я. Желаете-ли вы сойти съ того скользкаго пути, на которомъ находитесь? Горестное положеніе ваше извѣстно мнѣ давно; десять съ лишнимъ лѣтъ помышляю я, какъ бы помочь вамъ, и потому въ зрѣлости моихъ мѣропріятій, надѣюсь, сомнѣваться не будете.

Кто хочетъ приготовить зайца подъ соусомъ, нужно сперва поймать зайца, говорятъ наши друзья-французы; такъ точно и

здѣсь: чтобы сдѣлать васъ счастливыми и богатыми, нужны прежде всего деньги, деньги и деньги. По моему мнѣнію, нужны еще хорошіе распорядители. Будь у меня подборъ подобныхъ хорошихъ распорядителей, деньги мы изъ земли ковать станемъ и будетъ у насъ ихъ сколько угодно. Стало быть, прежде всего нужно реформировать составъ городского управленія и реорганизовать канцелярію.

Настоящая городская дума даже помѣщенія благоустроеннаго не имѣетъ. Скажите на милость, какой порядочный дѣлецъ съ мало-мальски культурными привычками рѣшится остаться даже на нѣсколько часовъ въ ужасной атмосферѣ городской управы и подвергнуть себя истязанію клоповъ, которые завели свои колоніи въ мебели еще съ прошлаго столѣтія. Какъ вы думаете, отчего господа гласные до сего времени такъ рѣдко посѣщали городскую управу и такъ небережно относились къ своимъ обязанностямъ? А оттого собственно, что помѣщеніе для засѣданій казалось имъ мало уютнымъ и неопрятнымъ. Антре хуже чѣмъ въ порядочномъ почлежномъ домѣ: залъ для совѣщаній малъ и загроможденъ мебелью, которую давно пора-бы пожертвовать въ Тобольскій археологическій музей; кабинета для уединенія членовъ нѣтъ, а потому для секретныхъ совѣщаній отправляются они въ холодныя сѣни. Согласитесь, вѣдь это-же ни на что не похоже!

При вступленіи въ управленіе городомъ, прежде всего займусь я провѣтриваніемъ, т. е. вентиляціей помѣщенія городской управы. Для канцеляріи найду другое помѣщеніе и соединю его телефономъ со столомъ городского секретаря, благо теперь затѣя эта ничего не стоитъ. Въ благоустроенной думѣ, по моему мнѣнію, долженъ быть залъ для засѣданій залъ для уединенія и залъ для думскихъ собраній въ свободное отъ занятій время. Будь только у насъ въ распоряженіи залъ для собраній, тогда мы и въ клубъ не станемъ ходить. Въ думѣ совершали бы мы разные акты, читали-бы публичныя лекціи, устраивали бы общественные балы въ высокоторжественные дни; а главное, послѣ продолжительныхъ и шумныхъ засѣданій, могли бы мы получить здѣсь отдохновеніе и разсѣять злобу дня, какъ-бы горька она намъ не

ОБЛАСТНАЯ
ИВЛИОТЕКА

показалась. Разумѣется, стѣны зала я украшу портретами бывшихъ градоправителей, чтобы не было нареканій въ недостаткѣ къ нимъ вниманія; подъ небольшой нишей устрою буфетъ, гдѣ гласные могутъ найти во всякое время стаканъ чаю и бутербродъ. Разрѣшеніе вина будетъ допущено только въ дни высокоторжественные, а, впрочемъ, въ этомъ послѣднемъ случаѣ воспользовался бы я указаніями всеоправдывающихъ обстоятельствъ.

Замѣчаете, какъ это все обдумано и вяжется одно съ другимъ! Прощайте до слѣдующаго письма, въ которомъ буду излагать вамъ, какъ среформирую я городскую управу и переустрою канцелярщину.

V.

13-го октября.

Руки прочь! говоритъ думскимъ дѣльцамъ новое городовое положеніе. Оно призываетъ господъ гласныхъ сбросить съ себя тотъ историческій халатъ, въ которомъ развилась русская лѣнь и который перомъ Гончарова названъ «обломовщиной». Сбросить говорю, или подобрать такъ, чтобы не препятствовалъ онъ быстрому безостановочному ходу впередъ. Необходимо это, милостивые государи, потому собственно, что условія общественной жизни предъявили намъ много такихъ требованій, о которыхъ до сего времени мы и помышлять не могли. Всѣмъ извѣстный надворный совѣтникъ и кавалеръ Порфирій Никитичъ Усѣкновенный сказалъ бы теперь, что «наступили для гласныхъ городской думы времена жестокіе и порядки строгіе»!

Подумайте, сколько на первый разъ, придется создать намъ разныхъ инструкцій, правилъ, обязательныхъ постановленій, распоряженій и проч. и проч. По необходимости думскія засѣданія увеличимъ мы какъ по количеству, такъ и по ихъ продолжительности. Вотъ почему, господинъ редакторъ, надѣюсь я, что чита-

тели наши вполнѣ одобрятъ прекрасную мысль на счетъ небольшого буфетика, о которомъ говорено было въ предыдущемъ письмѣ моемъ. Не улыбайтесь, пожалуйста, милостивые государи—въ моихъ словахъ не вижу я ничего такого, что заслуживало бы осмѣянія. Угощеніе при отправленіи служебныхъ обязанностей проголодавшихся чиновниковъ чаемъ и кофе принято теперь во многихъ казенныхъ и частныхъ учрежденіяхъ. Почему-же, спрашивается, не воспользоваться и намъ указаніемъ опыта?

За всѣмъ тѣмъ, какъ бы «изба не была красна углами», какъ бы не были благоустроены думскія помѣщенія, все же разумное управленіе городомъ будетъ зависѣть отъ благонамѣренности и благонадежности моихъ сотрудниковъ. Но согласитесь, что служить подъ руководствомъ такого способнаго и «съ понятіями» человѣка, каковъ вашъ покорнѣйшій слуга, сочтутъ для себя за великую честь самые лучшіе дѣятели. Разумѣется, чести этой будутъ добиваться и многія выскочки, но мы ихъ политично отстранимъ и изберемъ только трехъ членовъ управы, считая число три символическимъ и многообѣщающимъ.

Первому члену управы поручимъ мы городскую кассу и всѣ сборы городскихъ доходовъ; какъ видите, нуженъ здѣсь человѣкъ честный, грамотный и съ хорошими познаніями по счетной части. Протежировать на эту должность буду я тому самому благопріятелю, къ покровительству котораго, какъ сказано было ранѣе, прибѣгаю въ случаѣ похищенія моего имущества. Имя и отчество гражданина сего позволяю себѣ удерживать въ секретѣ; скажу только, что будущій дѣлецъ образованъ и ловокъ, умѣетъ хорошо считать, пасчитывать и обсчитывать, а въ бухгалтеріи, какъ говорится, «собаку съѣлъ».—Вѣроятно кабатчикъ какой-нибудь!—подумаете вы.—Можетъ быть, можетъ быть... отвѣчу я, но во всякомъ случаѣ кабаки и трактиры его подъ чужимъ именемъ значатся.

Не такъ проста функція второго члена управы, которому ввѣримъ мы часть санитарную, водоснабженіе города, присмотръ за перевозами чрезъ рѣку и за промышленными заведеніями. Сложныя обязанности требуютъ на эту должность человѣка

интеллигентнаго и съ познаніями. А слабость наша, какъ извѣстно всякому, въ томъ-то и заключается, что тюменская интеллигенція крайне бѣдна капиталомъ, а капиталъ крайне бѣденъ образованіемъ. Вотъ почему, милостивые государи, при выборѣ кандидата на эту должность будемъ мы имѣть въ виду только одну талантливость. Талантливый человѣкъ, состоя на службѣ, можетъ и наукамъ у насъ обучаться. Для этого въ проэктированныхъ мною залахъ городской думы предполагаю я устроить публичныя лекціи—сначала по санитарной части, а потомъ и по гидравликѣ. На первую кафедру приглашу врача изъ западнаго края и притомъ іудейскаго вѣроисповѣданія. Выказавъ такую религіозную терпимость и вниманіе къ еврейству, надѣюсь впослѣдствіи получить кредитъ у французскихъ банкировъ, въ которомъ встрѣтится намъ безотлагательная надобность. Назначивъ по пяти рублей за каждый часъ, въ прибавокъ разрѣшу я своему лектору, когда думскія залы будутъ свободны, развлекаться тамъ излюбленнымъ «ганделемъ». Перспектива «ганделя» дѣйствуетъ на сердце жида неотразимо, почему вполнѣ надѣюсь, что въ доцентахъ санитаріи недостатка у меня не встрѣтится.

На кафедру гидравлики завербую я доморощеннаго профессора физики и агронома. Скажутъ, пожалуй, мнѣ, что лекторъ этотъ будетъ «не тово». Я и самъ думаю, что «не тово», но нужно отдать справедливость,—человѣкъ онъ милый и покладистый. Дѣлать доклады въ ученыхъ обществахъ имѣетъ онъ непреоборимую склонность, а потому уповаю, что предложеніе мое приметъ съ радостью и будетъ читать намъ лекціи gratis, т. е. безвозмездно. Въ вознагражденіе за трудъ позволимъ мы ему именовать себя на визитныхъ карточкахъ профессоромъ гидравлики и докторомъ физики. Пусть, по крайней мѣрѣ, въ воображеніи вознаградитъ онъ этимъ свое научное убожество.

Лекціи—лекціями, но нужно мнѣ, чтобы сотрудники мои могли провѣрять и самого лектора, а для этого при городской управѣ предполагаю я основать популярно-научную библіотеку, въ составъ которой по интересующимъ насъ предметамъ войдутъ

сочиненія, указанныя ниже въ примѣчаніи*).

На обязанность третьяго члена управы возложимъ мы оцѣнку недвижимыхъ имуществъ, выдачу плановъ, разрѣшеніе и наблюденіе за постройками и сооруженіями общественныхъ и частныхъ зданій и проч и проч. Избранное лицо должно будетъ, во-первыхъ, изучить «отъ корки до корки» строительный уставъ, а во-вторыхъ, для развитія художественно-архитектурнаго вкуса, познакомиться хотя съ «Хозяйственнымъ Строителемъ». Журналъ этотъ полезенъ во многихъ отношеніяхъ, и потому войдетъ въ составъ думской библіотеки. Но такъ какъ предстоитъ намъ надобность въ капитальнѣйшихъ городскихъ сооруженіяхъ, каковы соборъ, гостиный дворъ, школы, сады, фонтаны и проч., то для руководства моему сотруднику по постройкамъ выпишу я трудъ Іосифа Дурма Hadbuch der Architectur. Первый выпускъ знаменитаго «гандбуха» вышелъ въ свѣтъ, когда я былъ еще юношей, а послѣдній увидятъ вѣроятно мои дѣти и даже внучата. Въ тридцатомъ томѣ этого обширнаго сочиненія, кропотливый нѣмецъ, окончивъ съ постройкою зданій вчернѣ, приступилъ къ трактаціи о сооруженіи парадныхъ лѣстницъ; судите сами— сколько еще предстоитъ ему труда, чтобы завершить свое предпріятіе?

Такими-то благоразумными распоряженіями намѣренъ я поднять умственное развитіе моихъ согражданъ и пополнить пробѣлъ въ познаніяхъ моихъ сотрудниковъ. Много, много хлопотъ предстоитъ мнѣ на первыхъ шагахъ общественнаго служенія. Да, господа, не будь 1967 статьи город. полож., которая устраняетъ женщину отъ участія въ городскомъ самоуправленіи, не то бы было. Весь составъ городской управы ангажировалъ бы я тогда изъ прекраснаго пола; но чего нельзя—о томъ и говорить нечего.

Перехожу теперь къ преобразованію думской и управской

*) Бензингеръ. Объ оздоровленіи городовъ Федоровъ. Объ удаленіи нечистотъ изъ городовъ. Эрисманъ. Различные способы удаленія нечистотъ изъ городовъ. Панаевъ. Земляная система оздоровленія городовъ. Доброславинъ. Гигіена. Флюге. Руководство къ гигіеническимъ способамъ изслѣдованія. Кенигъ. Водоснабженіе. Кольдевинъ. Книга по гидравликѣ, и проч.

канцеляріи. Весь штатъ ея, какъ извѣстно, состоитъ изъ лицъ по найму, правами государственной службы не пользующихся. Поэтому, увѣренъ я, не будетъ мнѣ никакого затрудненія организовать его изъ дѣвицъ одобрительнаго поведенія. Въ виду предполагаемой реформы въ женскомъ образованіи, завербую я къ себѣ тѣхъ педагогичекъ, въ образовательныхъ правахъ которыхъ интеллигентные родители «искали суррогата матеріальнаго обезпеченія» („Рус Вѣдом.“) и остались въ своихъ надеждахъ обманутыми. Означенною мѣрою пріобрѣту я сочувствіе всѣхъ прогрессивныхъ органовъ русской печати и укажу путь тысячамъ бѣдныхъ дѣвицъ къ честному заработку. Скажите на милость, что мѣшаетъ женщинѣ заниматься въ городской управѣ канцелярскимъ трудомъ? Вѣдь допущена же она къ занятіямъ по управленію желѣзными дорогами и по телеграфному вѣдомству? Въ Америкѣ, напримѣръ, по послѣдней переписи, число женщинъ, занимающихся свободными профессіями, достигло 250.000*). Онѣ подвизаются тамъ на различныхъ служебныхъ поприщахъ, гдѣ требуются умъ, осторожность и энергія. Въ занятіяхъ дѣвицъ по городскому управленію заключается, кромѣ того, глубокая внутренняя логика. Сообразите, какъ пріятно будетъ родителямъ видѣть дѣтей своихъ въ общемъ трудѣ на пользу общественную. Эта реформа послужитъ, наконецъ, къ смягченію нравовъ моихъ согражданъ, а сколько деликатности внесетъ она въ ихъ взаимныя отношенія, особенно при обсужденіи спорныхъ вопросовъ, когда затронуты «шкурные» интересы двухъ противуположныхъ сторонъ. Дружить съ прогрессомъ, такъ дружить! Въ качествѣ городского головы исхлопочу я введеніе въ нашей женской гимназіи преподаванія бухгалтеріи и основъ городового положенія. Ввелъ бы я еще латинскій языкъ, но боюсь обременить молодые умы чрезмѣрной многопредметностью. Знай наши прогимназистки

*) Въ этомъ числѣ насчитывается 110 женщинъ-адвокатовъ, 165 женщинъ-пасторовъ, 320 писательницъ, 580 занимающихся журналистикой, 2061 художница, 2136 женщинъ-архитекторовъ, 5135 состоящихъ на службѣ правительству, 2438 женщинъ врачей и хирурговъ, 13182 учительницы музыки, 21,071 женщинъ бухгалтеровъ, 155,000 учительницъ и проч.

латинскій языкъ, сколько бы фельдшерицъ могли мы изъ нихъ приготовить?

Преобразованіе канцеляріи поведу съ должной постепенностью. Управскаго секретаря замѣщу я особой пожилой, преимущественно изъ оставленныхъ за штатомъ начальницъ прогимназій, съ правомъ составить себѣ на службѣ «приличную партію». По моему мнѣнію, въ этой должности должна быть дама высокаго роста, стройнаго тѣлосложенія, сухощавая, смуглая, энергичная; по душевнымъ качествамъ: привѣтлива, находчива и словоохотлива (однако не болтлива); спеціальныя познанія ея должны быть въ русскомъ языкѣ и ариѳметикѣ. Въ бухгалтерскій столъ нужна старая дѣвица, потерявшая надежду на замужество и при этомъ утратившая свою привлекательность. Она должна быть мало общительна и мало разговорчива, ибо бухгалтерія требуетъ напряженнаго вниманія и образцовой тщательности. Въ качествѣ помощницъ вышеупомянутой особѣ, назначимъ мы трехъ дѣвицъ среднихъ лѣтъ съ отличной аттестаціей по каллиграфіи и ариѳметикѣ. Въ распорядительный столъ, гдѣ будетъ сосредоточена выдача справочныхъ цѣнъ, свидѣтельствъ на трактиры, постоялые дворы и проч. и проч., помѣщу я двухъ педагогичекъ спеціалистокъ русскаго языка. Одна изъ нихъ должна быть блондинка съ великорусскими чертами лица, а другая—смуглая южанка, по возможности съ классической профилью. Второй столъ будетъ занятъ дѣлами по городской больницѣ, по острогу и по воинской повинности; здѣсь же будутъ выдаваться свидѣтельства на званіе почетныхъ гражданъ. Сюда ангажирую я одну фельдшерицу и одну спеціалистку ариѳметики; знаніе русскаго языка обязательно для обѣихъ, за то красота и миловидность могутъ быть не обязательны. Должности столоначальниковъ упраздняются, а журналистомъ можетъ быть дѣвица изъ не окончившихъ курсъ прогимназіи.

Гуманности-то, гуманности сколько въ моемъ проектѣ! А главное, обойдется мнѣ вся эта музыка дѣлопроизводства вдвое дешевле, чѣмъ обходится она въ настоящее время. Имѣйте въ виду при этомъ, милостивые государи, что дамы вообще не лю-

бятъ безполезнаго бумагомаранія, а потому и расходы на канцелярскія принадлежности значительно сократятся. Чтобы поддержать похвальную бережливость въ этомъ отношеніи, всѣ распоряженія своимъ сотрудникамъ, т. е. членамъ управы, которые занимаютъ мѣсто за однимъ со мною столомъ, буду дѣлать я не письменно, какъ обыкновенно заведено въ городскихъ управахъ, а устно.

Батюшки мои, отцы родные! Кажется все предусмотрѣно, а о юрисконсультатѣ-то я и забылъ. Какъ же можно по нынѣшнимъ порядкамъ вести отвѣтственное дѣло и безъ такой особы? Можно было это только въ глупое старое дореформенное время, когда городской голова не умѣлъ даже фамиліи своей подписать. Но откуда-же, спрашивается, возьму я такую персону? Всѣ наличные адвокаты-юристы прямо или косвенно связаны контрактами съ тройственнымъ союзомъ пароходовладѣльцевъ, коженныхъ заводчиковъ и винторговцевъ. Думалъ объявить войну этой коалиціи, могу-ли я пользоваться услугами ихъ сподвижниковъ?— Превосходная мысль! Вспомнилъ я, что есть у насъ Лейба Мойшовичъ Ширманъ—единый изъ людей, съ успѣхомъ занимающійся адвокатурой, т. е. составленіемъ разныхъ кляузъ... Его-то я и завербую къ себѣ юрисконсультомъ!

Полагаю, милостивые государи, что вы раздѣляете мой взглядъ на переустройство городского управленія, однако, въ ожиданіи вашихъ замѣчаній на изложенныя въ этомъ письмѣ соображенія, честь имѣю пребывать вашимъ покорнѣйшимъ слугою.

VI.

25-го октября.

Раздѣляете ли вы, милостивые государи, мои проникнутыя гуманностію соображенія по переустройству управской канцеляріи? Не сомнѣваюсь, что вы вполнѣ мнѣ сочувствуете, а потому

смѣло ставлю на очередь самый серьезный вопросъ: какъ добуду я деньги, чтобы приступить къ городскому благоустройству?

Видите сами:—не хочу я занимать васъ пустяками, ни къ чему неведущими белендрясами, а поднимаю на ребро сущность самаго дѣла.

Пріискивая способъ добыть денегъ, остановился я на одномъ капитальнѣйшемъ предположеніи, которое вполнѣ достойно рожденнаго для великихъ дѣлъ. Знаю я, что геніальнѣйшія вещи не оцѣниваются современниками, но утѣшился мыслью, что «нѣсть пророкъ въ отечествѣ своемъ.» Предположеніе мое состоитъ въ томъ, чтобы добыть денегъ путемъ пріобрѣтенія концессіи на желѣзную дорогу.—«Старая это штука», скажете вы; «изъ моды вышла, нѣтъ ли чего-нибудь по-современнѣе?» Было время, когда многіе истинные сыны отечества считали концессіи самымъ наивѣрнѣйшимъ способомъ зашибить копейку. Для постройки желѣзной дороги, хотя бы на луну, имъ ничего не стоило тогда придумать разныя неотложныя нужды, сочинить невѣроятные по количеству грузы, обставить вопросъ экономическими потребностями и раздуть все это путемъ гласности. Къ печатному слову относились тогда съ большимъ довѣріемъ. Акціонерныя компаніи, съ гарантіями отъ казны, нарождались, какъ грибы въ сырую погоду!—«Опоздали—скажете вы мнѣ—со своимъ проектомъ; безшабашное время прошло, начался теперь періодъ экономическаго отрезвленія!»—Тише, тише, messieurs, выслушайте меня пожалуйста! Вы совершенно справедливы, опытъ научилъ кого слѣдуетъ относиться къ проектамъ желѣзныхъ дорогъ съ большею осмотрительностью, но вотъ этимъ-то самымъ обстоятельствомъ мы и намѣрены воспользоваться.

Желая быть понятымъ, начну издалека. Составители проекта сибирско-уральской желѣзной дороги, очевидно, не досмотрѣли, что рѣка Тура—мало-судоходная, а Тюмень давно потеряла свое промышленное значеніе. По роковому недоразумѣнію, городъ нашъ признанъ за начальный пунктъ водяныхъ сообщеній въ Западной Сибири; вотъ этимъ и объясняется его, ни чѣмъ не заслуженная, торгово-промышленная репутація. Ошибка обнаружилась,

но, какъ и нужно было ожидать, къ сожалѣнію, тогда, когда желѣзная дорога была построена. Оказалось, что рѣку Туру курицы, временемъ, въ бродъ переходятъ, а тюменская промышленность выѣденнаго яйца не стоитъ.

Господи Боже мой, что я натворилъ! Опять проговорился! Языкъ мой—врагъ мой! Давно хочу обуздать свою правдивую откровенность, и все не могу собраться съ силами. Разнесетъ меня теперь имепитое зарѣчное купечество, ну и горшечники не похвалятъ, а торговки махровыми тюменскими коврами, въ порывѣ озлобленія, назовутъ меня не иначе, какъ «черной немочью». Да Богъ съ ними! Пусть разносятъ и бранятъ, а я буду продолжать свою рѣчь далѣе.

Чтобы поправить ошибку, нужно теперь или русло Туры углубить или желѣзную дорогу удлинить до Тобольска. Казна остановилась на первомъ предпріятіи. Что же намъ остается дѣлать? А мы, милостивые государи, будемъ желѣзную дорогу строить!—«Какъ желѣзную дорогу? Къ чему желѣзная дорога, когда мелководную Туру инженерная техника скоро обратитъ въ рѣку судоходную?» воскликните вы въ недоумѣніи. Такъ я и зналъ, что ничего не поймете, а мысль моя между тѣмъ совершенно ясна. Эхъ господа, господа! Дальше вы своего носа ничего не видите, да и видѣть не будете, пока не протрете глаза свои, какъ слѣдуетъ. Гдѣ требуется умомъ-разумомъ раскинуть, гроша вы мѣднаго не стоите. Сосредоточтесь на вопросѣ и обдумайте хорошенько, какая надобность казнѣ заботиться о вашихъ карманахъ въ ущербъ своимъ интересамъ. Если бы господа инженеры, напримѣръ, изъ усердія не по разуму, русло Туры засорили, деньги на «вѣтеръ выпустили» (я бы разумѣется въ карманъ припряталъ), да кстати и водочерпательныя машины всѣ перепортили, то, поймите же, что и тогда казна будетъ только въ одномъ выигрышѣ. Не понимаете? Ну, слушайте далѣе. Будь Тура въ теченіе осени мало-судоходной рѣкой, тогда всѣ нижегородскіе грузы (съ нижегородской ярмарки) направятся въ Сибирь великой желѣзной дорогой, и доходность ея до Томска увеличится, по крайней мѣрѣ, на милліонъ рублей, если не болѣе. Неправда-

ли, заработокъ на первый разъ очень хорошій; и его-то безвозвратно лишится казна, какъ только русло Туры будетъ расчищено*). Не полезнѣе ли теперь же затѣю съ гидротехническими работами предать забвенію?—«Поздно—скажете вы—объ этомъ рѣчь заводить, ибо деньги на очистку Туры давно ассигнованы, и даже машины куплены. Но согласитесь—не лучше ли казнѣ бросить „на вѣтеръ“ какія-нибудь 400 тысячъ**) единовременно (куда наша не пропадала!), чѣмъ по милліону терять ежегодно.

Однако, Богъ не безъ милости! Судя по капитальнымъ заказамъ стальныхъ пароходовъ, съ необыкновенно дорогой и уютной обстановкой, нужно думать, что руководители гидравлическими работами надѣются улучшать фарватеръ Туры долго и основательно. На пароходахъ-броненосцахъ, которые назначаются для техническихъ работъ—слышали мы—предполагается устроить салонъ для главнаго инженера, салонъ для его сподвижниковъ, концертный салонъ, столовую, бильярдную и дортуары съ ваннами, душами и фильтрами. Простѣнки въ каютахъ будутъ зеркальные, освѣщеніе электрическое, полы изъ прессованной англійской пробки, покрытой бархатной „шертью“. Все тщательно обдумано и предусмотрѣно***); теперь озабочены очень серьезнымъ вопросомъ—чѣмъ обить красивую мебель: шелковымъ-ли трипомъ или китайскимъ штофомъ. Иловучая лѣтняя дача, какъ видите, обставляется полнымъ комфортомъ, а если прибавить къ этому солидные оклады, экономіи отъ работъ, близость дорогой семьи, присутствіе хорошаго повара и запасы прохладительныхъ напитковъ, то, скажите на милость, кто, при такой обстановкѣ, изъ руководителей работами захочетъ спѣшить ихъ окончаніемъ?

Хотя углубленіе фарватера Туры не представляетъ такихъ

---

*) Предполагая, что на улучшеніе рѣкъ Туры, Томи и верховьевъ Иртыша ассигновано 1.500,000, я отдѣляю на очистку русла Туры примѣрно 400,000 р.

**) Легко понять, что доставка грузовъ водой отъ Нижняго до Перми и отъ Тюмени до Томска обойдется дешевле, чѣмъ чрезъ Самару, Уфу, Курганъ, и т. д. по желѣзнымъ дорогамъ, если только по Турѣ уничтожатъ перекаты.

***) Точь-въ-точь, какъ въ „восточномъ византійскомъ лабиринтѣ“, что показывается теперь въ Петербургѣ, въ домѣ Кононова.

техническихъ препятствій, какія встрѣтились, напримѣръ, въ Кетскомъ каналѣ, но, зная свойства нашихъ рѣчныхъ наносовъ съ петрографической точки зрѣнія, осмѣливаюсь надѣяться, что гидротехническія работы затянутся надолго, и въ желѣзной дорогѣ на Тобольскъ надобность будетъ неотложная. Чѣмъ терять время и деньги въ періодъ мелководій, да еще казну въ убытокъ вводить на безполезныя сооруженія, не лучше ли пойти навстрѣчу грозящимъ намъ бѣдствіямъ, а моментъ теперь для этого самый подходящій. Давнишняя ошибка въ направленіи уральско-сибирской дороги обнаружена, и денегъ на улучшеніе фарватера Туры затрачено немного.

Итакъ, пока гидротехники будутъ свой комфортъ устраивать, составлю я, милостивые государи, акціонерную компанію и испрошу на желѣзную дорогу концессію. Мнѣ бы только концессію исхлопотать, а перепродать ее съ сотнями тысячъ барыша—плевое дѣло. Вотъ тогда у насъ и денежки появятся. Банкиры-жиды дружественной Франціи купятъ у меня это предпріятіе съ радостію, а не будетъ охотниковъ-покупателей, такъ съ руками оторвутъ у меня концессію Богословскіе заводы, по той роли, какую дорога моя будетъ имѣть къ ихъ промышленности, если соединю я съ Тюменью рѣку Тавду, вполнѣ судоходную.

Разсчитываю я, мм. гг., что въ концессіи отказа мнѣ не будетъ, ибо знакомъ я, по золотымъ промысламъ, съ такой вдовушкой, которая въ Петербургѣ отлично можетъ устроить эту операцію. Чтя добрую память мужа, почетнаго гражданина нашего города, сдѣлаетъ она для насъ все, что отъ нея потребуется, такъ ей по завѣщанію указано. Ну и еврейство можетъ оказать намъ не мало услугъ, хотя бы въ благодарность за то, что дозволю я ему развлекаться „ганделемъ“ въ общественныхъ залахъ.

Слѣдовательно, чтобы строить дорогу, остается только выбрать направленіе. Относительно Тобольска я мало озабоченъ, ибо старикъ этотъ со слезами на глазахъ отблагодаритъ насъ, если мы на первый разъ хоть немного къ нему приблизимся. Для Богословскихъ заводовъ важно только, чтобы рельсовый путь до Тавды продвинулся, а если еще избавимъ мы пароходовладѣль-

цевъ отъ осенних перегрузокъ и пересадокъ, то будутъ они за насъ вѣчно Богу молиться. Остается, стало-быть, только наши городскіе интересы соблюсти, потому что проектъ мой на первый разъ покажется для нихъ убыточнымъ. Подумайте хорошенько: стоитъ только удлинить уральско-сибирскую желѣзную дорогу, и Тюмень придетъ въ разореніе.

Несмотря на природную остроту ума моего, усовершенствованную опытомъ жизни и путешествіями, едва удалось мнѣ согласить между собою приведенныя условія. Рѣшаюсь я принять направленіе желѣзной дороги, по проекту Подгаетскаго, отъ Тюмени до деревни Паченки*). Оно имѣетъ то преимущество, предъ направленіемъ на Артамонову, по проекту министерства путей сообщенія, что представляетъ экономію въ сорокъ верстъ желѣзно-дорожнаго пути. Изысканія показали, что Тюмень отъ Артамоновой удалена на 120 верстъ, а Паченка только на 80. При этомъ общее разстояніе отъ Тюмени до Тобольска остается почти одно и то же**). Избравъ такое направленіе дороги, легко согласить интересы пароходовладѣльцевъ, тобольскихъ гражданъ и правителей Богословскими заводами. Чтобы не пострадали наши общественные тюменскіе интересы, буду строить я дорогу узколинейную, принимая въ соображеніе, что весь зимній сезонъ будетъ она оставаться подъ снѣжнымъ саваномъ безъ движенія. Не ищите, господа, въ такомъ проектѣ, что-нибудь новое и оригинальное. Вѣдь построена же желѣзная дорога между группами кавказскихъ минеральныхъ водъ, для одного только лѣтняго сезона, и признано такое сооруженіе выгоднымъ, несмотря даже на то, что дорога эта на грузы совсѣмъ не разсчитываетъ. Для казны наша „чугунка“ выгодна будетъ уже по тому одному, что избавитъ ее отъ непроизводительныхъ тратъ на стальные пароходы-броненосцы и на водочерпательныя машины, съ которыми, кстати сказать, въ нашей Турѣ и повернуться даже будетъ не-

*) Паченка—деревня на правомъ берегу р. Тавды, близъ с. Тавдинскаго.

**) Отъ Тюмени до Паченки 80 верстъ желѣзной дороги и 223 версты воднаго пути отъ Паченки до Тобольска. Отъ Тюмени до Артамоновой 120 верстъ, и отъ Артамоновой до Тобольска 173 вер., стало быть разница на 10 верстъ.

возможно. Еще хорошо, что инженеры свои пароходы заказали; а то лѣтъ пятнадцать тому назадъ, чтобы доставить одну особу изъ инженернаго міра, съ семействомъ, разумѣется изъ Тюмени чрезъ Омскъ до Томска, пришлось заарендовать на казенный счетъ сто-сильный пароходъ за 9000 рублей. Расходъ, по крайней мѣрѣ, оправдался тѣмъ, что особа эта была доставлена къ мѣсту служенія въ полномъ здоровьѣ и въ веселомъ настроеніи.

За всѣми высказанными соображеніями, остается мнѣ, мм. гг., посвятить васъ въ тайну доходности проектированной мною дороги. Скучными, конечно, покажутся эти подробности для огромнаго большинства читателей и читательницъ. Но что же дѣлать? Пишу я письма мои не для потѣхи, а съ серьезною цѣлью: узнать о соображеніяхъ моихъ мнѣніе спеціалистовъ. Для сокращенія расходовъ, дорогу отъ Тюмени на Паченку поведу я чрезъ Кыртымскіе юрты, при помощи инженеровъ военнаго вѣдомства. Ничего не имѣю я и противъ гражданскихъ инженеровъ путей сообщенія, не долюбливаю однако между ними поляковъ и за то именно, что недоброжелательно относятся они къ нашимъ русскимъ интересамъ. Излишней роскоши на желѣзно-дорожныхъ станціяхъ у меня не будетъ, а земляныя работы отдамъ я на отрядъ татарамъ Кашегальской волости. Дорога пойдетъ чрезъ густой лѣсъ на всемъ протяженіи, стало-быть шпалы будутъ у насъ подъ руками; и рельсы обойдутся дешево, если войду я въ сдѣлку съ поставщиками ихъ на великую сибирскую желѣзно-дорожную линію. Словомъ, верста обойдется мнѣ 17,000 рублей, а можетъ-быть (я увѣренъ въ этомъ) даже значительно дешевле. Слѣдовательно, на всю тавдинскую желѣзно-дорожную вѣтвь отъ Тюмени до Паченки израсходуемъ мы около 1.360,000 р. Спрашивается, какъ скоро можемъ мы покрыть эти расходы посредствомъ эксплуатаціи? А вотъ послушайте. Въ настоящее время всѣ пароходовладѣльцы во время мелководья Туры теряютъ непроизводительно на перегрузкѣ, пересадкѣ, наймѣ излишнихъ рабочихъ рукъ, порчѣ товаровъ и пр. не менѣе 60,000 руб. а это составитъ 4% на капиталъ, который затратимъ мы на тавдинскую вѣтвь желѣзной дороги. При этомъ доходы по эксплуатаціи долж-

ны пойти на погашеніе ремонта пути и обстановку движенія. Доходность дороги можно приблизительно опредѣлить слѣдующимъ образомъ. Всѣхъ грузовъ чрезъ Тюмень проходитъ около 13 милліоновъ пудовъ, стало-быть, принимая тарифную плату 1/40 к. съ пудо-версты, получимъ мы съ однихъ только грузовъ 260,000 рублей. Пусть часть грузовъ отнимутъ у насъ пароходы (но этому не бывать, при нашемъ управленіи дорогъ), идущіе въ Тюмень и обратно, тогда недочеты съ излишкомъ восполнимъ мы пассажирскимъ тарифомъ. Откладывая 124,000 руб. ежегодно на ремонтъ и текущіе расходы, 10% останется у насъ на погашеніе капитала.

Надѣюсь, теперь, не сомнѣваетесь вы, что будутъ у меня деньги для благоустройства города. Но дѣло въ томъ, что казна можетъ взять постройку желѣзной дороги на себя, а Богословскіе заводы предупредятъ меня составленіемъ акціонерной компаніи. Эхъ господа, господа! Не такіе мы простачки, чтобы пустяковъ предусмотрѣть не могли. Допустимъ, что казна построитъ желѣзную дорогу даже до самаго Тобольска. Что же, спрашивается, будетъ возить она по ней въ теченіе полугода, когда прекращается пароходная навигація? Весь подвижной составъ, чтобы не оставаться въ бездѣйствіи и не погибнуть отъ холоду, занятъ будетъ тогда расчисткою снѣга, который требуетъ постояннаго устраненія. Въ весеннее полноводье ирбитскіе грузы пройдутъ въ Томскъ водой, минуя желѣзную дорогу, и затѣмъ въ теченіе лѣта, пока нѣтъ мелководья, грузы Восточной Сибири выгоднѣе будетъ сплавлять до Тюмени, чѣмъ сдавать ихъ въ Тобольскѣ. Слѣдовательно, тюменско-тобольская желѣзная дорога, если ее выстроитъ казна, будетъ пользоваться перевозкою грузовъ не болѣе полуторыхъ осеннихъ мѣсяцевъ, а подвижной составъ содержать непрерывно въ теченіе цѣлаго года. Полагаю, что работать при такихъ условіяхъ будетъ убыточно, и казна не поступитъ опрометчиво. Въ такомъ же положеніи окажутся и Богословскіе заводы, если съ „бухты-барахты“ вздумаютъ предупредить мое предпріятіе. Иного рода дѣло, когда желѣзная дорога попадетъ въ руки такого, какъ я, предпринимателя. У меня будетъ рабо-

тать она въ теченіе всей лѣтней навигаціи, потому что акціонерную компанію устрою я изъ тѣхъ же пароходовладѣльцевъ (половина паевъ будетъ принадлежать городскому обществу). Разъ пароходовладѣльцы вступятъ въ компанію, тогда и бить себя по карману имъ будетъ не выгодно; а ослушниковъ и отступниковъ мы такъ прикрутить можемъ, что сами на акціи будутъ напрашиваться. Для крупныхъ пароходовладѣльцевъ составить акціонерную компанію прямая выгода; при томъ должны же они быть благодарны городскому обществу за то, что пользуются его земляными участками и поддержатъ меня въ трудную минуту, для своего же благополучія. Сразу поймутъ они, что ссориться со мной имъ будетъ крайне „начетисто."

Увидятъ тогда Богословскіе заводы, что сила и право на нашей сторонѣ, и станутъ они заискивать у насъ расположеніе; а мы изъ парижскихъ жидовъ конкуренцію имъ подставимъ, и тогда съ руками, говорю, оторвутъ они у насъ концессію на тавдинскую вѣтвь желѣзной дороги. Спросимъ мы три, а отдадимъ имъ не менѣе какъ за два милліона рублей свое разрѣшеніе на постройку указанной линіи. Сверхъ сего, за особое вознагражденіе, посвящу я покупателей моей концессіи въ одинъ секретъ величайшей, безмѣрной важности, который рѣшитъ покупку, если бы даже встрѣтили покупатели нѣкоторыя затрудненія. Секретъ этотъ открылъ я во время многочисленныхъ и многосторонніхъ изысканій моихъ между Тюменью и Паченкою. Зная его, строители на однихъ только сооруженіяхъ могутъ сберечь половину назначенныхъ по смѣтѣ расходовъ. Господи! какъ хочется сообщить вамъ мой секретъ! Однако, мм. гг., на мою словоохотливость прошу не разсчитывать, на этотъ разъ обуздаю своего врага и умолчу до поры до времени.

Нравится ли вамъ мой проектъ? рѣшайте скорѣе. Если не нравится, пожалуйста извѣстите меня по городскому телефону. Буду я, по крайней мѣрѣ, знать, что не встрѣтилъ въ васъ сочувствія и долженъ прекратить свою переписку.

VII.

3-го ноября.

Двѣ слишкомъ недѣли ждалъ я, вблизи телефона, какъ отнесетесь вы къ моему проекту на счетъ концессіи. Одного слова non possumus (т. е. не можемъ, ибо не нравится), достаточно было, чтобы освободить меня отъ дальнѣйшей съ вами переписки. Но такъ какъ ожиданія мои не оправдались, то рѣшился я вновь утруждать ваше вниманіе своими бесѣдами.

Дня три назадъ тому, забрелъ ко мнѣ мимоходомъ городской дѣлецъ Сашенька. Поговорили мы съ нимъ о томъ-о-семъ и такъ какъ дальнѣйшая бесѣда на тему о современномъ общественномъ положеніи сдѣлалась праздными переливаніемъ изъ пустого въ порожнее, то почтенный собесѣдникъ политично, какъ бы à propos de bottes (безъ всякой причины), освѣдомился между прочимъ о томъ, кто-де строчитъ въ „Тобольскихъ Вѣдомостяхъ“ тюменскія письма. Пришлось сознаться, лгать я не привыкъ, не такъ воспитанъ.—«Мой, говорю, грѣхъ!» Пораженный откровенностью, на которую не разсчитывалъ, Сашенька хотѣлъ было сгресть меня въ объятія (ради поцѣлуя), но я благоразумно увернулся.—«Что бы черкнуть вамъ», началъ онъ вкрадчивымъ голосомъ, «на счетъ перевода къ намъ ирбитской ярманки. Вотъ бы разбогатѣли-то мы тогда! Концессія—концессіей, а ярманка—ярманкой, одно другому мѣшать не будетъ!?».

Понялъ я сразу, что «подвохъ» сей идетъ отъ васъ, милостивые государи, поэтому наотрѣзъ предупреждаю, что вовлечь меня въ такое безцѣльное предпріятіе вамъ не удастся; пустяками заниматься я не намѣренъ: вожделѣнія ваши „завести у себя Ирбитъ“ не имѣютъ никакого основанія. Подумайте только, что такое ирбитская ярмарка? Да вѣдь это облюбованный москвичами грязный трактиръ, гдѣ, въ безшабашныхъ оргіяхъ, наша мужицкая натура находитъ себѣ удовлетвореніе. Торжище, въ тягость потребителямъ, держится до сего времени косностью и невѣжествомъ нашего купечества. Въ Нижнемъ Новгородѣ, какъ онъ не великъ, негдѣ развернуться русской натурѣ во всю свою

ширину. Лѣто, жары, болѣзни, свѣтлыя ночи, бдительное начальство—все, все направлено тамъ къ стѣсненію нравовъ. Ирбить—дѣло десятаго рода: зимніе морозы и темныя ночи придаютъ этой ярмаркѣ своеобразную прелесть:

Задумчивая ночь, смѣнивъ мятежный день,
На все набрасываетъ здѣсь таинственную тѣнь*)

Ну, и на счетъ женскаго пола—невпримѣръ вольготнѣе. Въ Нижній «ихъ степенства» пріѣзжаютъ весьма часто со своими супругами и находятся подъ непосредственнымъ ихъ надзоромъ. Въ зимнюю пору, по убійственнымъ дорогамъ, ѣдутъ въ Ирбить только самые ревнивыя сожительницы и притомъ тогда, когда «самъ» совершенно утратилъ семейный кредитъ. Вотъ почему такъ много привозится на эту ярмарку разнаго „сырья" изъ русскихъ столицъ, вмѣстѣ съ мануфактурными товарами; торговля имъ идетъ чрезвычайно бойко и привлекаетъ къ участію старость и молодость. Ирбить—это тѣ самыя эмпиреи для нашего купечества, о которыхъ въ гоголевскомъ ревизорѣ поручикъ пишетъ къ пріятелю: барышень много, музыка играетъ, штандартъ скачетъ. Весело! А при всемъ этомъ во время масленицы ярмарка обращается въ обжорный рядъ.

Однако всѣ указанныя прелести для потребителей обходятся не дешево. Еще весьма недавно болѣе милліона рублей переплачивали московское и сибирское купечества за безполезное «затаскиваніе» своихъ товаровъ на ирбитскую ярмарку.—«Какая причина этой волокиты?» спросите вы.—Косность и пренебреженіе экономическими условіями,—отвѣтъ единственный. Съ проведеніемъ уральской желѣзной дороги нужно было ожидать, что ирбитская ярмарка или падетъ, или передастъ часть своихъ оборотовъ Тюмени. Ожиданія не оправдались. Оказалось, что даже мануфактурные товары выгоднѣе доставить отъ Тагила до Ирбити гужомъ на лошадяхъ, а отъ Ирбити до Тюмени водой, чѣмъ по желѣзной дорогѣ между этими крайними пунктами**). Лошадь

*) Плетневъ.

**) Зимній фрахтъ по скверной, избитой дорогѣ на лошадяхъ отъ Тагила до Ирбити обходится 10—12 коп. съ пуда, а изъ Ирбити до Тюмени водой не

успѣшно ведетъ состязаніе съ паровымъ двигателемъ! Не безпримѣрный ли это случай наканунѣ XX столѣтія въ русской экономической жизни? Подумайте, господа, и обсудите всѣ указанныя обстоятельства, тогда и окажется, что вопросъ о переводѣ ирбитской ярмарки въ Тюмень—затѣя для насъ неподходящая. Могу однимъ утѣшить васъ, дорогіе мои сограждане, что Ирбить скоро проторгуется и будетъ такимъ же всѣми забытымъ городишкомъ, какъ, напримѣръ, Пелымъ, Лозвинскъ и проч. Основываю я такое мнѣніе свое, между прочимъ, на слѣдующихъ фактахъ. Лѣтъ тридцать ранѣе сего, когда я былъ мальчикомъ на «побѣгушкахъ» у купца Скотинина, въ ирбитской ярмаркѣ закупалось для Сибири болѣе чѣмъ 2 милліона пудовъ. Грузъ этотъ частью отправлялся на возкахъ, частью обозами и наконецъ около 1,200.000 сплавлялось водой до Тюмени и далѣе. Восемь лѣтъ назадъ, въ Ирбити грузилось на пароходы не болѣе 800.000 пудовъ, а нынѣ всѣ пароходовладѣльцы едва набрали 350,000 пуд. Не указываютъ ли эти цифры на то, что пѣсенка ирбитской ярмаркѣ спѣта? Съ проведеніемъ великой сибирской дороги, положеніе дѣлъ несомнѣнно ухудшится уже по тому одному, что чай, зимнимъ путемъ, завозить въ Ирбить не будетъ никакой надобности; они пойдутъ прямо на Омскъ, Курганъ и Самару; тѣмъ же путемъ двинется, вѣроятно, и пушной товаръ. Спрашивается теперь: какъ смотрите вы, при данныхъ условіяхъ, на ходатайство купечества о проведеніи на Ирбить желѣзной дороги, для поддержки падающей ярмарки? Кого хотятъ ввести оно въ заблужденіе? Неужели, господа, и эта глупость найдетъ себѣ осуществленіе? «Отчего и нѣтъ,»—можете вы мнѣ отвѣтить. Не даромъ-же Шиллеръ сказалъ: Mit der Dummheit kämpfen Götter selbst vergebens, т. е. съ глупостью даже богамъ не подъ силу бороться.—Такъ-то такъ, но вѣдь Шиллеръ былъ такого высокаго мнѣнія о нѣмецкой глупости.

Ирбитская ярмарка возникла въ то отдаленное время, когда

болѣе 5 коп.; между тѣмъ отъ Тагила до Тюмени доставка по желѣзной дорогѣ мануфактуръ обходится около 34 коп. съ пуда.

пермяки на сосну лазили Москву смотрѣть и существовала два съ половиной столѣтія при такихъ торговопромышленныхъ условіяхъ, чередъ которымъ давно миновалъ. Жадные промышленники лѣса вырубили, звѣря вытравили, а экономическо-торговые центры, съ присоединеніемъ киргизскихъ степей, отодвинулись къ югу. Кажется все погибло безвозвратно, однако старыми традиціями ирбитская ярмарка живетъ до настоящаго времени, да еще о желѣзной дорогѣ ходатайствуютъ*). Другой торговый пунктъ на рубежѣ Европы и Азіи—крестовская ярмарка (въ 27 верстахъ отъ Шадринска) переживаетъ ту же судьбу, какъ и ирбитская. Условія возникновенія и будущность того и другого торжища вполнѣ аналогичны**): ирбитскую ярмарку создала торговля съ инородцами сѣвера, крестовскую—торговля съ киргизами. Разторопныхъ русскихъ людей на сѣверѣ привлекала „пушнина“, а на югѣ—продукты степного скотоводства. Въ теченіе послѣдняго столѣтія предѣлы Россіи расширились, граница киргизской степи отодвинулась отъ крестовской ярмарки далеко на югъ, и значеніе послѣдней совершенно утратилось. Съ проведеніемъ уральско-сибирской дороги крестовская ярмарка, подобно ирбитской, держится косностью купечества въ ущербъ интересамъ потребителей. Благодаря улучшеннымъ путямъ сообщенія, сибирскимъ куп-

*) Извѣстно, что поводомъ къ образованію ирбитской ярмарки въ первой половинѣ XVII стол. былъ мѣстный праздникъ 6 января (Богоявленіе Господне). Въ этотъ день происходилъ обмѣнъ между русскимъ населеніемъ и инородцами. Мѣховой торговлѣ благопріятствовали кругомъ обширные лѣса, богатые звѣрями. Къ этому присоединилось слѣдующее благопріятное обстоятельство. Русскій піонеръ Бабиновъ въ 1598 году отыскалъ въ Сибирь новую дорогу. Русскіе товары изъ Соликамска пошли черезъ Верхотурье въ Тобольскъ и Ирбитская слобода оказалась на половинѣ пути. Здѣсь торговцы дѣлали привалъ и образовали ярмарку. Въ 1643 году царь Михаилъ Ѳедоровичъ утвердилъ ея существова-

**) Въ началѣ XVIII ст., гдѣ теперь Крестовскій выселокъ, было явленіе иконы пророка и крестителя Господня Іоанна, вслѣдствіе чего 29 августа установленъ былъ ~~сюда~~ крестный ходъ. Стеченіе народа привлекло сюда для торговли сначала мѣстное купечество, а потомъ въ ней приняли участіе и купцы, возвращавшіеся съ товаромъ изъ нижегородской ярмарки. Это обстоятельство вызвало движеніе сюда хивинскихъ и бухарскихъ товаровъ. Цвѣтущаго состоянія достигла ярмарка въ шестидесятыхъ годахъ.

цамъ выгоднѣе теперь купить для себя товаръ въ Нижнемъ и въ Москвѣ, чѣмъ въ Крестахъ, но самую главную причину паденія этой ярмарки нужно искать въ томъ, что сѣверная часть киргизскихъ степей обѣднѣла, вслѣдствіе упадка скотоводства, а сырье изъ Семипалатинской и другихъ областей глубокой Азіи стало удобнѣе доставлять водой до Тюмени, чѣмъ завозить его гужомъ въ крестовскую ярмарку. Это послѣднее обстоятельство вызвало сооруженіе въ Тюмени городского табара (склада) для кожъ, доставляемыхъ изъ киргизской степи*). Такое полезное предпріятіе ожидаетъ великая будущность, при томъ условіи, разумѣется, если во главѣ управленія будетъ стоять лицо, подобно мнѣ, тонко понимающее подвохи тройственнаго союза. Изъ этого табара городъ можетъ извлечь и много и ничего, смотря по тому, въ чьи „лапы“ онъ попадетъ.

Понимаете ли вы, милостивые государи, теперь послѣ всего изложеннаго, что обѣ ярмарки должны вскорѣ сдѣлаться достояніемъ исторіи? Зачѣмъ же, спрашивается, нужно было вамъ подсылать ко мнѣ Сашеньку съ такими „подвохами“? Оставьте въ покоѣ ирбитскую и крестовскую ярмарки, да и подумайте: нельзя-ли будетъ извлечь пользу изъ ихъ паденія и даже ускорить оное?—„Можно и даже должно, но только осторожно!“ Вы меня, стараго воробья, на мякинѣ не проведете. Знаю я, зачѣмъ вы ко мнѣ Сашеньку подослали. Хочется ему для васъ гостиный дворъ „состряпать“, чтобы потомъ полстолѣтія доходами съ него пользоваться. Нечего сказать: изъ молодыхъ, да ранній (пѣтушкомъ кричитъ)! Осторожнѣе, господа, не торопитесь съ гостинымъ дворомъ. Ярмарки создаются не „по щучьему велѣнію“, а вслѣдствіе весьма сложныхъ экономическихъ расчетовъ, которые теперь, при быстромъ теченіи государственной жизни, мѣняются чрезвычайно скоро. Вы, говорятъ, посольство къ московскимъ

*) Въ продолженіе тюменской ярмарки 1893 г. съ 20 іюня по 20 іюля въ таборѣ хранилось 835.000 кожъ и оборотъ его составлялъ 1,291,480 рублей; оборотъ же ярмарки по всѣмъ остальнымъ статьямъ торговли не достигъ даже полумилліона рублей. Привезено товаровъ на 487 тысячъ рублей и продана только половина.

купцамъ снаряжали? Скажите на милость, какая вамъ нужда за ними ухаживать? Явится потребность въ тюменской ярмаркѣ, гостиный дворъ они вамъ даромъ выстроятъ. Для посольства по такому важному дѣлу нужно было людей подходящихъ подобрать. Нельзя же посылать человѣка, который всю жизнь перепиской канцелярскихъ бумагъ занимался и въ торговомъ дѣлѣ азовъ не знаетъ. Наша jeunesse dorée, только оставившая школьную скамью, для этого дѣла тоже не годится. Посольство къ московскимъ купцамъ, по моему мнѣнію, нужно было составить изъ такихъ же аршинниковъ, какъ они сами. Вотъ вашъ покорный слуга годенъ бы былъ для этого дѣла, а меня-то вы и обошли. Во всемъ виноватъ, разумѣется, слѣпой случай и шаловливый жребій; я, кажется, уже указывалъ на это обстоятельство. И что же получилось изъ вашего посольства? Московское купечество отказало даже въ томъ, что было обѣщано*). Оставьте, господа, ихъ въ покоѣ: нужда будетъ, сами они къ намъ явятся. Въ случаѣ непреодолимаго желанія украсить городъ гостинымъ дворомъ, устройте-ка лучше акціонерную компанію,—дѣло это самое безобидное. Составленіе плановъ на постройку, пожалуйста, не поручайте ни подрядчикамъ (у насъ занимается этимъ дѣломъ крестьянинъ Тарасовъ), ни техникамъ, ни инженерамъ. Гроша мѣднаго не стоятъ они въ этомъ дѣлѣ. Посмотрите, какими скворешницами, вмѣсто деревянныхъ домовъ, украшаетъ городъ доморощенный мужикъ-архитекторъ. И этотъ стиль считаетъ онъ самымъ изящнымъ, отвѣчающимъ вкусу публики. Поручите постройку инженеру путей сообщенія и онъ навѣрное соорудитъ вамъ всѣ корпуса гостинаго двора въ видѣ спальныхъ вагоновъ, въ два свѣта съ полатями, на подобіе бараковъ для переселенцевъ, устроенныхъ на иждивеніе желѣзно-дорожнаго вѣдомства**). Не

*) Разсказываютъ, что московскіе купцы обѣщали городу 1 р. 50 коп. за квадратную сажень земли; предлагали построить лавки на свой счетъ, съ правомъ пользованія ими въ теченіе 40 лѣтъ. Когда явилось тюменское посольство, условія измѣнились: поземельную плату уменьшили до 1 р., а право пользованія землею увеличили до 50 лѣтъ.

**) Бараки эти по своимъ удобствамъ для жизни представляютъ архитектурную достопримѣчательность Тюмени.

скупитесь пожалуйста—пригласите архитектора. Однако я уклонюсь. Вовлечь меня въ предпріятіе относительно перевода ирбитской ярмарки въ Тюмень, повторяю, милостивые государи, вамъ не удастся. Богъ съ ней, съ ирбитской ярмаркой—пусть доживаетъ она свои золотые дни. Намъ, тюменскому купеческому сословію, она не мѣшаетъ и убытка не дѣлаетъ.

А знаете ли, господинъ редакторъ, кому ирбитская ярмарка поперекъ горла стала? Крапивное сѣмя—наши чиновники на нее жалуются. «Провались она совсѣмъ,» говорятъ они, отплевываясь въ теченіе всего февраля мѣсяца. Разумѣется, сразу вы меня не поймете. «Какое отношеніе имѣетъ ирбитская ярмарка къ тюменскимъ чиновникамъ?!»—воскликните вы съ удивленіемъ. Впослѣдствіи, изъ моихъ мемуаровъ, узнаете, разумѣется, подробно эти отношенія, а теперь упомяну только вскользь, что въ февралѣ мѣсяцѣ тюменскія учрежденія (частныя и правительственныя) подвергаются хоть и не строгимъ, но регулярнымъ и частымъ ревизіямъ. Многіе изъ благовоспитанныхъ отцовъ семейства, въ должностяхъ, дающихъ право на прогоны и подъемныя, обыкновенно, къ февралю мѣсяцу, стремятся въ Тюмень (для пользы службы разумѣется), ну, а по пути и въ Ирбить, для закупокъ хозяйственныхъ. Пріѣдетъ бывало ревизоръ, на челѣ озабоченность, въ движеніяхъ—поспѣшность; повидимому вникнуть въ служебное дѣло старается, а мысли тамъ, тамъ, «гдѣ шампанское пьютъ, да арфистки поютъ.» Въ этомъ господа, однако, не вижу я ничего удивительнаго, и чиновнику хочется депекъ—другой холостякомъ пожить; темныя зимнія ночи и для него имѣютъ свое обаяніе. Что-же дѣлать? «Міръ въ суетахъ, а человѣкъ во грѣхахъ»—говоритъ русская пословица.

VIII.

12-го ноября (Именины).

Давно извѣстно, что толковать о серьезныхъ матеріяхъ с

фендриками*) — все равно, что въ ступѣ воду толочь. Однако грѣхъ попуталъ — заговорился я о глупой арбитской ярмаркѣ и отклонился отъ изложенія моего проекта. Итакъ продолжаю свои письма предложеніемъ вамъ, мм. гг., слѣдующаго вопроса: что будете вы дѣлать, если благодѣтельная фея Опуленція вручитъ вамъ большой сундукъ, наполненный мелкой монетой разнаго достоинства? Глупый поставитъ такой кладъ себѣ подъ кровать и будетъ расточать его какъ попало и безъ толку. Умный денежки сосчитаетъ, разложитъ по пачкамъ, сообразитъ, что можно въ оборотъ пустить, что для расходовъ оставить; и устроится такъ со своимъ капитальцемъ, что сдѣлаетъ его неистощимымъ, да еще процентами воспользуется.

Городъ — имя собирательное. Это также большой сундукъ, наполненный единицами разнаго достоинства и измѣренія. Поэтому, если достанется такой капиталъ въ мое управленіе, нужно его привести въ извѣстность, чтобы знать, что можно эксплуатировать, что нельзя, изъ чего нужно извлекать выгоды, до чего и дотрогиваться даже не слѣдуетъ. Не такъ-ли? Чѣмъ, напримѣръ, руководствуетесь вы при обложеніи сборомъ за пользованіе водой изъ городского водопровода? Тутъ рабочій человѣкъ-домохозяинъ, съ одной лошадкой, которая его поитъ и кормитъ, платитъ почти такой же налогъ, какъ и тотъ «толстосумъ», который, для роскоши и личнаго удовольствія, держитъ на конюшнѣ десятокъ рысаковъ. Какой критерій у оцѣночной комиссіи для опредѣленія доходности и цѣнности любого зданія? Наглядка и ничего болѣе. Извѣстенъ ли городскому управленію вопросъ о сословномъ распредѣленіи недвижимыхъ имуществъ, вопросъ квартирный, сгущенность населенія, пользованіе свѣтомъ, тепломъ, услугами домашнихъ животныхъ и проч. и проч.? Потребуется, напримѣръ, экономическая справка, сколько городъ ежегодно истребляетъ дровъ, мяса, воды изъ водопровода; сколько у него лошадей, рогатаго скота. Откуда, спрашивается, добыть эти свѣ-

*) Fändrich въ XVII ст. и Fähnrich въ настоящемъ времени означаетъ маленькій военный чинъ, соотвѣтствующій подпоручику.

дѣнія? Городъ не знаетъ точно даже того, сколько у него домовъ и жителей. Я уже не говорю о такихъ недоступныхъ вопросахъ, каковы: опредѣленіе отношенія трудящагося населенія къ дармоѣдамъ, отношеніе временнаго населенія къ постоянному, отношеніе матеріальныхъ производителей къ нематеріальнымъ, прислуги къ хозяевамъ проч. проч. Въ настоящее время явилась безотлагательная надобность въ рѣшеніи капитальнѣйшаго вопроса: сколько въ Тюмени кустарей, какой ихъ оборотъ и чѣмъ оградить ихъ отъ купеческаго кулачества? Правительство готово помочь бѣдному люду (не знаю извѣстно-ли даже думѣ это обстоятельство), но можетъ ли городъ дать нужныя для этого свѣдѣнія?

Только заручившись обстоятельными статистическими данными, городской голова можетъ разобраться въ большомъ сундукѣ, которымъ наградила его добродѣтельная фея; въ противномъ случаѣ будетъ ходить онъ около своего дѣла съ завязанными глазами. Словомъ, прежде чѣмъ управлять городомъ, ознакомлюсь я съ нимъ, какъ съ живымъ организмомъ, опредѣлю его физическій и нравственный обликъ, узнаю, чѣмъ онъ питается, дышетъ и какъ добываетъ въ потѣ лица насущный хлѣбъ свой.

Прочитавъ эти строки, любой дореформенный голова почесалъ бы только у себя въ затылкѣ, ну, а голова послѣреформенный долженъ все сказанное на усъ себѣ намотать. Не вѣрите мнѣ, милостивые государи, такъ откройте самоновѣйшія статьи нашихъ экономическихъ журналовъ и тамъ навѣрное найдете вы на первыхъ страницахъ монологи, въ родѣ слѣдующихъ: „Въ нашъ вѣкъ быстрыхъ успѣховъ цивилизаціи, общественныя отношенія такъ осложнились, явилось такъ много средствъ и потребностей, что ни государства, ни отдѣльныя общества (разумѣется городскія) не могутъ обходиться безъ истины и теоріи, добытыхъ статистической наукой и оправданныхъ опытомъ... „Убѣждаетесь ли теперь, по крайней мѣрѣ, въ правдивости моихъ воззрѣній? Можетъ быть, думаете вы, что для такого знакомства съ городомъ, какое необходимо для разумнаго имъ управленія, времени много потребуется. Это въ васъ, господа, рутина сказывается. Знаю я, что со словомъ «знакомство съ городомъ» соединяется

у васъ представленіе объ именинныхъ пирогахъ, о крестинахъ, о кумовствѣ, о закусочкахъ, вистикахъ и проч. и проч. Разумѣется, такая система ознакомленія съ интересами города потребуетъ и времени много, да кромѣ того и желудокъ для этого городской голова долженъ имѣть, какъ говорится, «вылуженый».

Для меня достаточно одного дня, чтобы разобраться въ вашихъ городскихъ дѣлахъ, только бы Богъ велѣлъ къ дѣлу приступить. По слухамъ, должно быть извѣстно вамъ, что на сей предметъ существуютъ однодневныя переписи населенія со всѣмъ недвижимымъ имуществомъ. Лѣтъ восемь назадъ, вопросъ о такой переписи стоялъ на очереди, но такъ и остался на степени pia desideria, т. е. смиреннаго желанія.—«Почему же?» спросите вы.—А потому, господа, что управлялъ тогда городомъ голова, по способностямъ склада дореформеннаго; человѣкъ, которому сущность городскихъ интересовъ плохо поддавалась, а нравилась только пинель съ форменнымъ краганомъ и кафтанъ съ позументами. Мнилось ему, что онъ и безъ переписи всю «городскую подноготную» на память знаетъ. По ограниченности, вѣроятно, способностей своихъ, предпріятіе переписи города считалъ онъ «праздной затѣей чиновныхъ людей», и потому, въ качествѣ городского головы, на подготовительныхъ работахъ не принялъ никакого участія (протоколы все сіе свидѣтельствуютъ). Однако и безъ него дѣло однодневной переписи было направлено, но, какъ на грѣхъ, главный инициаторъ его скоропостижно въ Туринскѣ скончался. Такъ предпріятіе это и кануло въ вѣчность. Да, господа, будь у насъ произведена перепись десять лѣтъ назадъ, до проведенія уральско-сибирской дороги до Тюмени, какъ бы мы прозрѣли теперь, произведя ее во второй разъ? Тогда мы, какъ въ своемъ собственномъ кошелькѣ, могли бы знать, что дала городу желѣзная дорога и насколько она увеличила его экономическія силы. Короче сказать, знали бы, изъ чего можно выгоды извлекать, а до чего и дотрогиваться не слѣдуетъ. А теперь, что мы? Съ завязанными глазами, какъ уже сказано, кругомъ дѣла ходимъ, ощупью въ богатствѣ разбираемся, а у насъ его изъ подъ рукъ тащатъ. Обидно, не правда-ли?—«Наши немощи знаемъ мы, зна-

емъ, но мы слушать объ нихъ не хотимъ.»—Такъ, что-ли, вы мнѣ отвѣтите?

Когда я вступлю въ управленіе городомъ, то прежде всего займусь однодневной переписью населенія. Не безызвѣстно вамъ, что съ будущаго года предполагается перепись по всей Имперіи, но поймите, господа, что она будетъ преслѣдовать задачи общегосударственныя и хозяйственно-общественныхъ интересовъ коснется только отчасти. Нужно воспользоваться правительственнымъ предпріятіемъ, примкнуть къ нему и по спопутности заняться собраніемъ нужныхъ намъ экономическихъ свѣдѣній. Вотъ тогда издадимъ мы „Памятную книжку города Тюмени"— не чета ~~уже будетъ~~ календарю, который составилъ Павелъ Сергѣевичъ. По его статистикѣ (стр. 25) выходитъ, что изъ 36763 человѣкъ населенія обоего пола рождается 1,05%, а вымираетъ 1,21%*),—значитъ чрезъ 600 слишкомъ лѣтъ отъ города Тюмени одно кладбище останется. Не даромъ же управа на этотъ случай отмежевала большой погостъ и притомъ такъ далеко отъ городской черты. Несообразность отношенія между смертностью и рождаемостью увидите вы, милостивые государи, изъ статистическихъ данныхъ, если удостоите вниманіемъ указанное ниже сего примѣчаніе**).

Но если Провидѣнію угодно будетъ распорядиться съ нами,

---

*) Въ „Тюменскомъ адресъ-календарѣ" рождаемость опредѣлена цифрой 386 чел. и смертность 447 по отношенію къ 36,763 челов. обоего пола, что и составитъ указанные нами проценты.

**) По новѣйшимъ сравнительно статистическимъ даннымъ, отношеніе между рождаемостью и смертностью въ разныхъ европейскихъ государствахъ выражается слѣдующимъ образомъ:

	Рождаемость:	Смертность:	Приростъ:
Россія.	4,7%	3,2%	1,5%
Англія.	3,3%	2,1%	1,2%
Германія	3,6%	2,7%	0,9%
Австрія	4,1%	3,3%	0,8%
Италія	3,7%	3,0%	0,7%
Франція	2,6%	2,4%	0,2%

на основаніи календаря Павла Сергѣевича, то все же я за это время успѣю поглавенствовать и осчастливить городъ своими мѣропріятіями и реформами. „Памятную книжку Тюмени“ сдѣлаю я интереснѣйшей и необходимѣйшей для каждаго благомыслящаго и образованнаго общественнаго дѣятеля. Перечня именинниковъ въ ней у меня не будетъ, ибо думаю я пристроить къ городскимъ часамъ на думѣ такой механизмъ, посредствомъ котораго на каждый день будетъ у меня выскакивать особая дощечка, съ фамиліей тезоименитаго, а оповѣщать объ этомъ буду я выстрѣломъ изъ малой пушечки, соразмѣряя зарядъ съ общественнымъ положеніемъ именинника; въ день же своего ангела палю—троекратно, дабы извѣстно было, что городской голова празднуетъ. Насчетъ механики я, какъ говорится, собаку съѣлъ. Мнѣ принадлежатъ, между прочимъ, изобрѣтеніе волшебныхъ стрѣлокъ на карманныхъ часахъ, которыя заразъ показываютъ время во всѣхъ главныхъ городахъ Россійской Имперіи. Когда я показалъ нашему знаменитому механику Трусову свой секретъ, такъ тотъ только руками развелъ, сказалъ при этомъ, что ему больше на землѣ дѣлать нечего, и на другой день Богу душу отдалъ.

„Памятная книжка“ моя сразу откроетъ вамъ, господа гласные, всѣ промахи и прегрѣшенія въ городскихъ бюджетахъ. Недвижимыя имущества города, ихъ доходность и ежегодное приращеніе ея будутъ извѣстны всякому, какъ собственные пальцы. Я уже говорилъ, что обложеніе налогомъ недвижимыхъ имуществъ вполнѣ зависитъ отъ добросердечія комиссіи и, судя по нѣкоторымъ примѣрамъ, оцѣночный сборъ не имѣетъ прочныхъ основаній. Что здѣсь принимается въ соображеніе—стоимость-ли сооруженій (дома, лавки, амбары), или ихъ доходность? На этотъ простой вопросъ не далъ мнѣ положительнаго отвѣта ни одинъ членъ комиссіи. И выходили вслѣдствіе этого курьезы весьма любопытные. Такъ въ 1875 году оцѣночный сборъ съ недвижимыхъ имуществъ города достигъ 6300 руб., въ слѣдующемъ году палъ до 3948 руб.; а черезъ девять лѣтъ, при малыхъ колебаніяхъ, едва достигъ 5912 руб. Можно подумать, что за это время постигло городъ какое-нибудь несчастіе, однако, по молитвамъ

нашимъ (совокупно съ благочестивой молодой вдовушкой), ни пожаровъ, ни труса, ни потопа у насъ не было. Напротивъ, городъ Тюмень, благодаря желѣзной дорогѣ, расцвѣлъ, расширился, а самоучка-архитекторъ Тарасовъ украсилъ его многочисленными палаццо.

Мало-ли курьезовъ можно найти въ нашихъ смѣтахъ? Цифры у меня подъ руками*), но не перечисляю ихъ потому собственно, что письма мои не имѣютъ обличительнаго характера. Хочу я ими, милостивые государи, рекламировать свою особу, какъ человѣка съ тонкимъ умомъ, съ самыми высокими «понятіями» и больше ничего. Боюсь при этомъ утомлять ваше вниманіе цифрами и потому еще, что бесѣды мои могутъ потерять характеръ легкаго чтенія и обратиться въ статью ученаго содержанія.

Подготовлялсь къ многотрудной общественной дѣятельности изученіемъ бюджетовъ двѣнадцати большихъ городовъ, спрашиваю я однажды городского дѣльца: отчего-де въ Томскѣ за мочку кожъ и шерсти городъ выручаетъ 2233 рубля (1882 г.), а у насъ въ томъ же году налогъ на эту статью не превышалъ 228 рублей**)?—Да потому, отвѣчалъ онъ мнѣ, что въ Томскѣ кожи обложены налогомъ, а не проруби, а въ Тюмени—проруби, а не кожи.—То есть какъ же это?... началъ было я, но собесѣдникъ махнулъ рукою и перемѣнилъ разговоръ на другія темы.. Подобные вопросы уяснитъ намъ статистика.

Когда произведу я перепись населенія и познакомлюсь со всѣми отправленіями городского организма, примусь тогда за его оздоровленіе. Что нужно человѣку прежде всего? Хорошій воздухъ, здоровую воду и какъ можно меньше грязи. Думаю я, милостивые государи, убить трехъ зайцевъ однимъ ударомъ. Вырою я въ городѣ артезіанскіе колодцы: они мнѣ и воду дадутъ, и

---

*) Сборъ съ лавокъ гостинаго двора въ 1873 году былъ 4920 руб., въ 1883 году 5198 руб. и если вѣрить цифрѣ, которую мнѣ сообщили нынѣ, то къ 1893 году сборъ съ гостинаго двора упалъ на 2958 руб. Лавки на хлѣбной площади въ 1880 году приносили дохода 2138 руб.; въ 1883 году—2560 руб., а чрезъ десять лѣтъ, къ 1893 году—2314 р. 96 коп.

**) Въ Томскѣ въ это время было 10 кожевенныхъ заводовъ, а въ Тюмени 25.

грязь уберутъ, и воздухъ вычистятъ. Мысль мою вы предвосхитить хотѣли, да не удалось это вамъ, ибо вышло маленькое недоразумѣніе. Геологическій буръ съ клистирной трубкой перепутали. Къ вамъ командированъ былъ ученый мужъ разстройства желудковъ разрѣшать, а вы его землю бурить заставили. Въ помощники къ нему московскаго штегеря*) выписали, а тотъ (нѣмчура вѣроятно), забравшись въ страну бѣлыхъ медвѣдей, возьми да и вообрази себя заправскимъ геологомъ. Увѣрилъ онъ васъ въ томъ, что артезіанскую воду гдѣ угодно добыть можно, а вы и поддались нѣмцу на эту удочку. Болтать онъ могъ, что угодно, но какъ могъ повѣрить болтовнѣ ученый мужъ,—это для меня непостижимая тайна. Впрочемъ нѣмецъ на все гораздъ. Въ городѣ Омскѣ, въ шестидесятыхъ годахъ, купецъ Кузнецовъ, обрадовавшись опытамъ разведенія рѣчныхъ раковъ, пошелъ далѣе, а именно вздумалъ въ мѣстной рѣкѣ устрицъ акклиматизировать. И что же? Нашелся и тутъ нѣмецъ, который взялся за это дѣло и, разумѣется, не достигъ цѣли потому только, что нѣжные слизняки не могли перенести тяжелой ссылки въ холодную Азію. Такъ по крайней мѣрѣ объяснялъ мнѣ неудачу почтенный коммерсантъ; онъ наивно думалъ, что если въ Иртышѣ водится двухстворчатка (Anadonta), то отчего бы и устрицѣ не жить? Устрицъ ни въ Турѣ, не въ Иртышѣ разводить я не возьмусь, ибо считаю подобный опытъ за признакъ близкаго помѣшательства; ну, а артезіанскіе колодцы—вырою.

Въ слѣдующемъ письмѣ изложу вамъ, милостивые государи, какимъ образомъ съ помощью колодцевъ этихъ устрою я въ Тюмени благораствореніе воздуховъ и изобиліе водъ земныхъ. Въ добавокъ къ этому избавимся мы и отъ грязи, въ которой сидимъ по уши вотъ уже третье столѣтіе. Labor improbus omnia vincit**)! Вотъ мой девизъ, который скажу я вамъ въ заключеніе.

---

*) Штегеря московскихъ фирмъ по устройству артезіанскихъ колодцевъ по большей части слесаря и такъ называемые «ученые мастера» инженихъ школъ, а не геологи.

**) Трудолюбивому самъ Богъ помогаетъ.

IX

23-го ноября.

На весь свѣтъ угодить нельзя! Такъ учили мудрецы и философы глубокой древности. Письма мои въ нѣкоторыхъ особахъ вызвали неудовольствіе, а въ другихъ, наоборотъ, живѣйшее сочувствіе. И все это съ очевидностью обнаружилось въ день моихъ именинъ. Въ нынѣшнемъ году представитель города не только самъ не пожаловалъ ко мнѣ пирога откушать, но и секретарю строго воспретилъ таковое чествованіе. Оба обошли меня, а ужъ «на что лучше»—пріятелями считались. Да, господа, тѣ времена прошли! Tempi passati!—сказалъ во дворцѣ Дожей императоръ Іосифъ II предъ портретомъ Фридриха I, лежащаго у ногъ папы.

Но за то вотъ сюрпризъ, неожиданно пріятный и много обѣщающій: получилъ я «ворохъ» поздравленій отъ педагогическаго персонала женскихъ гимназій и прогимназій, съ приложеніемъ фотографическихъ карточекъ. О, женщины! Знаю, что самый ненавистный врагъ вашъ тотъ, кто васъ отгадываетъ,—сказалъ Дидеро; сердитесь, не сердитесь на меня, а умыселъ вашъ я постигаю, ибо хитрость «бѣлыми нитками штопана». Ваша любезность—отвѣтъ на мое пятое письмо: хочется вамъ въ управскую канцелярію поступить. Что-же, добро пожаловать!

Изъ начальницъ прогимназій только три удостоили своими поздравленіями, да и тѣ осыпали меня градомъ всякихъ упрековъ. Одна недовольна тѣмъ, что на должность секретаря ищу я женщину стройную и рослую; другая бранитъ меня за то, что будто бы мнѣ одинъ «противный» смуглянки нравятся; а третья—рветъ и мечетъ цвѣтами краснорѣчія съ очевиднымъ намѣреніемъ мнѣ импонировать. Ни одна изъ нихъ не поняла, однако, что не о себѣ я хлопочу, а объ ихъ же счастіи и благополучіи забочусь.

Весь этотъ матеріалъ на-дняхъ отправлю въ городскую управу, для пріобщенія къ дѣлу: объ именинномъ пирогѣ и проис-

шедшихъ отъ того послѣдствіяхъ*).

Вмѣстѣ съ сочувствіемъ, письма мои пробудили жизнь въ тѣхъ обиженныхъ судьбою молоденькихъ дѣвушкахъ, которыя, ради матеріальнаго обезпеченія, вступили на тяжелое педагогическое поприще безъ призванія, безъ охоты и безъ всякой къ тому подготовки. Не подай я своими письмами надежды на лучшее будущее, прозябали бы они надъ глупыми учебниками, тетрадями и ариѳметическими задачами, а умныя книжки такъ и лежали бы въ шкапахъ за тремя замками съ печатями. Теперь печати сломаны, замки отворены, и либеральная журналистка шестидесятыхъ годовъ на сцену выползла. Говорятъ, что во многихъ городахъ литературные вечера предполагается устроить: все лучше, чѣмъ за картами вечера проводить, да иностранными романами баловаться. Вотъ что значитъ крылатая надежда! О педагогіи, впрочемъ, рѣчь впереди, теперь такъ къ слову пришлось; на очереди этотъ вопросъ будетъ тогда, когда я, въ качествѣ городского головы, займусь начальными школами, а у насъ это дѣло куда какъ худо поставлено.

Преслѣдуя цѣль моихъ писемъ и исполняя обѣщаніе, нужно мнѣ прежде всего оздоровленіемъ города заняться; а для этого проектирую я устройство артезіанскихъ колодцевъ въ разныхъ частяхъ нашего города. Какъ хочется мнѣ ознакомить васъ съ моимъ предпріятіемъ, но безъ предварительныхъ знаній геологіи понять вы меня не можете. Лѣтъ пять тому назадъ, читались публичныя лекціи по этому предмету; жаль, чортъ-побери, что спали вы въ это время непробуднымъ сномъ, укутавшись «въ обломовщину». Теперь, вотъ, трудновато передать въ одномъ письмѣ, что говорилось тогда о подземныхъ источникахъ, однако попробую,—вооружитесь только вниманіемъ.

Старушка мать-сыра-земля похожа на сморщенное моченое

*) Въ думскомъ архивѣ, извѣстно мнѣ, хранится еще два любопытныхъ дѣла: 1) о хожденіи мертвыхъ тѣлъ по Зарѣчью и объ отпускѣ на нихъ члену управы сыскныхъ и подъемныхъ денегъ и 2) о вырубленіи деревъ въ загородномъ саду и о стыдѣ, происшедшемъ отъ того городскому головѣ съ товарищемъ.

яблоко*), что привозятъ къ намъ изъ ирбитской ярмарки. Увеличьте въ своемъ воображеніи поперечникъ его до 1200 верстъ, и тогда морщинистая кожица обратится въ обширныя равнины, долины, котловины и горныя страны. Все приметъ такіе колоссальные размѣры, которые даже глазъ обнять не въ состояніи: и получимъ мы тогда грубое представленіе о земномъ шарѣ. Кожица яблока представится необычайно мощной слоистой корой, относительно толщины которой нѣтъ согласія даже между учеными: одни считаютъ ее въ 70, другіе въ 100, третьи въ 300 верстъ, а есть и такіе ученые (Гопкинсъ, Томсонъ), которые утверждаютъ, что земной шаръ сплошное твердое тѣло. Слои горныхъ породъ въ этой корѣ, изогнутые и изломанные во всевозможныхъ направленіяхъ, и заключаютъ въ себѣ иногда скопленіе водъ, которыя даютъ начало прѣснымъ и минеральнымъ источникамъ. Подземныя воды, слѣдуя направленію паденія и склоненія пластовъ, имѣютъ подъ землей свои теченія и притомъ не въ одномъ только нисходящемъ направленіи (сверху внизъ), какъ рѣки, но и въ восходящемъ, когда среди замкнутыхъ пластовъ земли, вода подъ напоромъ ниже лежащихъ частицъ поднимается къ верху.

Представимъ теперь на поверхности земли вдавленную котловину въ нѣсколько сотъ верстъ въ діаметрѣ. Пусть въ этой ямѣ пласты, удерживая вогнутость, лежатъ параллельно между собою и одинъ какой-нибудь изъ нихъ будетъ насыщенъ водою. Что, спрашивается, произойдетъ въ томъ случаѣ, если на днѣ такой котловины появится трещина, до самаго водоноснаго слоя? Очевидно вода выбросится вверхъ и образуетъ восходящій источникъ**). Если вмѣсто естественной трещины въ котловинѣ мы

*) Нѣкоторые астрономы, для наглядная представленія относительной величины планетъ солнечной системы, сравниваютъ ихъ съ плодами такимъ образомъ: если Солнце представить шаромъ въ метръ (1½ арш.), въ діаметрѣ, то Меркурій будетъ равенъ конопленному зерну, Венера—вишнѣ, Земля—также вишнѣ, Марсъ—горошинѣ, Юпитеръ—апельсину, Сатурнъ—яблоку, Ураиъ—абрикосу и Нептунъ—персику.

**) Возьмемъ два чайныхъ блюдечка, чтобы они вкладывались одно въ

пробуравимъ отверстіе, то получимъ такъ называемый артезіанскій колодецъ*). Стало быть артезіанскимъ колодцемъ называется искусственный восходящій источникъ.

. Давъ, такимъ образомъ, поверхностное представленіе о сущности занимающаго насъ вопроса, познакомлю васъ, милостивые государи, съ тѣмъ, что нужно предварительно знать, чтобы избрать мѣсто для буровой скважины, съ цѣлью получить артезіанскую воду**). Во-первыхъ нужно знать, какъ чередуются водопропускающіе и водонепроницаемые пласты, а во-вторыхъ точно опредѣлить, въ какую сторону и подъ какими углами падаютъ они въ данной мѣстности; наконецъ, если дѣло имѣемъ съ котловиной, то—гдѣ нужно искать ея центральную часть. Трудность подобныхъ изслѣдованій въ томъ и заключается, что наклоненные пласты и котловины скрыты отъ насъ подъ толщами песковъ и глинъ, которые сравняли всѣ видимыя неровности. Котловина, съ вогнутыми пластами земной коры, можетъ быть обнаружена въ мѣстностяхъ повидимому горизонтальныхъ, и, наоборотъ, наносные пласты на поверхности суши могутъ имѣть видъ котловины, а внутренніе, водосодержащіе, болѣе древніе—представлять горизонтальное расположеніе. При этомъ добавляю, что такіе подлежащіе изслѣдованію бассейны, занимаютъ иногда пространства въ нѣсколько сотъ верстъ въ поперечникѣ. Діаметръ московскаго бассейна, напримѣръ, лежитъ между Валдаемъ и Калугой, и потому залеганіе пластовъ нужно принимать въ соображеніе по

другое и, сложивъ вмѣстѣ, нальемъ между ними слой воды до самыхъ краевъ. Если просверлимъ на днѣ лежащаго внутри блюдца отверстіе, вода изъ него ударитъ ключомъ, и это будетъ модель артезіанскаго колодца.

*) Названы артезіанскіе колодцы такъ потому, что впервые были устроены въ Европѣ въ 1126 году во французской провинціи Артуа. Въ Египтѣ и Китаѣ они извѣстны были съ незапамятныхъ временъ.

**) Для библіотеки въ городской управѣ по вопросу объ артезіанскихъ колодцахъ пріобрѣту я слѣдующія сочиненія: Романовскій. О производствѣ работъ по буренію артезіанскихъ колодцевъ въ Крыму. С.-пб. 1871; Гурьева. Первое артезіанское буреніе на подмѣловыя воды въ Харьковѣ въ 1887 году. Квитки. Случай истеченія жидкостей; кромѣ того обширные труды Щуровскаго, Струве, Бартенсона, Сабанѣева, Абиха и проч.

всей означенной площади. Не зная указанныхъ условій, рыть артезіанскіе колодцы можно съ такимъ же вѣроятіемъ, какъ искать золото въ глинахъ, гдѣ не обнаружено розсыпей*).

Чтобы убѣдить васъ, сколько трудовъ требуютъ подобныя геологическія изысканія, приведу слѣдующій примѣръ. Прежде чѣмъ приступить къ буренію артезіанскаго колодца въ Москвѣ, профессоръ Романовскій пятнадцать лѣтъ работалъ только надъ тѣмъ, чтобы составить идею о строеніи горныхъ пластовъ московской котловины, которые были скрыты подъ болѣе новыми образованіями песковъ и глины на глубинѣ 200 саженъ (точнѣе 1512 ф.). Изъ сопоставленія многихъ естественныхъ обнаженій (обваловъ) по берегамъ рѣкъ и овраговъ, а также на основаніи теоретическихъ соображеній, идею эту выразилъ онъ геологическимъ разрѣзомъ (чертежомъ) пластовъ земли, залегающихъ отъ Валдая до Орловскихъ возвышенностей.

И какое торжество науки! При буреніи московскаго артезіанскаго колодца, скважина прошла тѣ самыя породы, которыя были указаны теоретически, что особенно замѣчательно, и почти на той же самой глубинѣ**), на которой предполагалось ихъ встрѣтить. Разумѣется, послѣ такихъ геологическихъ работъ, нѣмецкимъ промышленникамъ въ лицѣ Листовъ, Цистовъ и Пистовъ остается только съ русскихъ людей денежки собирать.

Чувствую, что выхожу я изъ предѣловъ статьи для послѣобѣденнаго легкаго чтенія: наукой запахло, а смрадъ этотъ, какъ извѣстно, публикѣ нашей не особенно нравится.—«Соловья баснями

*) Извѣстно мнѣ, что въ рѣчныхъ наносахъ окрестностей Тюмени были попытки открыть золото; также московскій нѣмецъ работалъ.

**) Такъ, каменный уголь предполагалось встрѣтить на глубинѣ 145 саженъ, а его нашли на 142—144 саж.: тоже повторилось съ юрскими и девонскими пластами. Буровая скважина московскаго артезіанскаго колодца достигла 216 саженъ, оставалось, для полнаго успѣха, пройти еще 35 саженъ, но буръ сломался. Предѣлы глубины артезіанскихъ колодцевъ въ различныхъ странахъ слѣдующіе: Въ Сенъ—Лупи—3843 фута (549 саж.), въ Люксембургѣ 2394 (342 сажени); Люневильскій въ Кентукки 2086 фут. (298 саж.); Гренельскій въ Парижѣ 548 метровъ (тоже 274 саж.); въ Петербургѣ на дворѣ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ 658 фут. (94 сажени).

ми не кормятъ, дѣло подавай, обѣщаешь колодецъ артезіанскій вырыть, ну и выкладывай: гдѣ, какъ и почему?»—скажете вы мнѣ, утомленные чтеніемъ.—Позвольте, господа, будьте терпѣливы на одну минуточку. Какъ и почему,—на это я могу вамъ сейчасъ отвѣтить, ну, а на счетъ того, гдѣ я буду рыть артезіанскій колодецъ, прошу повременить немного: хочется мнѣ до поры до времени, обстоятельство это въ секретѣ удержать. Боюсь, чтобы нѣмецъ не предвосхитилъ мое открытіе, да меня на «бобахъ» не оставилъ. Чужими руками жаръ загребать они мастера великіе.

Идею строенія Иртышскаго бассейна*), на которомъ мы обитаемъ, можно выразить такимъ образомъ. Представьте котловину (гигантскую чашу) на тысячу верстъ въ поперечникѣ, сложенную изъ твердыхъ горныхъ породъ, каковы; олигоценовый известнякъ, мѣлъ, юра и проч. (по крайней мѣрѣ въ западной части). Краями своими этотъ гигантскій котелъ прилегаетъ съ одной стороны къ гранитнымъ склонамъ Уральскихъ горъ, съ другой образуетъ водораздѣлы Иртыша и Оби (подъ Васюганской тундрой), а на югѣ достигаетъ Кокчетавскихъ горъ, Акмолинской области. Сѣверный бокъ у этой чаши, по направленію къ океану, какъ бы вывалился и представляетъ открытое пространство для стока обширныхъ рѣкъ. Вся чаша или бассейнъ выполнена поздпѣйшими рѣчными наносами песковъ и глинъ, при чемъ подъ олигоценовыми известняками (т. е. подъ скорлупой котла) залегаетъ масса водъ. Доказательствомъ этому служатъ многочисленные ключи въ деревнѣ Курьи и въ окрестностяхъ дер. Обухово, Камышловскаго уѣзда, гдѣ известняки выходятъ наружу. Тюмень расположена близъ западнаго края бассейна**), но его скло-

---

*) Вопреки учебникамъ географіи, на основаніи многочисленныхъ соображеній, считаю я Иртышъ главной рѣкой, а Обь его притокомъ.

**) Обратимся къ модели артезіанскаго колодца, о которомъ мы уже говорили въ одномъ изъ примѣчаній ранѣе сего. Чтобы съ помощію этой модели воспроизвести въ маленькомъ видѣ бассейнъ Иртыша, намѣтимъ на ней страны горизонта, выполнимъ внутренее блюдечко до половины пескомъ и глиной и отломимъ край съ сѣверной стороны. Если на западномъ краѣ на самомъ фарфорѣ, который будетъ замѣнять олигоценовый известнякъ, отмѣтимъ Камышловъ

ну, на глинистыхъ и песчаныхъ рѣчныхъ наносахъ, которые залегаютъ однако не менѣе какъ на 200 с. глубины.

Вслѣдствіе этого, чтобы получить артезіанскую воду, нужно пробуравить толщи глинъ, песковъ и наконецъ олигоценовый известнякъ, мощность котораго пока неизвѣстна. Какъ видите, предпріятіе мое требуетъ большого труда и въ одинъ годъ съ нимъ не управиться; но за то надѣюсь я получить такое обиліе воды, что даже Москва позавидуетъ.

Послѣ этого останется мнѣ, сограждане, только отъ грязи васъ избавить, а тогда и воздухъ получитъ благорастворѐніе. Достигнуть сего обѣщаю я тѣми же буровыми скважинами.

Слыхали ли вы, господа, о такъ называемыхъ отрицательныхъ артезіанскихъ колодцахъ, которые французы удачно называютъ puits absorbants (всасывающій колодецъ) и которые служатъ для удаленія грязной воды. Въ окрестностяхъ Марселя еще сравнительно недавно была болотистая равнина, отличающаяся лихорадками, грунтъ которой не пропускалъ сквозь себя дождевыхъ водъ. Французы, пробуравивъ глину, достигли сначала такъ называемыхъ «плавуновъ»*), а потомъ трещиноватаго известняка, и вода ушла по буровой скважинѣ въ землю. Такимъ образомъ болотистую мѣстность обратили они въ сухую равнину со здоровымъ климатомъ. Что же, думаете вы, французовъ то я не сумѣю перещеголять? Плавуны, какъ извѣстно, лежатъ у насъ не глубже 10 саженъ подъ глинами и мергельными гнѣздами (опока). въ нихъ-то я и спущу всѣ городскія грязныя воды**). Puits absorbants будутъ у меня на каждой улицѣ и посредствомъ ихъ осушу я Лимино городище, а всѣ нечистоты продамъ Ильѣ

и деревню Курьи, то на пескѣ, отступя на палецъ отъ краевъ блюдечка, будетъ Тюмень. Спрашивается, какіе слои нужно просверлить на блюдечкѣ близъ того мѣста, гдѣ мы намѣтили Тюмень, чтобы вода била фонтаномъ?

*) Водянистые пески.

**) У меня на дворѣ есть такой колодецъ, въ который стекаетъ снѣговая вода съ площади 3600 квадр. саженъ и никогда его всего не наполняетъ. Въ немъ вода держится только на одинъ аршинъ, но притокъ ея такъ великъ, что можетъ дать въ часъ сотни ведръ. Это и есть первый артезіанскій колодецъ въ Сибири.

Семеновичу, для удобренія полей на его фермѣ. Выгоднѣе же будетъ ему купить у меня эту дрянь, чѣмъ выписывать гуано съ Перувіанскихъ кордильеровъ.

Убѣждаетесь ли теперь, послѣ всего изложеннаго, спрошу васъ, милостивые государи, что умная голова «и во тьмѣ зрящетъ»? Если проницательнымъ окомъ своимъ можетъ она проникнуть въ нѣдра подземныя, то что значитъ для нея обнаружить самые плутовскіе гешефты ваши? Покончивъ съ идеей объ артезіанскихъ колодцахъ, прошу васъ принять результаты моихъ многолѣтнихъ наблюденій, какъ sacrificio dell' inteletto (пожертвованіе разума) на благо общественное. Перехожу теперь къ тому, какъ я буду улучшать пути сообщенія внутри городской черты, а въ слѣдующемъ письмѣ познакомлю васъ съ парками, садами и бульварами, которыми думаю я украсить площади, для оздоровленія воздуха.

Тюменская каменная мостовая, къ сооруженію которой недавно приступили, едва не сдѣлалась, какъ вамъ извѣстно, яблокомъ раздора между городскимъ обществомъ и корпораціей пароходовладѣльцевъ. Однимъ хотѣлось соединить съ вокзаломъ желѣзной дороги зданіе городской думы (т. е. вымостить главную улицу), а другимъ—пароходныя пристани, и каждая партія имѣла свой raison d'être. Для «вертопраха», который не привыкъ проникать въ сущность тонкихъ причинъ, страннымъ можетъ показаться предположеніе вести мостовую отъ вокзала къ пристанямъ, предоставляя обывателямъ «барахтаться» въ непролазной грязи на главной улицѣ города. Тѣмъ болѣе страннымъ покажется это предположеніе, что вокзалъ и пристани соединены уже между собой вѣтвью желѣзной дороги. Агитаторы, бунтовщики, возмутители общественнаго мнѣнія кричатъ теперь на всѣхъ перекресткахъ противъ несообразнаго проекта, который не принимаетъ-де въ соображеніе, что въ центрѣ города движеніе во сто разъ болѣе, чѣмъ между вокзаломъ и пристанями. Такова обывательская точка зрѣнія, но не такъ думаютъ объ этомъ пароходовладѣльцы. Утверждаютъ они, что казна-де помогла городу денежной субсидіей для подъѣздныхъ путей, а не для удобствъ

общественныхъ, и дѣлецъ Сашенька совершенно согласенъ съ этимъ мнѣніемъ. Придерживаясь «буквы» и навязывая казнѣ смыслъ, прямо противорѣчащій ея интересамъ, какъ увидимъ это ниже, пароходовладѣльцы совершенно правы. Въ результатѣ городская дума постановила одно, а корпорація пароходовладѣльцевъ— другое и положеніе городского головы сдѣлалось въ этомъ вопросѣ безвыходнымъ, или—«хуже губернаторскаго», говоря тѣмъ мѣткимъ стариннымъ выраженіемъ, начало котораго относится къ разсказу о страданіяхъ на сей должности приснопамятнаго Санчо-Пансо.

Чтобы угодить нашимъ и ихнимъ, думаютъ теперь прибѣгнуть къ такому хитроумному компромиссу: мостовая пойдетъ къ пристанямъ, не прямо, а околицей, сдѣлавъ петлю по заднимъ улицамъ города. Если это правда, то рѣшеніе трудной проблемы можно признать за образецъ остроумія. Пароходовладѣльцы будутъ ублаготворены, домогательство обывателей—не оставлено безъ вниманія, а проѣзжающему люду предоставляется возможность осматривать достопримѣчательности Тюмени въ самыхъ отдаленныхъ ея захолустьяхъ.

Будь я городскимъ головой, никто не заставилъ бы меня принять такое duabus sedere sellis*). Поставилъ бы я въ городской думѣ вопросъ такимъ образомъ: что вамъ, господа граждане, милѣе, чтобы одна только главная улица или весь городъ былъ вымощенъ? Не трудно угадать, что отвѣтятъ мнѣ обыватели. А если такъ, то и толковать по-пусту нечего: нужно вести мостовую отъ вокзала къ пристанямъ, не виляя, не мудрствуя лукаво, а по прямой самой кратчайшей линіи, и сейчасъ же прокладывать по ней рельсы, для конно-желѣзной дороги (послѣ втрое дороже это обойдется). Понимаете? Пойметъ мою тонкую политику только одинъ Иванъ Андреевичъ и то потому, что инстинктъ подскажетъ ему, куда это дѣло клонится. Позволяю себѣ изложить обстоятельства: Если начну я мостить Царскую улицу, то на ней и придется покончить эту операцію, ибо денегъ у меня для благоустройства другихъ улицъ не хватитъ, а казна новую

*) Сидѣніе на двухъ стульяхъ.

субсидію не отпуститъ; соедини я вокзалъ съ пристанями конно-желѣзной дорогой,—благоустройство города надолго обезпечено; вымощу я камнемъ тогда весь городъ, съ широкими панелями по обѣ стороны каждой улицы.

Въ заключеніе, скажу я тогда на-ушко Ивану Андреевичу:

Другъ, нельзя-ли для прогулокъ,
Подальше выбрать закоулокъ!

— «То есть, что сей сонъ означаетъ?» спросите вы меня.— А то, что перевозку пассажировъ, багажа и даже нѣкоторыхъ товаровъ городъ возметъ за себя, а Иванъ Андреевичъ со своимъ извозомъ на лошадкахъ можетъ подальше убираться.

Вотъ тогда-то докажемъ мы „путейцамъ“, что у насъ, въ сибирскихъ захолустьяхъ, чѣмъ первобытнѣе способъ перемѣщенія грузовъ, тѣмъ онъ дешевле. Если въ настоящее время, рядомъ съ поѣздами желѣзной дороги, Иванъ Андреевичъ на своихъ лошадкахъ по глубокой грязи находитъ выгоднымъ почти за полцѣны, противъ установленныхъ тарифовъ, перевозить клади съ вокзала желѣзной дороги на пристань и обратно*), то что же, спрашивается, будемъ заработывать мы, когда соорудимъ конно-желѣзный путь? Разочтите-ка хорошенько, тогда и увидите, что бесѣдуетъ съ вами мало того, что человѣкъ «съ понятіями», но и проницательный. Итакъ, милые сограждане, будемъ дѣлать, что можемъ, а если не можемъ дѣлать, то ограничимся желаніемъ—ut possumus quomodo ut volumus non licet!

*) По вѣтви желѣзной дороги тарифная плата съ 1000 пудовъ 19 руб.; а конторы, занимающіяся извозомъ, тотъ же грузъ 1000 пудовъ на лошадяхъ доставляютъ съ вокзала на пристань по 8—10 рублей.

X.

1-го декабря

Читая мои письма вы, милостивые государи, вѣроятно, не разъ задавали себѣ вопросъ: откуда у кантониста-мучного торговца такая начитанность по всѣмъ отраслямъ человѣческихъ знаній и откуда такое, можно сказать, философское направленіе мысли? Какъ пріобрѣлъ я образованіе и «понятія»—извѣстно вамъ изъ перваго моего письма, а гдѣ получилъ я искру самосозерцанія и любознательности—послушайте. На этотъ разъ—шутки въ сторону! Не безызвѣстно вамъ, что бабушки и прабабушки наши въ женскихъ институтахъ разнымъ «тонкимъ наукамъ» не обучались, но были образцовыми хозяйками и отличались исключительной любовью къ садоводству и цвѣтоводству. Въ доброе старое время въ Тюмени былъ образцовый аптекарскій садъ Александры Ивановны Даудель, который снабжалъ травами не только Сибирь, но и восточную часть Россіи. Чего только не было въ этомъ саду! Здѣсь-то, среди зелени, въ обществѣ цвѣтовъ, находилъ я въ дѣтскомъ возрастѣ неисчерпаемый источникъ самыхъ разнообразныхъ наслажденій.

Помню отецъ училъ меня въ порывахъ негодованія искать утѣшенія на небѣ и я исполнялъ это съ буквальною точностью. Послѣ всякой «взбучки», «вытряски» и «таски» убѣгалъ я въ садъ доброй Александры Ивановны, забивался въ чащу кустовъ и долго, долго «таращилъ глаза» на голубое безпредѣльное небо. И что-же вы думаете?—Отлично помогало! Взглянешь потомъ вокругъ себя, а цвѣточки такъ надъ тобой и надрываются со смѣху; забавныя такія рожицы! Добрая Александра Ивановна любила меня за то, что «пострѣленокъ» помогалъ ей сушить цѣлебныя травки, сбирать сѣмена, а пуще всего за то, что добывалъ для нее разные корешки, что растутъ не въ садахъ, а по глухимъ болотинамъ, куда только на легкихъ дѣтскихъ ногахъ и можно проникнуть.

Садъ Александры Ивановны на окраинѣ города былъ огороженъ крѣпкимъ заборомъ. Бесѣдокъ, гротовъ, хитроумныхъ затѣй и фонтановъ въ немъ не было, но и безъ этого было тамъ уютно, тѣснисто, все къ дѣлу и все въ порядкѣ. Слѣва отъ воротъ стоялъ небольшой домикъ, гдѣ жила хозяйка, а справа вдали хорошенькая, чистенькая оранжерейка съ грунтовымъ сараемъ. Стѣны небольшой комнаты при входѣ сплошь были покрыты живыми обоями роскошной Passiflora (кавалерійская звѣзда), а посрединѣ, на широкой тумбѣ, стоялъ большой самодѣльный акварій, въ которомъ копошились какіе-то глазастые, страшные такіе, тритоны. Чудные цвѣты пассифлеры, разсыпанные яркобѣлыми, крупными звѣздами, въ густой зелени стѣнъ, придавали маленькой комнатѣ чарующую прелесть. Небольшая оранжерейка сплошь заставлена была орхидеями и красивыми цѣлебными травками теплаго климата. Центръ сада былъ разбитъ на квадратные участки, защищенные съ трехъ сторонъ синеватостройными кедрами и только съ юга открытые. Подъ такой надежной защитой отъ вѣтра и холода, Александра Ивановна дѣлала мелкія грядки и каждую изъ нихъ засѣвала какимъ-нибудь однимъ растеніемъ. Выхолепные, вполнѣ развившіеся цвѣточки напоминали мнѣ маленькихъ игрушечныхъ солдатиковъ. Каждая грядка казалась цвѣточной ротой, а впереди на длинномъ древкѣ развѣвался этикетъ—точь въ точь, какъ полковое знамя. Вонъ тамъ акониты въ золотисто-желтыхъ шишакахъ, какъ пожарная команда, выстроились; за ними онопордоны, въ мохнатыхъ шапкахъ съ красной верхушкой, качаются на своихъ стебелькахъ, точно казачья сотня съ баранты возвращается. Далѣе тянутся эскадроны ахилей, генціанъ, мяты разныхъ сортовъ, адонисовъ, актей и красивыхъ цикламеновъ. Въ тѣни красовались алые алтеи и мальвы, а на солнце-припекѣ шарашился высокій рицинусъ, растопыривъ, какъ пьяный мужикъ, свои широкія лапы.

Центральный участокъ сада окружалъ небольшой паркъ изъ липъ, рябины и дрока; а дальше по окрайнамъ росли цѣлебные кустарники бузины, малины, жимолости и всякой всячины.

Все дышало свѣжестью и ароматомъ цвѣтовъ. Боже ты мой, что за «благорастворе́ніе воздуховъ» чувствовалъ я въ садикѣ Александры Ивановны! Дѣтскую натуру поражала здѣсь сила жизни и таинственная тишина, въ которой она проявлялась. Все это чувствовалось инстинктивно, безсознательно. Жизнь какъ-то неслышно, незамѣтно обступала меня со всѣхъ сторонъ, и цѣлый фантастическій міръ связывался въ дѣтскомъ представленіи съ этимъ таинственнымъ растительнымъ міромъ! А кругомъ шумъ и хлопоты: сотни насѣкомыхъ порхаютъ и вьются въ яркой цвѣточной зелени, все куда-то торопится, чего-то ищетъ. На этомъ пиру тысяча цвѣточныхъ головокъ блещутъ другъ передъ другомъ изящными, яркими туалетами и своимъ благоуха́ніемъ, чтобы обратить на себя вниманіе крылатыхъ букашекъ—воздушныхъ танцоровъ.—«Прикоснись, поцѣлуй—не нужно мнѣ ничего отъ жизни*)! Вотъ, вотъ-такъ, такъ—еще разъ!» и они увядаютъ, опадаютъ, но съ этой минуты въ глубинѣ цвѣтка является импульсъ для новой жизни! А какія хитрыя, какія коварныя—эти красавицы флоры, какія ловушки устраиваютъ онѣ своимъ крылатымъ друзьямъ и не пересказать теперь; куда до нихъ нашимъ барышнямъ!

Вверху на деревьяхъ и по кустарникамъ свищутъ, щебечутъ, кричатъ попрыгуньи—мелкія пташки. Вонъ поднялись, вспорхнули высоко-высоко, играютъ, тѣшатся, вьются въ голубой синевѣ неба, вонъ снова спустились, свистятъ, скачутъ по вѣткамъ. Ширъ на весь міръ!.. Въ пору дѣтства уходилъ я въ эту живую струю жизни и забывался въ ней. Тысячи вопросовъ безсвязно одинъ за другимъ возбуждались, смѣнялись, будили мысль, вводили и сливали ее съ мировымъ разумомъ!

Вотъ, мм. гг., та академія, та alma-mater, въ которой получилъ я искру самосозерцанія и наблюдательности. Поймете-ли ваше сердце, какъ было мнѣ тяжело, какъ мнѣ было больно, когда чрезъ 20-ть лѣтъ увидѣлъ я, что садикъ мой почти вы-

*) У многихъ растеній пыль переносятъ съ одного цвѣтка на другой только насѣкомыя; ихъ прикосновеніе даетъ жизнь въ цвѣточной завязи.

рубленъ и обращенъ въ поскотину, и потому собственно, что сдѣлался онъ городскою собственностью. Какое же, спрашивается, господа, могу я питать къ вамъ благорасположеніе? Кажется, помните вы (въ думѣ переписка есть), что просилъ я у васъ въ аренду мое родное разоренное гнѣздышко. Обѣщалъ вамъ черезъ десять лѣтъ возвратить его благоустроеннымъ Kindergarten'омъ и что-же вы мнѣ отвѣтили?—«Намъ-де самимъ нужно—вотъ ужо желѣзная дорога пройдетъ!» Все дѣло покойный Глазковъ испортилъ. «Идетъ чумазый! идетъ, и на вопросъ, что есть истина? твердо и неукоснительно отвѣтъ: распивочно и на вынось*)». Вотъ что было у васъ на умѣ! Скажите, какъ не бранить васъ за такое жестокосердіе!

Всякому культурному человѣку должно быть извѣстно, что сады не только украшаютъ обитаемыя страны, не только даютъ тѣнь, прохладу, здоровый воздухъ, они возбуждаютъ въ насъ высшія стремленія духа и умиротворяютъ душевные порывы. Среди растительнаго міра, въ саду, въ паркѣ, въ лѣсу, каждое чистое свободное къ порыву чувство принимаетъ восторженность. Здѣсь человѣкъ на время забываетъ о многомъ: онъ чувствуетъ какой-то загадочный трепетъ, какую-то смѣсь восторга и удивленія. Неподвижно, таинственно стоятъ могучія деревья, красота растительной жизни проявляется въ ихъ ростѣ и въ томъ безмолвномъ процессѣ, который множитъ, увеличиваетъ элементы и доводитъ ихъ до колоссальныхъ размѣровъ. А цвѣты? Цвѣты сосредоточиваютъ на самомъ ничтожномъ пространствѣ столько живыхъ силъ и изящныхъ сочетаній, что всегда наполняютъ душу невыразимымъ блаженствомъ.

При всей своеобразности растительнаго міра, стоитъ только познакомиться съ нимъ, всмотрѣться въ него, и тогда увидимъ, что сходство его съ людскимъ до того поразительно, что безъ малѣйшей натяжки, такъ и напрашивается на сравненіе. Въ растеніяхъ, какъ и въ людяхъ, мы находимъ не только стремленіе къ общественной жизни, но и къ образованію замкнутыхъ кружк-

*) Щедринъ. Монрепо.

ковъ, съ тою только разницею, что людямъ, подобнымъ мнѣ, такая замкнутость можетъ быть поставлена въ упрекъ, а растеніямъ—ни въ какомъ случаѣ. Здѣсь, какъ и въ человѣческомъ обществѣ, взаимное влеченіе могущественныхъ силъ выражается необыкновенною пріязнью; этому влеченію слѣдуютъ растенія, какъ и мы, безсознательно неся съ собой свои собственные законы. Смѣю увѣрить васъ, милые сограждане, что въ любомъ садикѣ найдете вы много занимательнаго въ проведеніе параллели между отдѣльными сословными кружками тюменцевъ и кружками растеній.

Послѣ всего сказаннаго, не трудно догадаться, почему во всѣ времена и почти у всѣхъ народовъ дерево служило символомъ поклоненія, а страсть къ разведенію садовъ была присуща человѣку съ исконныхъ вѣковъ. Сады Семирамиды висѣли на террасахъ, по обѣимъ сторонамъ которыхъ шла лѣстница со множествомъ ступеней; чтобы не протекала вода, террасы были покрыты слоемъ асфальто, поверхъ котораго накладывался слой земли и сажались невысокія деревья. На дворѣ ниже террасъ шли крытыя аллеи или веранды, изъ вьющихся растеній. Масса воды и зелени давала прохладу даже въ такомъ необыкновенно сухомъ климатѣ, какъ Средняя Азія. Греки, особенно цвѣтъ Греціи аѳиняне, хотя и не придавали садоводству большого значенія, но все же любили разводить тѣнистыя деревья, гдѣ были воздвигнуты храмы и статуи мужамъ, оказавшимъ услугу отечеству. Вниманіе ихъ было обращено на человѣка съ его страстями, а сады имѣли только промышленный характеръ; въ нихъ разводились персики, абрикосы, яблоки, виноградъ и т. п. Римская аристократія съ наступленіемъ жаровъ удалялась изъ „вѣчнаго города“ въ свои виллы на берегу моря, гдѣ и предавалась отдыху и веселью. Сады на этихъ виллахъ отличались роскошью и вкусомъ, но впослѣдствіи, съ распущенностію нравовъ, изящный вкусъ извратился: появились причудливыя уклоненія отъ природы—деревья стали подрѣзывать, стараясь придать имъ искуственный видъ колоннъ, пирамидъ, скалъ и даже животныхъ.

Съ паденіемъ древняго міра настали мрачные средніе вѣка,

длившіеся болѣе 1000 лѣтъ; это было время застоя и остановки всякаго движенія. Можно-ли было что-либо ожидать отъ садоводства, когда человѣкъ потерялъ связь съ природой и считалъ ее чѣмъ-то враждебнымъ для себя? Бурно и повелительно разлился потокъ мусульманства: огнемъ и мечомъ проложилъ онъ себѣ дорогу въ Европу и Африку и заблестѣлъ здѣсь яркими лучами фантазіи. Въ контрастъ съ тяжелыми средневѣковыми замками бароновъ и рыцарей явились легкія стройныя мавританскія зданія съ множествомъ башенокъ. Прохладные темные залы со сводами, мозаичные полы, арабески, мраморныя колонны и балкончики, надъ моремъ цвѣтовъ, производили чарующее впечатлѣніе. Въ мавританскихъ домахъ было много тѣни, а въ садахъ обиліе свѣта, цвѣтущихъ пахучихъ кустарниковъ, розъ, олеандра, жасмина; вездѣ бесѣдки, гроты, подземелья... Все было полно нѣги, все дѣйствовало на внѣшнія чувства: передъ глазами растилались ковры пестрыхъ травъ, обоняніе услаждалъ запахъ множества цвѣтовъ, до слуха долеталъ отдаленный шумъ водопадовъ и каскадовъ, рядомъ съ журчаніемъ ручьевъ.

Средніе вѣка прошли, насталъ новый вѣкъ возрожденія; духъ человѣческій почувствовалъ свободу. Увлеченіе искусствомъ, характеризующее XV вѣкъ, отразилось на садоводствѣ и впослѣдствіи выразилось въ итальянскомъ, голландскомъ и французскомъ стилѣ. Въ итальянскихъ садахъ, среди множества деревьевъ, поминутно встрѣчаются сюрпризы; то вдругъ забьетъ фонтанъ изъ дерева, то явится гротъ съ подземнымъ озеромъ, по которому можно прокатиться на лодкѣ, то мостикъ, на которомъ смыкающіяся струйки воды образуютъ прозрачную арку. Деревьямъ придаютъ здѣсь всевозможныя формы, какъ было это въ старое время. Голландскій стиль поражаетъ необыкновенной чистотой, опрятностью и вмѣстѣ однообразіемъ; повсюду подстриженныя живыя изгороди, гроты, унизанные пестрыми раковинками и камешками, какъ-бы игрушечные домики, сложенные изъ кирпича съ фарфоровыми изразцами. Въ каждомъ садѣ есть непремѣнно плодовое отдѣленіе изъ карликовыхъ деревьевъ, крытыя липовыя аллеи и множество луковичныхъ цвѣтовъ. Французскій стиль походитъ

на голландскій, но только садъ гораздо роскошнѣе и отличается большимъ вкусомъ*). Какъ и другіе роды искусства, садоводство къ началу XVII столѣтія стало переходить за предѣлы должнаго; оно приняло извѣстное направленіе, преслѣдующее условную искусственную красоту и отступило отъ правды жизни. Въ Англіи, гдѣ впервые раздался голосъ Бэкона о необходимости обращенія къ природѣ, явился паркъ—олицетвореніе естественнаго стиля въ садоводствѣ. Главное условіе парка, чтобы поверхность земли была волниста и разнообразна; чтобы горки смѣнялись лощинами, рощицы—лугами; мѣстами группы деревьевъ должны быть разбросаны въ безпорядкѣ: озерки, рѣчки, небольшіе пруды служатъ здѣсь лучшимъ украшеніемъ.

Готовъ-бы, дорогіе сограждане, и дольше бесѣдовать съ вами о садоводствѣ, но боюсь, что даже настоящимъ коротенькимъ разсказомъ утомилъ ваше вниманіе. Когда я пишу, то всегда вижу предъ собою идеальнаго читателя и стараюсь съ наибольшей выразительностію передать ему то, что волнуетъ мои чувства, а потому рѣчь моя сильно растягивается. Представляется мнѣ теперь, что вы давно заснули, газета свалилась на полъ и конецъ моего письма (самая сущность проекта) останется непрочитаннымъ. Но нѣтъ... вижу успленную вашу борьбу съ дремотой... и потому продолжаю. Надѣюсь, мм. гг., успѣлъ я доказать вамъ, что сады, кромѣ оздоровленія воздуха, облагораживаютъ человѣческую душу и имѣютъ общеобразовательное значеніе. Они составляютъ мою слабость, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что, будучи городскимъ головою, отдамъ я ихъ устройству всѣ свои досуги.

Тюменскій загородный Александровскій садъ обращу въ превосходный паркъ, которому позавидуютъ даже англичане. Онъ заслуживаетъ предпочтительнаго вниманія, какъ единственное свидѣтельство восторженнаго пріема въ городѣ Тюмени Царя-

---

*) Начало этому стилю положено Людовикомъ XIV. Версальскій садъ былъ разбитъ по плану знаменитаго садовника Леонатра. Ученикъ Леонатра—Леблань устроилъ чудесный петергофскій садъ, который, по тѣнистымъ дубовымъ аллеямъ и роскошнымъ фонтанамъ, едва ли имѣетъ себѣ соперника.

Освободителя народовъ, перваго изъ Державныхъ Особъ, удостоившихъ Сибирь своимъ посѣщеніемъ*). Садъ, подобнаго которому по живописному мѣстоположенію и по художественной планировкѣ нѣтъ во всей Западной Сибири, украшу я изящными мостиками чрезъ многочисленные овраги, бесѣдками и цвѣтниками; устрою здѣсь тиръ, гимнастическій городокъ, качели, дѣтскій театръ и проч. проч. Но самое главное, въ память посѣщенія Тюмени въ 1868 году Его Высочествомъ Владиміромъ Александровичемъ, перенесу сюда мраморную пирамиду, что поставлена на открытомъ полѣ вдали отъ города. На томъ мыскѣ, въ юго-западномъ углу нашего парка, гдѣ Высокій Гость предрекъ Тюмени блистательную будущность, предполагаю я устроить ажурную бесѣдку и отъ нея мраморную лѣстницу къ подъѣзднымъ путямъ желѣзной дороги, чтобы здѣсь, подъ высокими пихтами, отпраздновать въ будущемъ 1894 году пятидесятилѣтній юбилей развитія пароходства по рр. Западной Сибири**). Но, увы, для городскихъ дѣльцовъ нѣтъ ничего священнаго: потребовалась имъ земля для насыпей, и отъ историческаго мыска осталось одно только воспоминаніе. О, вандалы, все разрушающіе, не щадящіе даже драгоцѣнныхъ памятниковъ! Дѣяніемъ рукъ своихъ создаете вы укоризну отъ потомства вашего! Что сберегли вы, какъ память признательности вашихъ отцовъ къ осчастливившему ихъ Монарху? Опомнитесь, сохраните и поддержите хотя то, что осталось въ наличности***).

---

*) Въ Бозѣ почившій Императоръ Александръ Николаевичъ, бывъ Наслѣдникомъ Престола, въ 1837 году удостоилъ Тюмень двукратнымъ посѣщеніемъ 31 мая и 5 іюня. По постановленію городской думы, въ первый изъ этихъ дней установлено было ежегодное чествованіе событія народнымъ праздникомъ въ загородномъ саду, именованнымъ Александровскимъ. Этотъ превосходный паркъ разбитъ въ 1830 - 40 годахъ смотрителемъ уѣзднаго училища Поповымъ, при содѣйствіи учителей Купчинскаго, Уткина и законоучителя Льва Словцова.

**) Первый пароходъ „Основа“, выстроенный въ Швеціи Адьф. Фом. Паклевскимъ, началъ движеніе по р. Сибири въ 1844 году.

***) Царская шлюпка спрятана отъ публики, въ такъ называемомъ музеумѣ, который принялъ видъ ветхаго сарая; домъ Иконникова, гдѣ Его Высочество Императоръ Александръ Николаевичъ изволилъ двукратно останавливаться, такъ

Заботясь болѣе всего о возбужденіи высокихъ стремленій вашего духа, главное вниманіе мое будетъ направлено на сады и бульвары внутри самаго города. Бульваръ на Спасской улицѣ преобразую я въ дѣтскій садъ, съ гимнастическимъ городкомъ, съ приспособленіями для дѣтскихъ игръ и съ небольшимъ вокзаломъ, гдѣ въ одной половинѣ будутъ продаваться молоко и бѣлый хлѣбъ, а въ другой—залъ для дѣтскихъ бесѣдъ. Словомъ, устрою здѣсь «дѣтское пастбище» и приглашу за хорошее вознагражденіе двухъ педагогичекъ, для руководства занятіями и играми.

Немедленнаго оздоровленія въ настоящее время требуетъ, прежде всего, Царская улица; лишь только вступаете на нее, какъ васъ со всѣхъ сторонъ охватываетъ какая-то смѣсь разнообразныхъ зловоній. Отвратительный запахъ происходитъ главнымъ образомъ отъ канавъ, прорытыхъ по обѣимъ сторонамъ улицы, на днѣ которыхъ толстый слой грязи, не имѣя стока, разлагается, отравляя воздухъ. Пройдите по этому проспекту часа въ четыре въ жаркій іюльскій день и вы получите тяжелое угнетающее впечатлѣніе. Пыль затянула горизонтъ сѣрымъ вуалемъ, въ деревянныхъ грязныхъ лавченкахъ противъ гостинаго двора торговки или предаются послѣ-обѣденной дремотѣ, или, вооружившись столовымъ ножомъ, на солнце-припекѣ охорашиваютъ куафюру своихъ подругъ; отъ рыбныхъ рядовъ разитъ гнилью; по Царской площади, собравшіеся около фонтана водовозы ведутъ оживленный громкій разговоръ, украшая рѣчь такими нецензурными цитатами, что даже трава желтѣетъ (отъ стыда вѣроятно). Площадь, на которой предполагается воздвигнуть гостиный дворъ, застроена грязными лавченками и унавожена разнымъ мусоромъ. Словомъ, куда ни повернись, все возбуждаетъ отвращеніе и бьетъ по органамъ чувствъ. Въ это время тюменскій обыватель жарит-

---

размалеванъ доморощеннымъ художникомъ, что отъ прежней архитектуры и слѣдовъ не осталось. Деревянные солдаты, которыми былъ украшенъ садъ Иконникова къ пріѣзду Высокаго Гостя, куда-то исчезли вмѣстѣ со множествомъ гравюръ, относящихся къ 31 мая 1837 года.

ся на солнцѣ, какъ «шашлыкъ»*) на вертелѣ: ни тѣни, ни прохлады. А рѣчная вода представляетъ бурый infusum (настой) кожи, мыла, щелоку и всякой всячины. Согласитесь, мм. гг., возможно-ли терпѣть такія гигіеническія условія?

Деревянныя лавченки противъ гостинаго двора нужно сломать, рыбный базаръ перевести на городище, противъ завода Котельникова; туда же нужно убрать толкучій рынокъ, торговлю сѣномъ, мясомъ, щепнымъ товаромъ и прочими сырыми продуктами. Вообще базаръ, по моему мнѣнію, долженъ быть на половинѣ пути между вокзаломъ желѣзной дороги и центромъ города, что представитъ, какъ увидите, большія удобства для всего населенія.

На площадяхъ, которыя освободятся отъ лавокъ и мусора, разобью я тѣнистые сады трехъ различныхъ стилей. Противъ гостинаго двора, на берегу рѣки, бульваръ, въ родѣ берлинскаго unter der linden, будетъ окружать стеклянную галлерею (на подобіе оранжерей), въ которой среди тепличныхъ растеній помѣстятся царская плюпка, портреты Императора Александра Николаевича и всѣ предметы, относящіеся до путешествія его по Сибири. Мысокъ близъ спуска къ рѣкѣ Турѣ украшу бесѣдкой для музыкантовъ и маленькимъ рѣчнымъ яхтъ-клубомъ для любителей катанья на лодкахъ. На Царской площади разведу садикъ въ стилѣ итальянскомъ изъ тополей и акацій, обращенныхъ искусной рукой въ тріумфальныя ворота, колонны, веранды и проч. и проч. Лиственную зелень оттѣню кедрами и пихтами, а фонтанъ оставлю только какъ изящное украшеніе. По другую сторону улицы, на той же площади, подъ роскошной древесной верандой, испрошу разрѣшеніе поставить бюстъ покойнаго Императора Александра Николаевича, а пьедесталъ его украшу барельефами лицъ, которые ему сопутствовали (Кавелина, Жуковскаго, Арсеньева, Юркевича, Назимова, Енохина, Наткуля и Адлерберга). Предъ этимъ историческимъ памятникомъ воздвигну бесѣдку въ видѣ гигантской цвѣточной корзины, въ которой будетъ у меня играть постоянный хоръ музыкантовъ.

*) Кусокъ свѣжаго мяса.

Наконецъ, на базарной площади, отъ Царской улицы до Убѣжища, разведу я второй бульваръ, въ видѣ широкой улицы, а по обѣ стороны его обширный садъ въ голландскомъ стилѣ, съ вокзалами, бесѣдками, гротами и фонтанами. Одну половину его по правую сторону бульвара отдамъ въ аренду клубу приказчиковъ, а по лѣвую – клубу купеческому. На этомъ полѣ и на этой почвѣ думаю я создать «золотой мостъ» для сліянія людей ума и людей капитала. Капиталъ и умъ не живутъ у насъ въ добромъ общеніи, а каждый самъ по себѣ на особицу.

Чтобы завершить дѣло благоустройства города въ санитарномъ отношеніи, останется только улучшить городскія скотобойни и учредить надзоръ за свѣжестью съѣстныхъ продуктовъ. Скотобойному искусству учиться къ екатеринбургскому головѣ*) я не поѣду, потому что въ этомъ миленькомъ городкѣ бойни имѣютъ такой же отвратительный видъ, какъ и у насъ. Для подобныхъ заведеній имѣю я проектъ, лично мною составленный, на основаніи самаго послѣдняго слова ветеринарно-санитарной науки. Однако, въ настоящее время, сообщить его вамъ, господа, не могу, ибо по обширности своей требуетъ онъ особой трактаціи.

Относительно свѣжести и безвредности съѣстныхъ продуктовъ „усовѣстить“ базарныхъ торговокъ и торговцевъ мнѣ будетъ не трудно; ну, а съ англоманами изъ Чухломы и Вятки, что торгуютъ колоніальнымъ скарбомъ, хлопотъ будетъ немало. Тутъ полицейскими актами ничего не подѣлаешь—придется мнѣ къ наукѣ прибѣгнуть Публичная лекція сослужитъ мнѣ въ этомъ случаѣ великую службу.

Въ пятомъ письмѣ высказалъ я, мм. гг., предположеніе свое пригласить изъ лицъ еврейскаго происхожденія лектора по санитарной части. Ему-то и поручу я (за особое вознагражденіе) изучать заразные элементы въ окорокахъ, колбасахъ, рыбѣ и въ продуктахъ колоніальной торговли. Зная природное отвращеніе

*) Тюменскіе городскіе головы, въ затруднительныхъ случаяхъ по управленію, обыкновенно прибѣгаютъ къ руководительству и совѣтамъ екатеринбургскаго город. головы.

сыновъ Израиля къ нашему мясу*), а въ особенности къ свининѣ, можно надѣяться, что поблажки торговцамъ у насъ не будетъ. Чуть что откроется, сейчасъ же афиша въ цѣлую простыню! „Тюмень, съ дозволенія начальства, лекція объ окорокахъ, зараженныхъ глистами, изъ магазина купца такого-то**). Преслѣдуя при этомъ коварныя цѣли, подобныя публичныя чтенія пригоню я либо передъ Пасхою, либо передъ Рождествомъ, въ пору самой бойкой торговли. Вотъ-то запляшутъ тогда супостаты рода человѣческаго и перестанутъ отравлять насъ всякой залежавшейся дрянью изъ своихъ магазиновъ.

XI.

31-го декабря.

Размышляя однажды о будущности родного города Тюмени, я задремалъ и скоро заснулъ. Случилось такъ потому, что вечеромъ былъ я на именинахъ у своего добраго друга, доктора Сытина. Это, скажу вамъ, такой хлѣбосолъ, какихъ по нынѣшнимъ временамъ только и можно найти въ сибирскихъ захолустьяхъ. Въ теченіе года званыхъ вечеровъ онъ не дѣлаетъ, да и самъ съ утра до поздней ночи въ разъѣздахъ, но за то въ день тезоименитства (даже безъ пушечной пальбы) къ нему весь почти городъ собирается. Тогда сервируетъ онъ для своихъ гостей такую „закусочку“, что глаза разбѣгаются. Это бываетъ, можно сказать, выставка отъ всѣхъ погребковъ и колоніальныхъ магазиновъ

---

*) У насъ есть еврей съ университетскимъ образованіемъ, лѣкарь даже, стало-быть человѣкъ свободный отъ кабалистики, но мясо скотины, убитой не по жидовскому ритуалу, хотя бы съ голоду пришлось умереть, а ѣсть не будетъ. Твёрдо держится законовъ Шулханъ-Аруха.

**) Для возбужденія отвращенія публики къ подобнымъ съѣстнымъ продуктамъ, зараза будетъ демонстрирована посредствомъ волшебнаго фонаря.

нашего города. Каждый торговецъ найдетъ здѣсь свои экспонаты въ самыхъ полныхъ ассортиментахъ, и такъ какъ экспертиза бываетъ очень строгая, то и продукты всегда самаго высокаго качества.

Возвратившись, ~~повторяю~~, поздней ночью съ такой закусочки, я задремалъ и скоро заснулъ. Слышу раздаются шаги по моей комнатѣ... громче... громче.. Что это? Въ дверяхъ показалась черная фигура негра, похожая на скрипача Бриндиса, но только лоснящаяся, прозрачная и какъ будто изъ стекла отлитая. Глаза—черные угли, а бѣлки такъ и поворачиваются изъ стороны въ сторону; одѣтъ онъ въ полосатую куртку, голубые панталоны, на головѣ соломенная шляпа. Что за чортъ, думаю, фигура знакомая. Кто тутъ? хочу сказать и не могу, хочу подняться—силъ нѣтъ.

Фигура оскаблилась; ротъ растянулся во всю ширину лица и обнаружилъ рядъ бѣлыхъ крѣпкихъ зубовъ.

— Пойдемте, пойдемте,—раздалось гдѣ-то внутри этой страшной фигуры.

— Куда пойдемъ?—отдалось внутри меня.

— Я изъ городской думы за вами посланъ, тамъ сегодня утренній раутъ назначенъ.

— Кто ты такой?

— Я... я... негръ, что вчера у доктора Сытина на столѣ близъ именинаго пирога видѣли.

Дѣйствительно, это была та самая стеклянная бутылка*), къ услугамъ которой я не разъ прибѣгалъ. Вчера она была наполнена „доброй водкой“ и доставляла большое развлеченіе всему собравшемуся обществу. Черный посолъ началъ расти, сдѣлался совершенно прозрачнымъ и слился съ темнотой ночи. Въ моихъ вискахъ забило молотомъ, кругомъ все закрутилось, зашумѣло; затѣмъ въ вихрѣ несознанныхъ грезъ я забылся. Очнулся въ залѣ, роскошно убранномъ зеленью и разноцвѣтными флага-

*) Водка зав. Поповыхъ продавалась въ бутылкахъ, которыя имѣли форму человѣческой фигуры—подобіе негра.

ми. Со стѣнъ изъ золоченыхъ рамъ выходили, какъ живые, представители городского управленія за цѣлое столѣтіе, въ чуйкахъ, въ сибиркахъ, въ шитыхъ кафтанахъ, мундирахъ и даже во фракахъ.

Подъ аркой, въ глубинѣ зала, накрытъ столъ, точь-въ-точь какъ у доктора Сытина, но щеголеватѣе, богаче настолько, на сколько фантазія выше дѣйствительности. Какихъ только бутылокъ, бутылочекъ, флакончиковъ, стакановъ, рюмокъ, бокаловъ не было на этомъ столѣ! А кругомъ: куличи, гуси, фазаны, индѣйки, окорока, и все это глазировано, подъ соусами, въ фольговыхъ украшеніяхъ и въ вѣнкахъ изъ свѣжихъ цвѣтовъ и зелени. Тутъ же разставлены безчисленныя закуски и консервы со всего бѣлаго свѣта: анчоусы, омары, сельди, кильки, сардины, поземы, тунцы, крабы, трепаны, морская капуста, томаты, опунція, грибки, груздочки, рыжики, икра, сыры всевозможныхъ сортовъ. Однимъ словомъ, какъ въ сказкахъ сказывается, было тамъ всего много и на всякій вкусъ. Не будь я съ похмелья и съ просонья, не отошелъ бы отъ такой „закуски“.

Что за чертовщина! все кругомъ ожило и зашевелилось... Стѣны раздвинулись вдаль; гуси, фазаны, индѣйки, барашки, вытянулись и выросли... самъ я очутился уже не на полу, а на столѣ и чувствую, что обратился въ стаканъ со злымъ, забористымъ хрѣномъ. Бутылки и фляжки, синія, зеленыя, темныя, выстроились, какъ чиновники на торжественныхъ представленіяхъ новому начальнику, а выше всѣхъ красовался глиняный кувшинъ чернаго бальзама съ фольгово-бѣлой звѣздой на красивомъ этикетѣ. Были тутъ флакончики, украшенные золотыми и серебряными медалями на разныхъ промышленныхъ выставкахъ, а посрединѣ — большой графинъ „свѣтланы“ съ шармапкой, которая была вплана въ донышкѣ и играла тѣ мотивы, какіе кому нравились. Графинъ пользовался особымъ вниманіемъ: вся публика къ нему поочередно подходила, привѣтствовала, и онъ, въ свою очередь, отвѣчалъ всѣмъ и каждому низкимъ поклономъ подъ звуки собственной музыки. Индюки вытягивали шеи и качали головками, поросенокъ подъ соусомъ, толстенькій, низенькій, жирный, трубкой вытягивалъ губы и поводилъ во всѣ стороны пьяными, осовѣвшими

глазами: глупый омаръ, растянувшись на блюдѣ, щеголялъ своими усищами, розовыя рѣдиски съ длинными хвостиками, какъ дѣвичьи косы, поставлены были рядами на фаянсовомъ блюдѣ, точь-въ-точь пріютянки къ утренней молитвѣ выстроились. Около нихъ стояла фляжка бенедектинки, а рядомъ чистенькій приглаженный барашекъ изъ чухонскаго масла.

Признаюсь, въ первый моментъ я остолбенѣлъ отъ удивленія, но вскорѣ все засуетилось, завертѣлось, и я смѣшался въ общемъ вихрѣ движенія. Меня подхватила подъ руку слегка поблекшая дама, въ роскошномъ платьѣ à la princesse Josephine*). Какъ только шепнула она: dansons une valse! такъ я и узналъ мою добрую знакомую, милую сосѣдку, которая страстно любила Парижъ, до старости не переставала брать по учебнику Марго уроки французскаго языка**), читала переводные иностранные романы, ну а по исторіи была слаба: вѣрить не хотѣла, что Елена не была супругой Наполеона, а только мѣстомъ изгнанія.

— Ah, Je n'en puis plus! la tête me tourne, отвѣтилъ я.

— Ainsi, reposons—nous, сказала она, и мы скользнули на широкій балконъ, что выходилъ на Царскую улицу.

Представьте, все, что я такъ долго лелѣялъ въ своихъ мечтахъ по благоустройству Тюмени, было теперь передъ моими глазами. Меня охватилъ запахъ ароматной свѣжей зелени пихтовыхъ побѣговъ и только что распустившихся цвѣтовъ монгольской яблони. Противъ городской думы, на берегу Туры, увидѣлъ я роскошный скверъ съ фонтаномъ и цвѣточными клумбами самыхъ причудливыхъ формъ. Вдали раздавались напѣвы церковнаго хора; отъ монастыря двигалась торжественная церковная процессія. Яркое солнце играло на дорогихъ окладахъ иконъ, на хоругвяхъ и на парчевой ризницѣ причта и освѣщало пеструю толпу, которая, какъ живая волна, затопила всю Царскую улицу. Въ хвостѣ процессіи въ облакѣ пыли тащились вереницы

*) Супруга Наполеона.

**) Нынѣ хочетъ гувернантку выписать. Бѣда въ томъ, что „дугняя“ въ Сибирь, къ купцамъ, не поѣдетъ, а съ непутней намаешься.

ницихъ, бездомныхъ скитальцевъ, а за ними безконечный рядъ экипажей. Не знаю какъ, но я очутился среди этой толпы и, увлеченный общимъ потокомъ, смѣшался съ нею.

Процессія двигалась мимо Царской площади, къ берегу Туры, гдѣ растянулись пароходныя пристани, на которыхъ совершался сегодня полстолѣтній юбилей ихъ существованія. Вся набережная украшена тысячами флаговъ; крутой берегъ со стороны города, гдѣ помѣщаются склады, задрапированъ отъ взоровъ публики сплошной стѣной художественно сгруппированныхъ пароходныхъ снастей, перевитыхъ вѣнками изъ цвѣтовъ и древесной зелени, а по обѣ стороны годы 1844—1894, означающіе полустолѣтній періодъ процвѣтанія навигаціи. Всѣ пароходы въ вѣнкахъ, въ цвѣточныхъ гирляндахъ, и разукрашенные флагами, сдвинуты къ берегу, а рѣка была сплошь покрыта флотиліей яликовъ, лодокъ, плотовъ, переполненныхъ пестрой толпой.

Церковная процессія спустилась на палубу самаго большого парохода. Звуки торжественныхъ напѣвовъ неслись надъ тихой поверхностью воды въ безпредѣльную даль. Восторженность толпы достигла своей кульминаціи, когда раздались чудные мотивы „Спаси Господи люди твоя“... Екатеринбургскій протодьяконъ, говоря „многолѣтіе“, постепенно поднималъ тонъ своего голоса и оборвалъ его на такой нотѣ, что даже на Мысу*) оно было услышано, и благочестивые крестьяне осѣнили себя крестнымъ знаменемъ. По окончаніи богослуженія пароходъ, роскошно убранный цвѣтами, унесъ процессію съ иконами къ монастырскому берегу, откуда она возвратилась къ церкви.

Въ это время, на мѣстѣ торжества, составлялось торжественное шествіе въ Александровскій садъ, гдѣ долженъ былъ совершаться актъ пятидесятилѣтія. По улицѣ вытягивался длинный кругъ; впереди всѣхъ конный стражникъ въ богатомъ казакинѣ древне-русскаго ратника, съ золоченой алебардой въ рукахъ. По обѣ стороны хоръ военной музыки и народныхъ пѣсенниковъ. Затѣмъ ученики ремесленной школы Жабынскаго завода, какъ

*) Деревня вблизи города, гдѣ находится Жабынскій механическій заводъ.

„маковъ цвѣтъ“, въ алыхъ кумачныхъ рубашкахъ несутъ впереди себя значокъ, украшенный зеленью и цвѣтами русскаго флага. Слѣдомъ двинулся ремесленный цехъ механическаго завода. Корпорація эта несла на своихъ рукахъ модель перваго парохода „Основа“, украшенную вѣнками и національными флагами. Засимъ шли лоцмана и матросы съ флагами своихъ пароходовъ и машинисты со своими значками. Потомъ корпусъ капитановъ всѣхъ пароходовъ въ парадныхъ кафтанахъ и въ фуражкахъ, обшитыхъ золотымъ галуномъ. Затѣмъ двинулись служащіе въ конторахъ, имѣя во главѣ маленькаго, толстенькаго старшаго бухгалтера, который держалъ передъ собою, какъ дьяконъ, преогромные счеты—практическое евангеліе нашего вѣка, основа всяческой дружбы и торговый честности. Завершали процессію гласные городской думы и члены управы, подъ предводительствомъ городского головы, въ парадныхъ мундирахъ, а за ними представители пароходныхъ компаній, вмѣстѣ съ инженеромъ водяной коммуникаціи.

Достигнувъ загороднаго сада, процессія прошла по главной аллеѣ, мимо вокзала, и спустилась на широкій лугъ, гдѣ было все приготовлено для народнаго праздника: качели, призовые столбы, тиръ, гипподромъ для скороходовъ, балаганы съ петрушкой, народный театръ, кукольный театръ, городки, игра въ мячъ и многое множество разныхъ развлеченій; на отдѣльной площадкѣ сервированы столы для завтрака служащихъ и кувшины съ виномъ для угощенія публики. Члены городского управленія и представители пароходства, составляющіе арьергардъ процессіи, не спускаясь на лугъ, вошли въ роскошно убранный вокзалъ городского сада, гдѣ предполагался актъ торжества и затѣмъ парадный обѣдъ.

Обширный залъ представлялъ собою море зелени, а цвѣты художественно переплетались съ трехцвѣтными русскими флагами. Близъ передней стѣны, подъ роскошнымъ балдахиномъ изъ пурпурныхъ тканей съ горностаевымъ мѣхомъ, украшеннымъ государственными гербами, на пьедесталѣ изъ стальныхъ деталей машинъ Жабынскаго завода, покоился бюстъ Императора. Въ углахъ стояли щиты, изображающіе годъ открытія пароходства; они были искусно собраны изъ мелкихъ блестящихъ слесарныхъ

инструментовъ отъ всѣхъ мастерскихъ пароходной верфи. Широкую стѣну противъ оконъ украшали двѣ художественныхъ картины; одна изъ нихъ—„Бурлаки"*) Рѣпина живо переноситъ воображеніе къ тому еще недавно прошедшему времени, когда человѣкъ въ роли вьючнаго животнаго, наваливаясь всей грудью на широкую, кожаную лямку, подъ тонъ стонущей пѣсни: „еще разикъ, да еще разъ! да ой!" перевозилъ на себѣ тяжелые грузы. Другая картина такихъ же размѣровъ вводитъ насъ на пароходъ новѣйшаго типа, гдѣ, въ роскошной обстановкѣ, пассажиръ пользуется полнымъ комфортомъ и гдѣ трудъ рабочаго, благодаря техническимъ усовершенствованіямъ, сталъ сравнительно легкимъ, а главное трудомъ сознательнымъ. Мѣсто подъ хорами, среди тропической зелени заняла большая модель парохода „Основа". При входѣ процессіи хоръ музыкантовъ исполнилъ полонезъ, и публика заняла мѣста. Лекторъ, взойдя на каѳедру, громкимъ пѣвучимъ голосомъ продекламировалъ:

Выдь на Волгу! Чей стонъ раздается
Надъ великою русской рѣкой;
Этотъ стонъ у насъ пѣсней зовется —
То бурлаки идутъ бечевой...

Вниманіе публики было обращено къ картинѣ Рѣпина. Бойко охарактеризовавъ бурлачество, сложившееся подъ вліяніемъ бродяжничества и страсти къ переселеніямъ русскаго человѣка, лекторъ отмѣтилъ, что не столько горькая нужда, сколько недостатокъ духовной культурности, любовь къ свободѣ и простору, обращали въ былое время человѣка въ бездомное вьючное животное. Правда, сибирское пароходство, какъ и множество другихъ предпріятій, возникло на счетъ казенныхъ субсидій, но можно ли было разсчитывать на частныхъ предпринимателей въ Сибири, когда по всѣмъ рѣкамъ Европейской Россіи плавало въ то время не болѣе 80 пароходовъ**). Дальнѣйшее развитіе пароходства было раздѣлено на два періода: первый—когда русское

*) Дорогая копія съ картины Рѣпина уже куплена И. И. Игнатовымъ.

**) По свѣдѣніямъ генерала Обручева, въ 1854 г., стало-быть чрезъ 10 лѣтъ послѣ открытія Тюменскаго пароходства, въ Россіи было только 115 пароходовъ.

„авось да небось“ забрало предпріятіе въ свои ненадежныя руки, и второй—когда взялись за это люди серьезные и умудренные опытомъ.

Періодъ правильной организаціи пароходства начался приблизительно съ 1872 года. Лекторъ прослѣдилъ развитіе флотиліи за послѣднее 25-ти-лѣтіе изъ года въ годъ и доказалъ на поразительныхъ примѣрахъ, сколько ловкости, труда и энергіи положено было ею на это полезное дѣло.

Громъ рукоплесканій покрылъ послѣднія слова лектора; музыка исполнила гимнъ „Боже Царя храни“; подали шампанское.

Тосты меня разбудили, но я перевернулся на другой бокъ и снова заснулъ.

XII.

(Безъ числа.)

Зови надежду сновидѣньемъ,
Неправду истиной зови,
Не вѣрь хваламъ и увѣреньямъ,
Лишь вѣрь одной моей любви!

Вотъ какъ, дорогой другъ, Феденька! Ну-ка угадайте, чье это стихотвореніе?—А все же, господа, прерванный сонъ—скверная штука: чувствуешь себя такъ же, какъ въ то время, когда опустятъ театральный занавѣсъ на самомъ интересномъ мѣстѣ незнакомой комедіи!

Послѣ шумныхъ овацій, которыя меня разбудили, представилось, что по каменной мостовой на Царской улицѣ катятъ на вороныхъ всѣ пароходчики, вмѣстѣ съ Иваномъ Андреевичемъ, а на козлахъ у нихъ—вообразите—министръ общественныхъ работъ французской республики, рядомъ же съ нимъ—меръ города Парижа. Вѣдь приснится же такое странное сближеніе разнородныхъ лицъ! Кому не случалось видѣть подобнаго? Ну, думаю, быть бѣдѣ: не къ добру воронные кони—объ этомъ во всѣхъ сон-

никахъ сказано... Вижу потомъ, что за мной, вооружившись огромными ножницами, бѣжитъ молодой закройщикъ, съ недобрымъ намѣреніемъ урѣзать фалды моего скромнаго камзола; я отъ него, онъ — за мной. Какъ не увертывался — „откромсалъ“ таки три куска (нецѣнныхъ правда), и чуйку совсѣмъ обезобразилъ. Затѣмъ снится, что знакомая мнѣ дама, Ижицей прозывается*), утираетъ носъ «тюменскимъ благодѣтелямъ».

Наконецъ, я очутился въ вокзалѣ загороднаго сада. Тамъ, вижу, сервированъ обѣденный столъ, на немъ блеститъ серебро, хрусталь, снѣжно-бѣлыя салфетки и масса всевозможныхъ фруктовъ. Лѣтній жаръ начиналъ спадать, окна кругомъ открыты; экипажи одинъ за другимъ выгружали званыхъ гостей: лакеи, какъ «угорѣлые», метались взадъ и впередъ, распорядители самодовольно посматривали на все окружающее и поглаживали свои окладистыя бородки. Когда всѣ были въ сборѣ, задвигали стульями и усѣлись по мѣстамъ. Средину, по длинѣ стола, заняли представители различныхъ пароходныхъ компаній, противъ нихъ меръ и министръ, которыхъ предъ этимъ я видѣлъ на козлахъ, а по концамъ и крыльямъ стола размѣстилась остальная публика. Застучали посудой, подъ звуки ножей и ложекъ каждый гость втихомолку торопился удовлетворить первый аппетитъ, и разговоръ не вязался. Множество слугъ разносили на настоящемъ фарфорѣ всевозможные супы, бульоны, жаркія, соуса, пастеты, пудинги — казалось, конца имъ не будетъ. Вина французскія, португальскія, венгерскія, испанскія лились потокомъ и сверкали въ стаканахъ, какъ разноцвѣтные камни. Обѣдъ продолжался долго, къ концу гости оживились, и бесѣда сдѣлалась шумною. Подали десертъ: вдали раздались волшебные звуки оркестра; за шампанскимъ стали предлагать тосты.

Первымъ поднялъ бокалъ городской меръ.

— „Дорогіе участники настоящаго торжества!“ — началъ онъ, встав со стула, слегка взволнованный отъ непривычки объясняться въ русскомъ обществѣ. „Въ настоящій многознаменательный

*) Дама эта состоитъ корреспондентомъ многихъ газетъ.

день не могу и не смѣю отказать себѣ въ удовольствіи выразить мои чувства и пожеланія. Признаю для себя за величайшее счастіе, что имѣю честь говорить отъ имени своего города. Чествуется сегодня не время, пережитое пароходнымъ предпріятіемъ, а усилія и труды, которые были къ этому дѣлу приложены. Всѣмъ намъ извѣстно, какой степени развитія достигло пароходство, когда оно перешло къ руководителямъ, умудреннымъ жизненной опытностью. Льстить не въ моихъ привычкахъ и потому, надѣюсь, вы сами укажете, кто въ этомъ дѣлѣ единственный могущественный двигатель предпріятія, кто своей энергіей и своей настойчивостью, при проницательномъ умѣ, поставилъ на должную высоту не только свое предпріятіе, но и способствовалъ экономическому благосостоянію города. Открытіемъ заводскихъ школъ онъ помогъ умственному развитію темнаго рабочаго люда. Умственный свѣтъ изъ его мастерскихъ бросилъ свое отраженіе и на остальную забытую кустарную силу. Въ Европѣ такіе дѣятели пользуются широкой извѣстностью; но чрезъ густой туманъ, которымъ покрыта ваша страна, не видно даже блестящихъ звѣздъ. Надѣйтесь, господа, на свѣтлое будущее: яснымъ днямъ нерѣдко предшествуетъ туманное утро! Но чудная заря, которую мы видимъ, несомнѣнно, сдѣлаетъ теплый день, чтобы успѣла расцвѣсть ваша торговля и промышленность. Поднимаю бокалъ за процвѣтаніе пароходства въ Сибири!"

— „Браво! браво!"—прогремѣло по залу, и музыка заиграла тушъ.

— „Каково отхватилъ?"—подѣлился своимъ впечатлѣніемъ одинъ пароходскій капитанъ со своимъ сосѣдомъ.

— „Чего и говорить—письменной человѣкъ! Не нашимъ чета!." отвѣтилъ сосѣдъ.

— „Да...а-съ! Не умѣемъ мы ни себѣ, ни добрымъ людямъ оцѣнки дать. вотъ что!" продолжалъ капитанъ.

— „Необразованность!" было отвѣтомъ*).

*) Вѣроятно, парижскій мэръ говорилъ по-французски, какъ же поняла его юбилейная публика?—спросите вы меня. А какъ понимаютъ многіе доценты

Слегка откашлянувъ, поднялся со стула французскій министръ общественныхъ работъ: разговоръ затихъ, всѣ навострили уши.

— „Господа!“ началъ онъ.—„Вотъ ваша сила (указывая на всѣхъ пароходовладѣльцевъ), вотъ ваше богатство! Честь и слава этимъ неутомимымъ труженикамъ, настойчивымъ работникамъ въ созданіи вашего счастія. Развитіе пароходства и судоходства по мелководной Турѣ вызвало необходимость въ улучшеніи ея фарватера, и на помощь вамъ, господа, пришли инженеры, желающіе отдать для вашего блага свои труды и свои молодыя силы. Въ настоящее время работы начаты, и нужно надѣяться, что русло Туры будетъ расчищено гораздо раньше, чѣмъ закончится сооруженіе Кетскаго канала. Тобольску не придется отнять у Тюмени славу портоваго города, если господа пароходовладѣльцы и инженеры-строители подадутъ другъ другу руку содѣйствія. Пью за соединенныя для общаго блага силы господъ гидротехниковъ и представителей сибирскаго судоходства. Да здравствуютъ они для взаимнаго благополучія! Ура!“

Тостъ былъ принятъ хотя и не дружно, но довольно шумно. Но какъ вездѣ, и здѣсь нашлись скептики и недоброжелатели.

— „Знаемъ мы ихняго брата, господъ инженеровъ!“ промычалъ сѣдой капитанъ парохода. „Надѣлаютъ они ужо намъ хлопотъ!“

— „Какія же хлопоты, Кузьма Савичъ?“ пристроился къ разговору юнона изъ конторскихъ служащихъ.

— „А вотъ, сударь, какія... Изъ-за эпихъ господъ не разъ мнѣ съ грузами приходилось на Волгѣ недѣлями стоять! Въ самую горячую пору, когда каждой день дорогъ, наѣдутъ они, бывало, съ машинами прочистку дѣлать, ну и запрудятъ всѣ проходы. Стой тогда, да жди у моря погоды, пока они начкаются;

русскихъ университетовъ, не зная иностранныхъ языковъ, профессорскія лекціи въ трехъ-четырехъ государствахъ Европы? Русскій человѣкъ мимику знаетъ; но объ этомъ будетъ рѣчь впереди.

сколько еще сраму-то напринимаешься! Другой, прости Господи, лодку прокопопатить не умѣетъ, а поди ты, какого изъ себя техника строитъ..."

— „Это, Кузьма Савичъ, прежде было, теперь инженеры люди образованные... гуманные", возразилъ молодой человѣкъ.

— „Толкуйте.. не все одинъ чортъ, что опрежъ, что тепереча..."

Въ залѣ стихло... Поднялъ бокалъ одинъ изъ представителей пароходства.

— „Позвольте мнѣ, почтенные граждане, отъ имени всей нашей корпораціи благодарить васъ за столь лестные отзывы о личномъ нашемъ значеніи въ созданіи западно-сибирскаго пароходства! Прибавлю къ этому, что даже въ самомъ преувеличеніи вами нашихъ заслугъ вижу я только доказательство добраго къ намъ благорасположенія. Относительно благодарности, обращенной къ вамъ, господа инженеры..."

— „Триририри!!!"—звонко затрещалъ будильникъ подъ самымъ моимъ ухомъ, между тѣмъ будильника у меня и въ заведеніи не было. Я испуганно проснулся и вскочилъ съ кровати. А, чортъ возьми! Звонокъ оказался телефоннымъ сигналомъ! (Настроили теперь у насъ телефоновъ чуть не въ каждомъ домѣ, ну и мнѣ навязали.) Нечего дѣлать, одѣлъ туфли, халатъ, и—спрашиваю, кто у телефона?—„Почивать изволите?" спрашиваетъ въ свою очередь знакомый голосъ.—Что угодно? крикнулъ я разсерженно.—„А я думалъ, почиваете еще?" отвѣтили мнѣ.—Можетъ быть что-нибудь нужно? окликнулъ я снова.—„Нѣтъ-съ, ничего особеннаго, я такъ себѣ..."

И выспаться не дали и лишили удовольствія зрѣть пріятные сны! Преглупая штука эти телефоны, наиполезнѣйшая вещь эти телефоны! Подумайте сами, за сто рублей можно цѣлый годъ, не выходя изъ своего кабинета, пользоваться пріятной бесѣдой добрыхъ друзей. Вѣдь это выходитъ за 30 копеекъ въ сутки, посредствомъ телефона-то можно торговать, лѣчить, администрировать, кляузничать, давать адвокатскій совѣтъ, сплетничать, поздравлять съ праздниками, съ именинами, звать гостей на чашку

чаю, на рюмку водки, на «винтикъ», и не перечтешь всѣхъ благодѣяній чуднаго изобрѣтенія. Какого-же, спрашивается, прогресса нужно ожидать лѣтъ чрезъ пять въ указанныхъ проявленіяхъ человѣческой дѣятельности?!

Пока тюменскіе разговоры идутъ не бойко; утромъ—дѣловые, вечеромъ и послѣ обѣда—семейные.

Господинъ хозяинъ посылаетъ въ свою лавку примѣрно такую «диспешу»: „Савельичъ, а, Савельичъ! Кули съ крупчаткой перекати на вѣтерокъ,—ишъ затхлось; возчикамъ безъ меня росшотъ не давай. Скажи Гришуткѣ на мармилатъ копеечки двѣ накинуть, да свѣжой цѣликомъ не пускай, для выставки береги! Отпущатъ пусь то, што слѣва .. Ужо самъ приду!"

Складчикъ съ водочными мастерами ведетъ другую бесѣду. —„Федоръ Лукичъ! зелень-то въ полынной не крѣпко дѣлайте, пу и палевки не очень... Акцизный что-то нюхтитъ, держи, голубчикъ, востро ухо!"

Звонокъ къ врачу.—„Кто у телефона?"—Отъ Толстосумовыхъ, докторъ!—„Ну, что Кузьма Савичъ?"—Лежитъ, докторъ!—„Термометръ поставьте, ножную ванну сдѣлайте, въ аптеку пошлите, рецептъ тамъ. Самъ пріѣду!" отвѣчаетъ врачъ.

Дама, пріятная во всѣхъ отношеніяхъ, ведетъ со своей подругой утренній дѣловой разговоръ такого содержанія:—„Что, кузина, съ дорогимъ гостемъ можно поздравить?"—Афронтъ, голубушка, афронтъ! Подумай сама: я-то для него вынарядилась, корсетъ съ самаго утра напялила и хожу, какъ гусарскій полковникъ. А онъ мнѣ: манеры, говоритъ, не воспитаны, подробности потомъ разскажу. И чѣмъ я виновата? Представь, Мари, блоха подъ самую шнуровку забралась—покоя не даетъ, ну я и почесалась при немъ. Вотъ теперь и подумаетъ, что я не благороднаго происхожденія!

Люди образованные, знакомые съ телефонами, допускаютъ откровенность, а кто не знакомъ съ этимъ изобрѣтеніемъ, боясь какъ бы не подслушали (разумѣется всегда возможно) ведетъ разговоръ съ «опаской» и должной осторожностью. Къ полдню, когда главы семействъ уходятъ въ конторы, въ лавки, въ суды—

телефоны поступаютъ въ распоряженіе дамъ, полудамъ, кумушекъ и бабъ (даже прислуга ими пользуется).

Осторожно, робкой рукой, далъ звонокъ на центральную станцію.—„Соедините съ Солодиловыми!“ - командуетъ затѣйница.—Обмѣнялись вторымъ звонкомъ.—„Кого надыть?“ слышенъ знакомый откликъ.

— „Вы, што ли, Матрена Ивановна?“

— „А это вы, Орина Григорьевна? Надкось какъ смѣшно-то, ровно подъ самымъ ухомъ, а вонъ даль какая!“

— „А у мени, чтобы его выстрѣлило, котепокъ всѣ сливки слакалъ—на столъ нечего подать!“

— „Настасья Степановна не растряслась еще?“ спрашиваетъ Матрена Ивановна.

— „Все еще ничего нѣтъ.. Время вишь не разсчитали!“ отвѣчаетъ подруга.

— „А самъ-отъ каковъ?“

— „Да ему што. Вечоръ пришелъ, хоть выжми...“ отвѣтила Орина Григорьевна. „Ночью у квартирантовъ опять баталь была: билъ бѣдную, за двери выгналъ. Штурму такую задалъ—на весь домъ слышно!“

— „Благородны еще, прости Господи... Хуже деревеньшины! Ушла бы отъ грѣха што ли!?“ совѣтуетъ Матрена Ивановна.

— „Опомедшись изъ-за собачонки при всѣхъ такую плюху закатилъ, что жалко стало!“

— „Прибѣгай, когда управишься...“ отвѣтила Матрена Ивановна и отошла отъ телефона.

Передъ обѣдомъ вызываютъ по телефону мужей изъ конторы такимъ образомъ:

— „Петя! скоро-ли ты тамъ? Федоръ Парамоновичъ ждетъ, закуска на столѣ!“ говоритъ супруга.

— „Сейчасъ, Маша, только вотъ рабочихъ отпущу; скажи, сейчасъ-молъ иду...“ отвѣчаетъ мужъ.

Минуты ожиданья всегда кажутся длинными...

— „Скоро ли?“ опять начинаетъ супруга.

— „Сейчасъ. сейчасъ—управляющій задержалъ!..“

За вечернимъ чаемъ телефонируютъ приглашеніе «на винтикъ».

— „Захватите, Катерина Сергѣевна, Лизавету Григорьевну, да заѣзжайте въ карточки поиграть Мы сегодня дома!“

— „А въ клубъ не ѣдете?“ отвѣчаетъ партнеръ.

— „Чего я тамъ не видала?!“

— „Говорятъ, у Холмовой новое платье изъ Парижа привезено...“ соблазняетъ знакомая.

— „Вотъ невидаль... Пріѣзжайте-же смотрите, ждать буду...“

Какъ видите, телефонъ вещь наиполезнѣйшая, и нужно удивляться, какимъ образомъ городское управленіе не предложитъ исправнику соединить такимъ приспособленіемъ свою квартиру съ полиціей. Во всѣхъ благоустроенныхъ городахъ исправники имѣютъ телефоны въ своихъ кабинетахъ, только наша тюменская дума не хочетъ на этотъ предметъ раскошелиться. Какъ бы ускорилось тогда все текущество дѣлъ по части распорядительства и благоустройства!? Кромѣ того, сократился бы расходъ на вѣстовыхъ-казаковъ; ну, и пристава, не отрываясь отъ дѣла, могли бы утренніе рапорты отсылать начальнику полиціи телефоннымъ способомъ. Стоило бы только крикнуть: «въ первомъ участкѣ, ваше благородіе, все обстоитъ благополучно, о чемъ честь имѣю почтительно донести», а затѣмъ—занимайся своимъ неотложнымъ дѣломъ! Телефонъ для исправника крайняя необходимость—спросите у кого угодно! Вотъ для городского врача такое приспособленіе далеко не насущная потребность, а между тѣмъ дума соединила его съ больницей и рѣшила тратить на этотъ предметъ по 200 руб. ежегодно. Оно, конечно, телефонъ дѣлу не мѣшаетъ, но не лучше-ли бы эти деньги потратить на безотлагательныя и болѣе полезныя улучшенія санитарныхъ условій городской больницы, чѣмъ на такую роскошь? Въ Тюмени, при 37,000 жителей, больницѣ на 50 кроватей (!?) много чего не достаетъ, чтобы принять видъ благоустроенной лѣчебницы. Вотъ когда изберутъ меня городскимъ головой, телефонъ этотъ я непремѣнно предоставлю исправнику и снимъ спицу отъ него постоянное ко мнѣ благорасположеніе. Для врача чудесное изобрѣтеніе Белля Эдиссона—

одна благодать, она избавляетъ его отъ многихъ ненужныхъ визитовъ по своимъ паціентамъ. Что говорить, умный врачъ и по телефону вылѣчитъ; но все же больному дорого бываетъ его лицезрѣніе: подкрѣпить силы больного утѣшеніемъ можно только лично, а не по мѣдной проволокѣ.

Во время сихъ соображеній, скрипнула дверь, ведущая въ мой кабинетъ, я повернулся въ эту сторону, да такъ и покатился со смѣху. Представьте—супруга-то!.. Въ третьемъ письмѣ, помнится, я немного познакомилъ васъ съ дорогой Маммеей Аммоновной. Богатырь—женщина: рослая, сырая, степенная, словомъ—вѣтромъ не сдуетъ, а на груди чайный сервизъ помѣщается. И вдругъ—представьте... да нѣтъ, выговорить не могу безъ смѣха, при одномъ воспоминаніи. Баба-то моя съ ума спятила—офицерскую шинель съ краганомъ на себя напялила, а на голову надѣла—гвардейку съ крылышкомъ! Шутитъ, думаю—въ хорошее расположеніе хочетъ меня привести; съ ней это временами бываетъ: нѣтъ—нѣтъ, да и выкинетъ колѣнцо.

— Ты, говорю, Аммоновна, не засѣдателемъ ли нарядилась?

— „Нѣтъ,—говоритъ,—это братецъ мнѣ изъ Ирбити послалъ; мода, слышь, нынче такая; въ Москвѣ всѣ такъ ходятъ!“

— Кто тамъ всѣ! можетъ быть дамы большого свѣта и наряжаются такъ, а за ними феи, камеліи, да актрисы разныя. Намъ ровно, Аммоновна, и не къ лицу съ нихъ то примѣръ брать... Въ интеллигенцію лѣзти не зачѣмъ!

— „У насъ все нельзя!“ запротестовала супруга. „Вонъ Ангелика Казимировна въ сѣрой шинели щеголяетъ, да никто ничего не скажетъ.“

— Нашла же ты себя къ кому приравнивать. Тамъ все къ лицу! Гдѣ вамъ за ними угоняться: паненки народъ подбористый, ровно точеное вѣретешечко, а васъ природа только топоромъ кое-какъ обдѣлала. Тамъ есть на кого посмотрѣть въ любомъ нарядѣ, а ты-то что?

Не по сердцу пришлись моей старухѣ эти слова. Ушла и раскапризничалась на цѣлый день. Чтобы съ рукъ сбыть, шинелку мы за хорошія деньги доброму человѣку подъ залогъ снесли.

Пропади она, не на базаръ же мнѣ ее нести. Коли мода—ну и пусть кто-нибудь въ ней щеголяетъ!

Оставшись одинъ, я началъ обсуждать: почему польки самыя изящныя существа между женщинами славянскаго племени? Въ осанкѣ ихъ есть что-то величавое, царственное; величіе выражается и во взглядѣ этихъ милыхъ созданій. А потому, что онѣ умѣли сохранить въ духѣ и тѣлѣ національную красоту и служатъ зеркаломъ культурнаго прошлаго своей націи; между тѣмъ какъ мужчины остались въ этомъ отношеніи далеко позади ихъ. Въ силу непреложныхъ соціальныхъ законовъ, доброе и злое, прогрессъ и реакція, обыкновенно воспринимаются сначала мужчинами, а отъ нихъ уже переходятъ къ женщинамъ, консервативная натура которыхъ гораздо постепеннѣе подчиняется чужому вліянію. Но разъ подчинившись этому вліянію, выработавъ въ себѣ культурность, женщина удерживаетъ ее даже и тогда, когда націи въ мужскомъ поколѣніи начинаетъ регрессировать Теперь, если принять въ соображеніе, что тѣлесное развитіе подчиняется духовному и зависитъ отъ него, то будетъ совершенно понятно, что въ націи развивающейся, молодой, стремящейся къ прогрессу, тѣлесная красота и умственныя способности преобладаютъ въ мужчинахъ, и, наоборотъ, въ націи упавшей,—въ женщинахъ. И потому, если встрѣчается народъ, въ которомъ женщины прекрасны, а мужчины измельчали, сдѣлались льстивыми, холопски услужливыми, то можно смѣло утверждать, что этотъ народъ давно перешелъ за черту своего кульминаціоннаго пункта и клонится къ паденію. Истина эта поразительнымъ образомъ обнаруживается на польской народности. Въ каждомъ движеніи, въ каждой позѣ польскихъ женщинъ есть что-то обаятельное; онѣ живѣе, воспріимчивѣе мужчинъ. Въ нихъ есть мужественная грація, а въ мужчинахъ—льстивая приниженность. Вотъ почему шпиль не только не бросается въ глаза на польской женщинѣ, но и идетъ къ ней. Ну, а къ моей-то Маммѣ Аммоновнѣ шпиль эта какъ будто къ коровѣ попона пристегнута.

XIII.

27 февраля.

Кажется и спалъ недолго, а какъ много за это время совершилось дѣлъ, достойныхъ того, что-бы записать ихъ на страницы лѣтописи! Мнѣ, старику, пока „не у дѣлъ“, отдохнуть простительно, а вы-то, господа гласные города, что дремлете? Пока спорили, по какой улицѣ вести мостовую, пока рѣшали и перерѣшали этотъ вопросъ, тоболяки вырыли для васъ глубокую яму и, вотъ увидите, столкнутъ туда Тюмень въ самомъ непродолжительномъ времени. Сочтены уже дни могущества и славы вашей! Проектъ о продолженіи желѣзной дороги до Тобольска всесторонне обдуманъ, изложенъ, подписанъ и отправленъ по назначенію. Слышалъ я изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ, что составленъ онъ съ такою неотразимою убѣдительностью, что и сомнѣнія не можетъ быть, что-бы не привели его въ исполненіе. Что ожидаетъ тогда Тюмень? Приметъ она слезливый видъ проторговавшейся купчихи и будетъ жить одними воспоминаніями. Если бы вы, господа, читали внимательно мои письма, то навѣрное не дожили бы до такого срама. Не вамъ-ли совѣтовалъ я въ шестомъ моемъ посланіи взять на себя концессію желѣзной дороги на Тобольскъ. Не послушали, ну теперь сами на себя пеняйте!

Вижу я и скорблю, что день ото дня думскія дѣла становятся хуже и хуже. Путь, который долженъ привести меня къ славѣ (когда буду главой города), забрасываете вы тяжелыми каменьями. Много предстоитъ труда, чтобы поправить все, что натворили вы за послѣднее время. Мнѣнія ваши расшатаны, сами перессорились, явились среди васъ молодые „крикуны-самоуправцы“—можно ли думать объ единомысліи? Средствъ привести васъ къ соглашенію никакихъ нѣтъ. Вотъ почему, когда приму я бразды управленія, съ перваго же дня прибѣгну, ради согласованія мнѣній по думскимъ дѣламъ, къ спасительнымъ откровеніямъ, которыя получаемъ мы въ сповидѣніяхъ. Но для этого долженъ я познакомить васъ со своими предначертаніями.

Сны я считаю исключительнымъ творчествомъ человѣческаго духа и потому не только вѣрю самъ, но желаю, чтобы и гласные города Тюмени въ нихъ увѣровали. Цѣль настоящаго моего письма заблаговременно поселить эту вѣру, и тогда, во всѣхъ важныхъ обстоятельствахъ, въ родѣ того, куда вести мостовую, скоро ли провалится затюменскій мостъ, будемъ обращаться мы къ откровеніямъ; тогда вопросы будутъ рѣшаться объективно, споровъ никакихъ и протоколы засѣданій передѣлывать по нѣскольку разъ не придется. Словомъ, создамъ я для своихъ сотрудниковъ „культъ—сновидѣній“, какъ было это у народовъ свѣдой старины. Вѣдь не глупѣе же насъ были древніе египтяне, финикіяне, греки, однако, по свидѣтельству Моисея, пророка Исаія и Діодора Сицилійскаго, ходили спать въ храмы своихъ боговъ, для полученія во снѣ нужныхъ откровеній. Скажите на милость, какая намъ нужда игнорировать опытомъ самыхъ мудрыхъ народовъ? Что помѣшаетъ намъ передъ каждымъ думскимъ засѣданіемъ откомандировывать одного изъ гласныхъ выспаться, для полученія откровеній, въ управскомъ залѣ, подъ предсѣдательскимъ столомъ? Увидите тогда, какъ цѣлесообразны будутъ всѣ наши постановленія.

Положимъ, такой культъ не понравится врачамъ, инженерамъ и другимъ „мыслящимъ реалистамъ“, послѣдователямъ матеріалистическихъ наукъ. Какъ, скажутъ они, накануѣ XX столѣтія и такой абсурдъ? Тише, тише господа! Развѣ знаменитый врачъ Галенъ не утверждалъ, что изъ сновидѣній можно извлекать предсказанія, развѣ онъ не училъ, какъ на основаніи сновидѣній направлять лѣченія болѣзней? И самъ онъ назначалъ больнымъ лѣкарства, прописанныя во снѣ, и другіе врачи слѣдовали его примѣру. Положимъ, онъ былъ эмпирикъ—виталистъ, но доктрины этой школы не утратили значенія и до настоящаго времени. Такъ докторъ Шернеръ, въ сочиненіи Das Leben des Fraums (Берлинъ 1861 г. стр. 163), не безъ основанія говоритъ, что „если-бы практически врачи занялись изученіемъ сновидѣній, то анализъ ихъ могъ-бы помочь въ распознаваніи внутреннихъ страданій больного“.

Вы можетъ быть скажете, вмѣстѣ съ Шопенгауеромъ и Раддештокомъ, что сонъ есть гипнотическая галюцинація, особаго рода помѣшательство. Но вѣдь и геніальность считаютъ помѣшательствомъ! Кто на сны обращаетъ должное вниманіе, тотъ не разъ, вѣроятно, наблюдалъ, съ какой точностію логическія умозаключенія, сдѣланныя во снѣ, подтверждаются иногда дѣйствительностію. Поэтамъ, художникамъ, математикамъ, композиторамъ случалось во снѣ рѣшать неразрѣшимыя наяву проблемы, дѣлать открытія и заниматься поэтическимъ творчествомъ. Вольтеръ, наприм., одну изъ пѣсенъ его Генріады сочинилъ во снѣ; Тартини создалъ во снѣ свою дьявольскую сонату, которую перенесъ потомъ на бумагу; знаменитый Крюгеръ много разъ рѣшалъ въ томъ же состояніи математическія задачи, которыя не поддавались рѣшенію передъ этимъ наяву; Сардини открылъ во снѣ такъ называемые флажеолетные тоны; физіологъ Бурдахъ во снѣ сдѣлалъ многія научныя изслѣдованія, а Рейнгольдъ создалъ теорію дедукціи категорій. Да мало-ли можно привести подобныхъ примѣровъ, если бы только пожелали того тѣ, въ убѣжденіи которыхъ я особенно нуждаюсь, ради общественнаго блага! Развѣ не случалось вамъ самимъ въ дѣтствѣ и юности видѣть сновидѣнія, что повторяешь бывало трудно дававшійся урокъ, и дѣйствительно его выучиваешь?!*)

Послѣ всего изложеннаго, убѣждаетесь-ли вы наконецъ, господа гласные, что во снѣ можно получать откровенія? Пожалуйста, не принимайте моего вопроса за шутку. Шутить не имѣю я никакого желанія. Понимаете-ли вы, что самый сонъ гласныхъ городской думы во время засѣданій можно будетъ благоразумно утилизировать, если только культъ сновидѣній получитъ права гражданства и распространенія.

Кантъ, мудрѣйшій изъ смертныхъ, цѣнилъ сонъ наравнѣ съ надеждою. „Возьмите у человѣка надежду и сонъ, говорилъ философъ, и онъ будетъ несчастнѣйшимъ существомъ на землѣ.“

Что касается лично меня, то въ сей юдоли „скрежета зу-

*) Окск. Физіологія. 1880 г.

бовпаго" среди васъ, господа, сонъ единственное мое наслажденіе, а перспектива быть городскимъ головою есть единственное мое упованіе. Неужели, господа, пожелаете вы сдѣлать меня несчастнѣйшимъ существомъ, отнявъ эту послѣднюю надежду?

Хорошо,—скажете вы,—согласны спать по очереди въ думскомъ залѣ, подъ предсѣдательскимъ столомъ, для полученія откровеній въ сновидѣніяхъ, но что дѣлать, если одолѣетъ безсонница? Понимаю, вы вызываете меня, чтобы я разъяснилъ, въ чемъ состоитъ физіологическая причина утомленія и сна и какъ ею управлять въ нужныхъ случаяхъ. Извольте разскажу, но помните, что все, кажущееся съ перваго взгляда самымъ простымъ, оказывается всегда самымъ темнымъ, требующимъ изученія.

Что можетъ быть обыденнѣе сна, а между тѣмъ надъ разгадкой причины этого явленія философы и ученые думаютъ нѣсколько столѣтій! Одинъ изъ физіологовъ послѣдняго десятилѣтія (Зибертъ) пришелъ къ заключенію, что сонъ происходитъ отъ меньшаго прилива крови къ мозгу. Нѣжныя жилки (сосуды) черепной полости, вслѣдствіе эластичности, суживаются, и весь мозгъ становится бѣднѣе кровью. Другіе ученые находятъ причину сна въ уменьшенной дѣятельности сердца и въ общемъ замедленіи движенія крови (Фіерардъ*). Наконецъ, третьи думаютъ, что физіологическія причины утомленія и сна заключаются въ накопленіи въ организмѣ, вслѣдствіе его дѣятельности, продуктовъ химическаго разложенія, каковы: креатинъ, угольная и мясо-молочныя кислоты**) (Прейеръ). Избытокъ этихъ утомляющихъ веществъ парализуетъ проявленіе мышечной и нервной дѣятельности. Когда нервной (гангліозной) клѣткѣ не достаетъ кислорода, тогда угасаетъ сознаніе, вниманіе парализуется, воля и мысль бываютъ усыплены, какъ во снѣ. (Наблюд. Прейера).

---

*) Vierordt. Grundriss d. Physiol. Tubin. 1872.

**) Мясомолочная кислота, перерабатываемая мускулами, можетъ быть приготовлена лабораторнымъ путемъ. Принятая внутрь, она дѣйствуетъ усыпляющимъ образомъ, подобно морфію, хлоралу и пр. (Бетшеръ, Юсфовичъ). W. Preyer Ursache des Schlafes. Stuttg. 1877.

Вѣрнѣе всего допустить, что всѣ эти причины, взятыя вмѣстѣ и въ связи одна съ другою, вызываютъ аффекты (живыя ощущенія), предшествующіе сну: дремоту, позѣваніе, тяжесть вѣкъ, пріятную теплоту въ рукахъ и ногахъ, легкую щекочущую дрожь и проч. Далѣе является забывчивость, грезы и самый сонъ. Гипнотизеры внушеніемъ вызываютъ спачала перечисленные аффекты, служащіе предвѣстниками сна*), а затѣмъ, когда произойдетъ усыпленіе, въ гипнотизированномъ развиваются всѣ реакціи, которыя свойственны естественному сну. Здѣсь очевидно происходитъ то же, что испытываемъ мы, когда передъ нами убѣдительно зѣваютъ или когда монотонно читаютъ романы князя Мещерскаго.

Итакъ, господа, если желаете зрѣть вѣщіе сны, нужно передъ тѣмъ, какъ итти въ думскій залъ, предварительно себя утомить легкой прогулкой, плотно покушать, выпить... но если и засимъ постигнетъ безсонница, то принять либо молочнокислаго натра, либо морфія, либо хлорала... Засыпая и готовясь зрѣть вѣщіе сны, пожалуйста, не предавайтесь трусости: ни домовой, ни сосѣдко къ вамъ не придетъ—внушеніе вы получите отъ своего внутренняго міра. Все произойдетъ въ силу естественныхъ причинъ; въ физическомъ и душевномъ состояніи вашемъ во время сна послѣдуютъ слѣдующія перемѣны:

Дѣятельность органовъ кровообращенія понизится (Фіерардъ**), скорость пульса уменьшится (на 3 и до 10-ти ударовъ). Вслѣдствіе этого (Пуркиньи***) произойдетъ небольшое накопленіе крови въ тончайшихъ жилкахъ (сосудахъ). Дыханіе немного за-

---

*) Способъ гипнотизаціи профессора Бернгейма слѣдующій: паціента усаживаетъ въ кресло, затѣмъ заставляетъ его смотрѣть въ глаза нѣсколько секундъ, до 2-хъ минутъ, и громко, увѣренно, нѣсколько монотонно ему заявляетъ, что глаза его покрываются влагою, что вѣки его тяжелѣютъ, что онъ чувствуетъ пріятную теплоту въ ногахъ и рукахъ. Тогда заставляетъ фиксировать два пальца (указательный и большой) лѣвой руки (гипнотизера) и если вѣки при этомъ сами собою не спадаются, то прибавляетъ: „закройте глаза!“

**) Vierordt. Grundriss d. Physiol. 1872.

***) Purkinjè. Wachen, schlaf. etc. Braunschw. 1846.

медлится (будетъ относиться къ дыханію въ состояніи бодрствованія какъ 3 къ 4), и процентное содержаніе углекислоты въ выдѣленномъ воздухѣ будетъ на $^1/_4$ менѣе (Шарлитъ). Движеніе пищеварительныхъ органовъ замедлится (Башъ*) и выпотѣніе умепьшится почти на $^1/_4$ (Вейрихъ**).

Душевная дѣятельность во время сна иногда понижается, а иногда проявляется въ полной своей силѣ. Наблюдая спящаго, не трудно бываетъ замѣтить на лицѣ его смѣну выраженій (досаду, ужасъ, радость и пр.), которыя указываютъ на существованіе во время сна соотвѣтствующихъ представленій и понятій.

Въ частности память рѣдко покидаетъ уснувшаго и проявляется въ большемъ объемѣ, нежели въ состояніи бодрствованія (Лохеръ***). Мы часто видимъ во снѣ съ поразительною ясностію ландшафты, вещи и людей, о которыхъ въ состояніи бодрствованія ни коимъ образомъ не можемъ вспомнить, даже въ общихъ чертахъ (Валентинъ, стр. 385). Воля наша не участвуетъ въ образованіи и теченіи сновидѣній, а самосознаніе сильно ослаблено. Каждому извѣстны тягостныя ощущенія невозможности произвести движеніе или освободиться отъ страшнаго сновидѣнія. Мышленіе принимаетъ особый характеръ, отличный отъ того, который свойственъ ему въ бодрствующемъ состояніи. Во снѣ мы не можемъ провѣрять его дѣйствительностью; мы видимъ безъ всякаго контроля теченіе представленій появляющихся, мѣняющихся и исчезающихъ; мы тогда не можемъ господствовать надъ фантазіей. Наше сонное самосознаніе дѣлаетъ иногда невозможное сочетаніе образовъ и предметовъ и вѣритъ этимъ сочетаніямъ, допуская самыя широкія и смѣлыя обобщенія.

Въ сновидѣніяхъ отсутствуетъ мѣра времени: событія мно-

*) Basch. Die volumetrische Bestimmung des Blutdrucks am Menschen. Wien. 1876.

**) Weyrich. Die unmerkliche Wasserverdünstung der menschlichen Haut. Leip. 1862.

***) H. Locher. Ueber den schlaf und die Fräume. Zurich 1853.

ихъ лѣтъ и цѣлой жизни могутъ пройти въ представленіи въ неимовѣрно короткое время. Такъ наприм. одинъ изъ гласныхъ (даже интеллигентъ) разсказывалъ мнѣ, что во время какого-то предложенія головы, ему приснилось, что онъ въ Нижнемъ, на пожарѣ сибирской пристани, при чемъ видѣлъ всѣ аксессуары этого зрѣлища; между тѣмъ заснулъ на нѣсколько секундъ.

Изъ приведенныхъ фактовъ видите, что сонъ человѣка представляетъ особую сферу душевной дѣятельности, отличную отъ той, въ которой мы находимся въ бодрствующемъ состояніи.

Мнѣ остается теперь показать, какъ создаются вѣщіе сны и тогда, надѣюсь, вѣра въ нихъ будетъ укрѣплена и цѣль моя окончательно достигнута.

Чтобы понять, гдѣ лежитъ источникъ вѣщихъ сновъ, нужно представить себѣ, что душевное состояніе наше въ бодрствующемъ состояніи представляетъ двѣ замкнутыхъ сферы. Одну глубокую, въ которой покоится особенный міръ, со всѣми чарами несознанныхъ чувствъ и неясныхъ мечтаній, и другую, болѣе поверхностную, такъ сказать обиходную, которая контролируется чувствами, волей и сознаніемъ. Это какъ-бы два шара, вложенныхъ концентрически одинъ въ другой. Органы душевной дѣятельности—память, мышленіе, фантазія, воля и пр. въ каждомъ концентрикѣ имѣютъ свои характерныя особенности.

Масса образовъ, чувствъ и идей, которыя мы пережили въ жизни и которыя несомнѣнно оставили въ насъ слѣды своего вліянія, сохраняются въ глубинѣ души внутреннею памятью. Этотъ матеріалъ находится какъ-бы въ скрытомъ потенціальномъ состояніи и можетъ быть вызванъ воспоминаніемъ*) только при особыхъ исключительныхъ условіяхъ. Обиходная, внѣшняя память касается только недавно возбужденныхъ представленій, которыя, быстро смѣняясь, вытѣсняютъ одно другое, исчезаютъ и какъ-бы тонутъ въ глубинѣ нашего духа, но не уничтожаются безслѣдно. То же самое нужно сказать и относительно мышленія:

*) Память есть свойство удерживать въ душѣ психическіе акты; воспоминаніе есть вторичное появленіе въ нашемъ сознаніи прежняго акта.

масса пріемовъ, навыковъ и способовъ умозаключеній покоятся въ глубинѣ нашего духа и только нѣкоторыя изъ нихъ мы употребляемъ въ обиходной жизни. Наша фантазія, всегда подавленная обыденностію, входитъ въ свои права только тогда, когда мы отрѣшаемся отъ окружающихъ впечатлѣній и погружаемся во внутренній міръ.

Такимъ образомъ память, которой мы пользуемся, соображеніе, которое примѣняемъ къ дѣлу, фантазія, которой живемъ, составляютъ внѣшнюю сферу душевнаго состоянія, находящуюся постоянно въ оборотѣ (въ дѣятельномъ состояніи). Во внутренней, болѣе глубокой сферѣ жизнедѣятельность тѣхъ же душевныхъ силъ недоступна бодрствующему сознанію. Первая, т. е. внѣшняя сфера дѣятельности, регулируется волей и органами чувствъ. Вторая, или внутренняя—свободна отъ этихъ факторовъ и зависитъ отъ навыковъ и привычекъ, сохраненныхъ памятью.

Внутренній міръ, скрытый въ глубинѣ человѣческаго духа, не поддающійся самосознанію, имѣетъ однако свою собственную логику. Повидимому, исчезнувшіе изъ обиходной памяти образы, посылки, умозаключенія этого міра, въ быстротѣ своего теченія, безсознательно создаютъ тѣ настроенія чувствъ (предчувствій), которыя часто живутъ въ насъ въ продолженіе большей части жизни, охватываютъ человѣка и царятъ надъ пестрымъ міромъ его идей, съ трудомъ или вовсе не подчиняясь волѣ. Каждый чувствуетъ это настроеніе въ себѣ, но не можетъ объяснить его, а тѣмъ болѣе заглянуть во внутреннюю сферу своего духа, гдѣ находится источникъ этихъ настроеній. Нерѣдко въ бодрствующемъ состояніи, желая проникнуть въ этотъ міръ, чтобы вспомнить утраченное памятью или употребить болѣе строгій способъ мышленія, человѣкъ старается устранить себя изъ внѣшняго міра, предаваясь мышленію съ закрытыми глазами въ глубокой тишинѣ.

Во время сна съ парализованной волей, съ слабымъ самосознаніемъ, съ притупленными органами чувствъ, мы погружаемся во внутреннюю сферу душевной жизни, въ міръ, гдѣ память воспроизводитъ много забытыхъ посылокъ для умозаключеній, гдѣ

потерянные навыки мышленія выступаютъ въ полной силѣ и гдѣ фантазія даетъ матеріалъ для самыхъ широкихъ обобщеній. Неопредѣленное чувство, результатъ внутренней логики, ранѣе не сознаваемое, воплощается теперь въ фантастическіе образы.

Удивительно-ли послѣ всего сказаннаго, что во снѣ можно творить, рѣшать сложныя математическія задачи и дѣлать научныя открытія! Что же такое вѣщіе сны, какъ не образы тѣхъ настроеній, которыя созданы внутреннимъ мышленіемъ? У тѣхъ людей, которые привыкли къ самосозерцанію и которые обладаютъ строгой логикой, откровенія во снѣ должны получать извѣстную опредѣленность, которая обуславливаетъ предсказанія и ясновидѣніе.

Теперь, спрошу я васъ, мм. гг., допускаете-ли вы возможность откровеній, которыя можемъ мы получать въ сновидѣніяхъ?

Предѣлы настоящаго письма не позволили мнѣ раскрыть во всей полнотѣ доказательства естественности вѣщихъ сновъ. Но если сразу я и не достигъ своей цѣли, то все же утѣшаю себя тѣмъ, что павелъ на небезполезныя мысли надъ удивительнымъ въ нашей организаціи. Хорошо вѣдь заняться иногда изученіемъ самого себя и возвыситься надъ бѣдными интересами нашей жизни.

И такъ спрашиваю еще разъ, согласны-ли вы, мм. гг., для полученія откровеній уединяться въ думское зало подъ предсѣдательскій столъ? Попробуй у меня тогда какой-нибудь молокососъ поднять въ засѣданіи свой голосъ—сейчасъ его подъ столъ!*)

*) По моимъ свѣдѣніямъ, въ одной думѣ засыпаніе гласныхъ, хотя и не подъ столомъ, но уже начинается. Нѣтъ тутъ ничего и страннаго. Нѣкоторыя изъ англійскихъ газетъ говорятъ, что главнымъ достоинствомъ для члена палаты общинъ нужно считать умѣнье во время спать на засѣданіяхъ и во время бодрствовать. Такимъ умѣньемъ въ высшей мѣрѣ отличается г. Гладстонъ, котораго часто видятъ преспокойно спящимъ на своей передней скамейкѣ. Но въ этомъ отношеніи нѣкоторые депутаты переходятъ границы и переносятъ привычку спать во время засѣданій и въ другія учрежденія. Членъ палаты общинъ сэръ Ричардъ Темпль, обыкновенно спящій въ палатѣ общинъ, 22 мин. февраля, перенесъ этотъ обычай и въ школьный совѣтъ, гдѣ онъ также состоитъ членомъ. Но тамъ ему не дали спать спокойно, можетъ быть, потому, что онъ слишкомъ громко хра-

Выспись-де предварительно, а потомъ и кричи, куда тебѣ выгоднѣе проводить мостовую.

A propos: Говорятъ, что въ думѣ заняты теперь разработкой вопроса о переустройствѣ городскихъ скотобоенъ и предполагаютъ соорудить ихъ по образцу саратовскихъ. Потерпите немного, господа гласные, вѣдь я же говорилъ вамъ (письмо X), что мною составленъ уже проектъ этимъ постройкамъ, на основаніи самого послѣдняго слова ветеринарно-санитарной науки. Брезгуете вы моими совѣтами, ну Богъ съ вами, господа дѣльцы-строители. Воспользуйтесь по крайней мѣрѣ указаніями на этотъ предметъ доктора Кравцова, моего друга-пріятеля, главнаго ветеринара въ Петербургѣ; они изложены въ его сочиненіи „Убойный скотъ въ Петербургѣ“ (С.-Пет. 1886 г.) Да не мѣшало бы вамъ пріобрѣсти также отчеты комиссіи петербургскихъ городскихъ гласныхъ за 1881—82 гг. по устройству скотобоенъ, гдѣ можно найти всѣ необходимыя свѣдѣнія по этому вопросу и подробное описаніе убойныхъ камеръ, пользующіяся теперь европейской извѣстностью.

XIV.

Великій постъ, 23 марта.

Хочу вооружиться смиренномудріемъ и прекратить на время свою переписку. Нѣкоторыя тюменскія дамы обижены... и я, такимъ образомъ, лишилъ себя пасхальныхъ поцѣлуевъ. Пишу потому только, чтобы не останавливаться на чертовой дюжинѣ,

---

нѣлъ. Его товарищъ по школьному совѣту, г. Станли, смотря на него, сказалъ громко: „Онъ охотится даже во снѣ, какъ собака“. Другой членъ совѣта, г. Горобэнъ, попросилъ предсѣдателя предложить сэру Ричарду Темплю спать, но не храпѣть, а г. Боуи выразилъ желаніе, чтобы сэръ Ричардъ храпѣлъ въ болѣе пріятномъ тембрѣ. Пришлось разбудить храпѣвшаго, и привычка, удобная въ палатѣ, оказалась непригодною въ школьномъ совѣтѣ. (Прим. корректора.)

т. е. на тринадцатомъ письмѣ, и не остаться въ долгу по поводу примѣчанія редакціи о членахъ англійской палаты общинъ.

Если такіе маститые государственные дѣятели, какъ Гладстонъ, Темпль и Стенли, имѣютъ обыкновеніе засыпать въ общественныхъ засѣданіяхъ, то нашимъ городскимъ гласнымъ и «Богъ велѣлъ»! Спрашивается теперь: желаетъ-ли редакція такимъ указаніемъ поддержать мой проектъ о культѣ сновидѣній или подрываетъ къ нему довѣріе моихъ согражданъ? Въ послѣднемъ случаѣ она жестоко ошибается, ибо гласные наши непремѣнно пожелаютъ сдѣлаться Гладстонами и будутъ спать непробуднымъ сномъ. Англичане впадаютъ во время засѣданій въ легкій бредъ вслѣдствіе старости и усталости, такъ сказать—экстраординарно; мнѣ же предначертано сдѣлать сонъ гласныхъ ординарнымъ, ввести въ принципъ и утилизировать. Какъ видите, здѣсь лежитъ огромная разница и въ цѣляхъ и въ обстоятельствахъ. Поэтому прошу редакцію не мѣшать мнѣ на будущее время своими примѣчаніями*). Скоро будетъ для всѣхъ ясно, «какъ Божій день», что своею практичностію перещеголяю я самую практичную націю на земномъ шарѣ—просвѣщенныхъ мореплавателей!

Редакторъ замѣчаетъ, что англичанамъ въ школьныхъ засѣданіяхъ не даютъ заснуть даже на одну минуту, а у насъ члены общества попеченія объ учащихся почивали весь предыдущій годъ, за что и сдѣлали въ годичномъ собраніи сами себѣ упрекъ въ бездѣятельности: при этомъ предсѣдатель общества, зная «мѣстные нравы», благоразумно ретировался отъ непріятностей. Въ концѣ засѣданія, какъ принято въ благоустроенныхъ учрежденіяхъ, члены выразили распорядителямъ благодарность и спокойно разошлись по домамъ. Чрезъ три недѣли въ общемъ собраніи избрано восемнадцать членовъ совѣта, въ число которыхъ по недоразумѣнію вошла даже одна женщина. Говорю «по недоразумѣнію», ибо составители устава (враги женской эмансипаціи), въ одномъ изъ его параграфовъ съ деликатной осторожностью ого-

*) Оплошность, которой мы обязаны сонливости англичанъ и словоохотливости корректора Да извинитъ насъ, г. Не гласный! Болѣе не повторится .. Ред.

ворили, что непремѣнными членами могутъ состоять только лица «мужескаго пола». А разъ уставъ утвержденъ, нужно исполнять его съ буквальной точностью. Не грѣшатъ въ нарушеніи его только городской и ремесленный головы, ибо засѣданій общества не посѣщаютъ и интересами его не проникнуты. А почему? Потому, что уставъ общества предоставляетъ это ихъ благоусмотрѣнію. Тамъ прямо сказано, что голова «состоитъ непремѣннымъ членомъ общества по изъявленію на то согласія»! Кому-бы, кажется, должны быть ближе интересы начальнаго образованія, какъ не представителямъ городского управленія, а между тѣмъ они-то и блистаютъ своимъ отсутствіемъ въ засѣданіяхъ общества. Вотъ почему въ Тюмени, на 37,000 жителей, въ числѣ учащихся состоитъ 462 мальчика и 387 дѣвочекъ; но и этотъ ничтожный процентъ находится въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Школъ въ Тюмени въ двадцать разъ менѣе, чѣмъ кабаковъ*) и трактировъ, но по опрятности онѣ мало отличаются отъ послѣднихъ. Дѣти, вслѣдствіе скученности, дышатъ воздухомъ болѣе испорченнымъ, чѣмъ въ угольныхъ шахтахъ, потому что на ученика рѣдко приходится болѣе кубической полусажени зараженнаго воздуха. Ради того, чтобы выйти изъ школы малограмотнымъ, дѣтва на всю жизнь портитъ свое здоровье. Мальчики, вырвавшись изъ школьной кутузки на воздухъ и припявшись за самостоятельный физическій трудъ, не рѣдко поправляются, а дѣвушекъ, будущихъ матерей семействъ, плохая школа уродуетъ на всю жизнь. Обратите вниманіе на гимназистокъ, прогимназистокъ и прочихъ школянокъ и увидите, что по крайней мѣрѣ двѣ трети изъ нихъ малокровны, съ испорченнымъ зрѣніемъ и впалой надорванной грудью. И этой-то дорогой цѣной загубленнаго здоровья покупаются весьма сомнительныя иногда, мало пригодныя для жизни, познанія.

Заглянемъ въ приходскую школу и посмотримъ, что тамъ творится. Въ ящикѣ въ 30 кубическихъ саженъ помѣщается около полусотни учащихся; въ спертомъ воздухѣ пахнетъ потомъ

*) Къ кабакамъ отношу я и такъ называемыя кислощейныя заведенія, находящіеся подъ надзоромъ полиціи.

сапожной кожей и чѣмъ-то противно затхлымъ. На каждомъ орудіи школьной пытки, которыя принято называть «партами», сидитъ по три и по пяти учащихся. Неправильно изогнутая спинка сидѣнья давитъ въ подлопаточную область спины, позвоночникъ изогнутъ влѣво, ира ее плечо приподнято, грудь надавливаетъ во время письменныхъ упражненій острый край столешницы, шея изогнута на бокъ, большинство фиксируетъ во время чтенія и письма правымъ глазомъ.

Передъ вами молоденькая учительница ведетъ урокъ объяснительнаго чтенія по методѣ Ельницкаго.

— Выньте книги!—командуетъ учительница.

Начинается стукотня крышками классныхъ столовъ и, наконецъ, наступаетъ тишина.

— Читайте, Павловъ!—приказываетъ учительница.

— «Сѣренькій козликъ»,—прочиталъ ученикъ.

— Такъ о чемъ мы будемъ читать?

— «О козликѣ!»—отвѣчаетъ ученикъ.

— Козликомъ называется маленькій козелъ,—поясняетъ учительница.—Читайте далѣе!

— «Жилъ-былъ у бабушки сѣренькій козликъ...» отчеканилъ бойкій мальчикъ.

— Григорьевъ! О чемъ тутъ говорится?

— «О козликѣ!»

— Полный отвѣтъ?! Парфеновъ, какъ сказать?..

— «Здѣсь говорится о козликѣ»—отвѣчаетъ мальчикъ.

— Что говорится о козликѣ, Павловъ?

— «Жилъ-былъ»—отвѣчаетъ Павловъ.

— «Здѣсь говорится—жилъ былъ»—отвѣчаетъ ученикъ.

— Такъ... дальше читайте Парфеновъ.

— «Бабушка козлика страшно любила...»

— О чемъ тутъ говорится?—прерываетъ учительница.

— «О козликѣ!..»

— Что «о козликѣ» говорится?

— «Что его бабушка любила!» вскрикнулъ ученикъ.

— Нни... спохватилась учительница...—Нѣтъ, дѣти, тутъ

не о козликѣ говорится, а о бабушкѣ—вѣдь она козлика любила... говоритъ учительница и приказываетъ читать дальше.

— «Бабушка козлика чаемъ поила»—продолжаетъ ученикъ.

— О чемъ тутъ говорится?

— «Здѣсь говорится о бабушкѣ,»—обстоятельно отвѣчаетъ мальчикъ—«что она козлика чаемъ поила.»

— Какъ-же это бабушка могла поить козлика чаемъ? Развѣ козлики пьютъ чай?—спрашиваетъ учительница.

Ученики опять въ недоумѣніи; одинъ изъ нихъ крикнулъ, что «козловъ чаемъ не поятъ!»

— Да, дѣти, козлики чаю не пьютъ, а въ книжкѣ объ этомъ сказано иносказательно. Читайте дальше!—скомандовала учительница.

— «Вздумалось козлику въ лѣсу погуляти»—читаетъ ученикъ.

— О чемъ тутъ говорится?

— «Здѣсь говорится—козлику захотѣлось въ лѣсу погулять»—отвѣтилъ мальчикъ.

— Хорошо. Дальше читайте, Григорьевъ!

— «Фюйть-на! Да вотъ какъ!» продолжалъ ученикъ.

— О чемъ говорится? спросила учительница. Парыгинъ! Федотовъ! Павловъ! О чемъ здѣсь говорится?

Въ классѣ водворилось молчаніе; учительница на минуту замялась и потомъ доктринально пояснила:

— Здѣсь, дѣти, не о чемъ не говорится; это просто «такъ-себѣ». Осиповъ, читайте дальше!

— «Задрали козлика сѣрые волки...» продолжаетъ мальчикъ.

— Дальше! приказываетъ учительница.

— «Остались отъ козлика рожки да ножки. Фюйть-на...»

— Дальше не надо; тамъ опять восклицаніе. Почему-же отъ козлика остались только рожки да ножки? Федотовъ! Павловъ! Вы? Вы?—обращается къ дѣтямъ учительница.

Утомленные катихизаціей ученики молчатъ.

Потому, дѣти, что рожки волки не ѣдятъ,—отвѣчаетъ за нихъ учительница.—Ну, а какое изъ этого можно вывести правило?

Не получивъ отвѣта, учительница прибѣгаетъ къ наводящимъ вопросамъ.

— Скажите же, дѣти, хорошо быть козлику?

— «Нѣтъ, не хорошо!» —отвѣтили нѣсколько мальчиковъ.

— Тсс... я же вамъ говорила, что разомъ отвѣчать нельзя. А хорошо было бабушкѣ?

— «Нѣтъ, не хорошо!» отвѣтили дѣти.

— Вотъ и выходитъ правило, поясняетъ наставница, что нужно слушаться старшихъ и ничего не дѣлать безъ ихъ разрѣшенія. Выньте изъ столовъ тетради!

Снова застучали крышки стола, а когда все стихло, началось утомительное письмо по командѣ: «раааазъ, раазъ... раааааазъ...» и т. д.

И такъ изо дня въ день, съ начала до конца обученія.

Твердили мнѣ всегда о пользѣ просвѣщенья.
—„Пусть такъ, однако же ученье безъ умѣнья—
Не польза, а бѣда"! *)

Тяжела дѣтская жизнь, горьки корни ученія, не слаще того доля учительницы. Оторванная отъ семьи и предоставленная самой-себѣ, съ расшатаннымъ здоровьемъ, въ самую лучшую пору жизни, влачитъ она трудовую тяжелую жизнь. Скудный заработокъ едва покрываетъ ея скромныя потребности въ пищѣ и одеждѣ. Объ удовлетвореніи духовныхъ потребностей (кромѣ религіозныхъ), присущихъ человѣку, одаренному безсмертнымъ духомъ, у насъ въ Тюмени и помышлять нельзя. Кругомъ существа вполнѣ тѣлесныя, съ слабо развитыми эмоціями. На этой степени развитія нравственная потребность служенія ближнему вращается въ предѣлахъ тщеславія, въ желаніи обратить на себя вниманіе. Особенно грѣшатъ въ этомъ отношеніи женщины. Ихъ привлекаетъ перспектива общественныхъ хлопотъ и руководительства. Подумайте сами, развѣ не пріятно хорошенькой дамочкѣ предсѣдательствовать, въ особенности если съ боку душка секретарь?!

Для удовлетворенія умственныхъ потребностей въ нашемъ обширномъ городѣ есть библіотека въ приказчичьемъ клубѣ. Но

*) Шаховской. „Пустодомы".

что можетъ извлечь оттуда молоденькая дѣвушка, кромѣ пикантныхъ романовъ плохой иностранной стряпни? Школы не выписываютъ ни одного педагогическаго журнала, ни одной газеты, и слѣдить за текущей литературой нѣтъ никакой возможности.

Кромѣ религіозныхъ, нравственныхъ и умственныхъ потребностей, разумному человѣку присущи еще потребности эстетическія. Безъ удовлетворенія ихъ притупляются стремленія человѣка ко всему прекрасному и высокому; эти стремленія, помимо доставляемаго наслажденія, способствуютъ преобладанію въ человѣкѣ духовной жизни надъ чувственной. Что можетъ дать Тюмень для удовлетворенія эстетическихъ потребностей молодого организма? Вы скажете Текутьевскій театръ. Но мой коллега по профессіи (прости Господи его заблужденія!) сильно грѣшитъ, угощая публику такими пьесами, отъ которыхъ даже у старичковъ въ глазахъ зеленѣетъ. А пьесы, въ родѣ «Плодовъ просвѣщенія», при дурной постановкѣ, развѣ могутъ въ юной душѣ возбудить идеи прекраснаго? Въ чемъ спрашивается найдутъ для себя пищу высокія стремленія души среди людей, гдѣ понятіе о добрѣ не отдѣляется отъ понятія о выгодѣ, гдѣ гуманность, честность и справедливость считается простофильствомъ и дурачествомъ и гдѣ практическое евангеліе, даже такъ называемыхъ интеллигентовъ, состоитъ въ пріобрѣтеніи денегъ и денегъ во что-бы то ни стало.

Кромѣ перечисленныхъ духовныхъ потребностей, человѣку присуща еще потребность въ общеніи съ себѣ подобными. Потребность эта настолько сильна, что неудовлетвореніе ея вызываетъ чувство одиночества и вообще тяжелое душевное состояніе.

И вотъ въ этомъ отношеніи едва-ли есть въ Сибири другой городъ, гдѣ-бы дѣвушка-учительница пользовалась такимъ невниманіемъ общества, какимъ пользуется она въ Тюмени. Я не говорю про мѣстную денежную аристократію, которая традиціозно относится съ-высока къ людямъ не имущимъ, но не лучше относятся къ дѣвушкѣ-учительницѣ и тѣ, такъ называемыя интеллигентныя дамы, которыя сами были бѣдными гувернантками и учительницами и, только благодаря случайности, попали въ ряды „брильянтовой сотни“. У этихъ особъ, какъ только завелась ал-

мазная брошка, такъ сейчасъ-же является покровительственный тонъ и полное забвеніе прежняго своего положенія.

Жизнь приходскаго учителя еще тяжелѣе. Обремененный семьей, пришибленный тяжелой борьбой за существованіе, забитый трудомъ, всегда нуждающійся въ самыхъ первыхъ потребностяхъ, отвѣтственный за горькую участь своихъ дѣтей, едва плетется опъ по узкой житейской тропинкѣ. Безнадежно смотритъ впередъ, потому что тамъ, какъ для другихъ чиновниковъ, не блещетъ для него лучъ надежды на лучшее будущее. Обезпеченіе онъ получаетъ гораздо меньше масленщика при паровой машинѣ, а между тѣмъ ему ввѣрены сотни дѣтей будущихъ гражданъ — думскихъ дѣятелей. Въ общественной жизни на этихъ труженниковъ денежная аристократія смотритъ какъ на „паймитовъ“ и ставитъ на ряду со своими приказчиками.

Сыро, неуютно, пусто и холодно! И въ этой обстановкѣ слабый свѣтильникъ стоитъ подъ столомъ. Сгораетъ онъ не по днямъ, а по часамъ; а кругомъ, въ непроглядной тьмѣ, лиходѣйствуютъ, шумятъ, о чемъ-то „пекутся“, кому-то благотворятъ, а въ сущности.... но сущность нельзя разобрать за одуряющимъ смрадомъ. Но что же дѣлать? Погодите, потерпите! Изберутъ меня головой, и свѣтильникъ будетъ у насъ на столѣ. Я не врагъ образованія,—не дѣлайте такого заключенія по моему первому письму; не долюбливаю только реальныя училища (провались они!), и то за ихъ свободомысліе. Въ школѣ кантонистовъ воспитали во мнѣ духъ консерватизма и пристрастіе къ строгимъ порядкамъ. Раза три доводилось мнѣ руководить интернатами, и всѣ были въ восхищеніи отъ моего управленія. Аракчеевскій режимъ былъ у меня на первомъ планѣ: свободомысліе искоренялъ я сразу, какъ ноющій зубъ, а для этого исполосовать у виновнаго спину и руки ременнымъ кнутомъ мнѣ ничего не стоило. За то, какъ сожалѣли всѣ, когда я оставилъ воспитательную дѣятельность, въ особенности мой протеже и помощникъ во всѣхъ тайныхъ и явныхъ прегрѣшеніяхъ. Объ этомъ, впрочемъ, будетъ рѣчь впереди, ибо думаю я въ назиданіе вамъ, господа, написать свою житейскую исповѣдь. Перехожу къ дѣлу: принявъ въ свое управленіе обще-

ственный сундукъ, школьнымъ дѣломъ буду руководить я активно и неукоснительно, но такъ сказать изъ-далека. Въ предсѣдатели общества попеченія объ образованіи привлеку человѣка съ вѣсомъ, съ вліяніемъ, со средствами и притомъ всѣми въ городѣ уважаемаго. Такіе люди не рѣдкость, и я не теряю надежды на ихъ просвѣщенное участіе. Почему отказываются всѣ мужчины отъ предсѣдательскаго кресла? А потому, что боятся лишняго краснорѣчія сотрудниковъ. Для этого въ засѣданіи общества право на длинныя рѣчи обложу я крупнымъ акцизомъ *) съ благотворительною цѣлью. А то, посудите сами—есть такіе члены, которые внесутъ всего рубль, а наговорятъ въ засѣданіи съ три короба разныхъ разностей. Положимъ, встрѣчаются въ этихъ рѣчахъ проблески мысли, усѣянные цвѣтами краснорѣчія, но по моему, если желаешь, братецъ, съ благотворительной цѣлью терзать вниманіе общества, то по крайней мѣрѣ заплати за свое празднословіе.

Для увеличенія средствъ общества, кромѣ общепринятыхъ белендрясовъ, въ родѣ спектаклей, живыхъ картинъ и пр., которые созидаются часто ради бездѣлья и удовольствія распорядителей, устрою я для культурной публики въ думской залѣ публичныя чтенія при помощи тѣхъ самыхъ лекторовъ, о которыхъ упоминалъ я прежде. Самъ же выступлю съ обработаннымъ курсомъ по исторіи карточной игры. Чтенія мои будутъ поучительными, особенно если я иллюстрирую ихъ туманными картинами

По поводу дамъ всѣхъ четырехъ мастей изложу я придворную жизнь Франціи первой половины XV столѣтія; раскрою предъ почтенной публикой страшную историческую драму, участницами которой были: трефовая дама или Марія Анжуйская, жена Карла VII, мать его добродѣтельная Изабо Баварская — королева червонная, Агнесса Сорель**)—придворная дама бубенъ и, наконецъ,

---

*) Акцизъ имѣетъ двойное значеніе: урѣзываніе и налогъ; избралъ это слово потому, что оба значенія въ данномъ вопросѣ имѣютъ смыслъ.

**) Агнесса Сорель жила при дворѣ Карла VII, который, благодаря ея вліянію, вышелъ изъ постыднаго бездѣйствія въ то время, когда англичане овладѣли Франціей.

пиковая—Іоанна д'Аркъ, красавица безъ страха и упрека—идеалъ, къ которому должна стремиться всякая женщина.

Четыре валета: пиковый—Ожье Датчанинъ, рыцарь среднихъ вѣковъ, трефовый — Ланселю, герой поэмы Рыцаря озера, бубновый—Гекторъ Троянскій и червонный — Ла-Гиръ, храбрый сподвижникъ Карла VII *), дадутъ мнѣ поводъ для изложенія многихъ весьма интересныхъ монографій. О королякъ и говорить нечего; они представляютъ неисчерпаемый источникъ для историческихъ разсказовъ.

Словомъ, подробности всего этого узнаете вы, господа, впослѣдствіи изъ моихъ лекцій и будьте увѣрены, когда ихъ прослушаете и сядете потомъ за карты, предъ вашимъ умственнымъ взоромъ встанетъ историческая драма отдаленнаго прошлаго. Пошлю я приглашенія на мои лекціи курганскимъ учительницамъ, ибо говорятъ, что онѣ не прочь поиграть въ карточки съ хорошими людьми.

Теперь позвольте увѣрить васъ, господа, что, съ помощью такихъ благоразумныхъ мѣръ, общество попеченія о народномъ образованіи подниметъ у меня свое знамя гораздо выше, чѣмъ несутъ его „смолянки“ **), попавшія въ пустынный городъ Ялуторовскъ. Стоглавая гидра невѣжества, которая сотнями пожираетъ дѣтей нашихъ, будетъ изрублена и раздавлена. Помните только, что Господь—Истина воздвигаетъ вамъ великаго ревнителя просвѣщенія и строгаго блюстителя нравственности. До свиданія!

---

*) Изобрѣтатель собственно французской карточной игры. Многіе ошибочно думаютъ, что карты изобрѣтены для безумнаго Карла VI; вообще карты существовали задолго до Карла VI, а французскія карты- изобрѣтены позднѣе.

**) Воспитанницы Смольнаго института.

XV.

(ПОСЛѢДНЕЕ)

Безъ числа.

Богъ съ вами, милые граждане! Не отвѣтили вы въ теченіе полугода ни на одно мое письмо, между тѣмъ потихоньку да помаленьку свое будущее самоуправленіе обезпечили, а меня оставили «при одномъ только желаніи». Вамъ вѣдь извѣстно, что думскихъ постановленій я не читаю, признавая сіе занятіе безполезнымъ, а узнаю о происходящемъ въ вашемъ мірѣ исключительно отъ пріятелей, которые занимаются этимъ пустымъ дѣломъ. Такими пріятелями считалъ я васъ, а вы и не сказали мнѣ, что городской голова давнымъ-давно вами предуготованъ и стоитъ, какъ сообщила мнѣ одна добрая барыня, за дружиной самъ-шестнадцать. И дружина сія соединена телефонами и вооружена дальнобойными орудіями съ бездымнымъ порохомъ. Чтобы выступить въ походъ, не достаетъ ей только лѣкаря, кашевара и коновала. Но когда сіи лица будутъ завербованы, тогда голова станетъ самъ-девятнадцать, что и требовалось доказать. Изъ-за чего же я ломалъ голову, составляя проекты по всѣмъ отраслямъ городского благоустройства, изъ-за чего я трудился надъ составленіемъ писемъ къ вамъ? Сколько геніальности потрачено, сколько остроумія потеряно совершенно даромъ! Письмами своими достигъ я весьма немногаго. Во-первыхъ, каменную мостовую поведутъ не по Царской улицѣ, а какъ я проектировалъ закоулками и, по счастливой случайности, какъ разъ мимо двухъ-трехъ домовъ, въ которыхъ обитаютъ вліятельные гласные города. Во-вторыхъ, узнавъ, что тоболяки «тянутъ» къ себѣ желѣзную дорогу, дѣльцы наши раскаиваются, что во время меня не послушали и не взяли сами концессію. А въ-третьихъ, не въ примѣръ прочему, для постройки городскихъ боенъ будетъ составлена смѣта въ двадцать тысячъ рублей и, на случай неудачи, предполагается отложить еще двадцать тысячъ капитала запаснаго.

Полагая, что мѣстные инженеры и архитекторы плохо знакомы съ раціональнымъ устройствомъ убойныхъ камеръ и въ особенности лабораторій для изслѣдованія, по моему мнѣнію, слѣдовало бы командировать на лѣто для ознакомленія съ подобными сооруженіями въ столицахъ двухъ делегатовъ, съ пособіемъ тысячи по двѣ на брата, въ счетъ прогонныхъ и подъемныхъ денегъ. Зачѣмъ же посылать двухъ, когда и одинъ можетъ вполнѣ оправдать къ себѣ довѣріе? Въ этомъ случаѣ ставлю я въ примѣръ Бердичевскую думу, гдѣ лѣтъ десять назадъ съ тою-же цѣлью отправлены были въ столицу голова съ ветеринарами. Когда одинъ изъ гласныхъ задалъ вопросъ, подобный вышеизложенному, то ему остроумно и справедливо отвѣтили: голова можетъ смотрѣть и ничего не увидѣть, ибо не спеціалистъ этого дѣла, а ветеринаръ несмотря можетъ все увидѣть и составить отчетъ о своей поѣздкѣ. И всѣ согласились съ этимъ соображеніемъ. Дѣйствительно, господа, смотрѣть и видѣть, знать и умѣть, говорить и дѣлать—такія понятія, которыя кажутся только тожественными, но между ними лежитъ глубокая пропасть.

Письмами своими, повторяю, достигъ я немногаго, но всякій согласится съ тѣмъ, что имѣлъ я доброе намѣреніе оказать услугу городскому обществу, и посмотрите, сколько за это получилъ и предвижу получить разныхъ непріятностей! Какъ и было уже сказано въ предыдущемъ письмѣ, лишилъ я себя пасхальныхъ поцѣлуевъ, со стороны многихъ добродѣтельныхъ дамъ, а мужья ихъ здороваться со мной перестали, потому на поздравленія съ праздникомъ нечего и разсчитывать. Ну, а ссору мою съ Маммеей Аммоновной развѣ вы не во что ставите? Да она теперь и смотрѣть на меня не хочетъ. Затѣмъ, 16 марта, въ среду получилъ такую страшную икоту, что чуть не вырвало. Должно быть кто-нибудь поминалъ не добрымъ словомъ. Наконецъ, узналъ я изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ, что учрежденъ надо мною тайный дамскій надзоръ. Таковой имѣетъ цѣлью строго слѣдить, авось не проговорюсь ли я насчетъ неблагонадежности городскихъ строителей и соорудителей, дабы съ полицмейстеромъ потянуть меня на «цугундеръ», какъ дѣлаютъ это гаванскіе чиновники-пропой-

цы съ подгулявшими купчиками, чтобы получить возмездіе за оскорбленіе ихъ благородія. На всякій случай симъ писаніемъ руки моей удостовѣряю, что о благонамѣренности и благонадежности дѣльцовъ-строителей сохраняю я самое высокое мнѣніе.

Не разъ задавали мнѣ вопросъ: что преслѣдую я своими письмами? Предоставляю вамъ, мм. гг., дѣлать по поводу сего какія-угодно догадки, только пожалуйста не думайте, что заинтересованъ я цѣлями обличительными. Какое мнѣ дѣло до того—въ годъ ли расчистятъ русло рѣки Туры, въ пять ли лѣтъ, или наконецъ, совсѣмъ не расчистятъ: милліонъ или десять милліоновъ на это истратятъ? Не все ли равно мнѣ: по Царской улицѣ поведутъ мостовую или по отдаленнымъ закоулкамъ; истратятъ на мосты по смѣтѣ 16 тысячъ рублей или безъ смѣты 26 тысячъ? Рѣшительно—все равно. Говорятъ, напримѣръ, что Гете до сихъ поръ не отдалъ отчета по постройкѣ тюменской желѣзной дороги или говорятъ также, что на вѣткѣ той же дороги къ пристанямъ такъ все благоразумно стѣснено и расположено, что едва ли есть другой уголокъ въ городѣ, гдѣ бы царила такая опасность страшнаго пожара, и гдѣ бы можно было подвергаться такому риску быть раздавленнымъ движеніемъ поѣздовъ. Что же, на стѣну лѣзть изъ-за этого?! Ничего не случилось: значитъ Богъ милуетъ! Повѣрьте, господа, тамъ или здѣсь будемъ строить гостиный дворъ; тотъ или другой будетъ приставленъ къ общественному сундуку—все это, какъ и предыдущее, для меня такъ же безразлично, какъ безразлично, кусаетъ ли блоха Марью Петровну или Каролину Карловну. Потому-то эти вопросы въ моихъ письмахъ и были поставлены въ рядъ—на одну, такъ сказать, доску.

Можетъ быть, подумаете вы, что стремлюсь я къ искорененію пороковъ,—индивидуальныхъ людскихъ недостатковъ, стараюсь объ исправленіи человѣчества? Крайне ошибаетесь! Въ этомъ отношеніи прошу причислить меня къ послѣдователямъ идеи «непротивленія злу». Во-первыхъ преслѣдованіе зла порождаетъ новое зло, а во-вторыхъ намъ нечего объ этомъ безпокоиться, ибо жизнь можетъ устроиться къ лучшему и безъ нашего участія въ ея экономіи. Извѣстно, что природа дала человѣку полную сво-

боду въ выборѣ пути или въ сторону эгоизма, или въ сторону высшей гуманности. Первое направленіе требуетъ отъ человѣка весьма немногаго, второе, напротивъ, страшной, иногда непосильной, борьбы. Если эгоизмъ присущъ животной натурѣ человѣка и послѣднему предоставлено право имъ пользоваться, то какая, спрашивается, нужда, ради абстрактной (отвлеченной) гуманности отказывать себѣ въ наслажденіяхъ въ жизни насчетъ труда ближняго, въ алчности, въ казнокрадствѣ и въ прочихъ людскихъ прелестяхъ, на которыхъ покоятся основы благополучія порочнаго люда? Міровая машина въ полномъ ходу, колеса вертятся, и природѣ повидимому дѣла нѣтъ до того—эгоизмъ ли людской получитъ господствующее преобладаніе или высшая гуманность. Порочныя черты, какъ и черты человѣчности, передаются наслѣдственно и расширяются количественно. Казалось бы всѣ шансы на сторонѣ торжества эгоизма, а между тѣмъ мы видимъ, что человѣчество прогрессируетъ въ милосердіи, справедливости и добродѣтели. Какая же сила регулируетъ и задерживаетъ развитіе въ человѣчествѣ порочныхъ эгоистическихъ побужденій?

Начнемъ съ того, что высокія идеи человѣчности не создаются вдругъ, какъ многіе ошибочно думаютъ. Онѣ до тѣхъ поръ не могутъ вполнѣ образоваться въ умѣ, пока посредствомъ воспитанія въ школахъ цѣлаго ряда поколѣній человѣкъ не будетъ приспособленъ къ дѣйствительному воспріятію этихъ идей, пока въ поколѣніи, посредствомъ наслѣдственной передачи, не накопится сумма рефлективныхъ (несознательныхъ) движеній души, необходимыхъ для этого воспріятія. Человѣкъ, живущій въ правдѣ и свидѣтельствующій это вѣрою и дѣлами, не только укрѣпляетъ въ себѣ идеи добра, но и передаетъ этотъ капиталъ всецѣло въ поколѣніе, какъ высокій тонъ чувствованій, для воспріятія и развитія высокихъ идей. Такимъ образомъ, возвышенныя идеи о справедливости, добродѣтели, милосердіи накапливаются во времена и составляютъ капиталъ человѣчества, на счетъ котораго оно прогрессируетъ. Медленно совершается это развитіе, но за то предѣла ему не положено.

Идеи двоедушія, лукавства, личныхъ выгодъ, порабощенія

ближняго, кулачества, алчности, халуйства, развиваются и передаются наслѣдственно, какъ и идеи добра, и также порождаютъ рефлективное движеніе души, но только въ сторону личнаго низкаго эгоизма. Разъ укрѣпившись въ человѣкѣ, онѣ могутъ быть совершенно искоренены только посредствомъ воспитанія въ идеяхъ добра цѣлаго ряда послѣдовательныхъ поколѣній. Въ извѣстный періодъ, школа въ борьбѣ съ этими эмоціями можетъ только ослабить ихъ, но не уничтожить совершенно. Весьма часто, какъ только человѣкъ оставитъ школу и вступитъ въ прежнюю атмосферу, онѣ возникаютъ снова, какъ возвратная секретная болѣзнь. Казалось бы количественнымъ распространеніемъ своимъ въ человѣчествѣ эгоистическія побужденія должны вытѣснить, подавить и заглушить идеи добра, однако, какъ сказано выше, человѣчество прогрессируетъ въ сторону альтруизма (религіи любви) и милосердія. И это потому, что развитію идей гуманности границъ не положено, между тѣмъ какъ наслѣдственной передачѣ эгоизма природа положила извѣстные предѣлы. За распутство ума и воли, выражающееся въ алчности, двоедушіи, коварствѣ, природа караетъ, какъ и за распутство физическое. малоплодіемъ, вырожденіемъ и тупоуміемъ потомства. Послушаемъ, что говоритъ знаменитый физіологъ и педагогъ Маудсли, въ своемъ сочиненіи „Патологія души“: «Многочисленныя наблюденія показываютъ, что тѣ человѣческія поколѣнія, которыя напрягаютъ мозгъ для эгоистическихъ интересовъ и корыстолюбія, тѣ поколѣнія—какъ реверсивное отродье чисто животныхъ наклонностей—всегда наслѣдуютъ задатки душевнаго и физическаго вырожденія. Исключительныя цѣли жизни только для себя,—говоритъ онъ,—подрываютъ нравственный элементъ и ухудшаютъ природу человѣчества. А ухудшеніе природы такіе люди передаютъ, какъ несчастное наслѣдство, своимъ дѣтямъ.» По Маудсли, статистика Англіи показываетъ, что на тысячу случаевъ человѣческаго вырожденія приходится 840, когда отецъ съ большимъ трудомъ, мошенничествомъ и неправдами поднялся къ богатству съ цѣлью и надеждою основать родъ; въ результатѣ получалось всегда физическое вырожденіе потомства, которое, не удерживаемое идеями

гуманности, шло впередъ до тѣхъ поръ, пока не угасалъ родъ въ третьемъ или четвертомъ поколѣніи.

Такимъ образомъ, сколько бы мы не фарисействовали другъ предъ другомъ, какъ бы не прикрывали свою алчность красивыми словами, благонамѣренностью и благотворительностью, въ какомъ бы видѣ не «обнаруживали понятія»—природу намъ не обмануть. Она прогрессируетъ въ сторону гуманности и давитъ все, что противуестественно мѣшаетъ ея развитію. Что станетъ съ человѣчествомъ, если природа не будетъ карать распутство физическое и нравственное?

Послѣ всего изложеннаго, позволяю себѣ задать вопросъ: стоитъ ли противиться злу и что мы можемъ сдѣлать помощью того самаго ума, который съ такой же энергіей можетъ отстаивать добро, съ какой потворствуетъ злу?

Вотъ основанія, по которымъ вы можете судить, въ какой степени забочусь я о вашемъ нравственномъ исправленіи. Оглянитесь внимательнѣе кругомъ и увидите вы, какъ распоряжается съ вами природа за прегрѣшенія.

Словомъ сказать, въ перепискѣ своей съ вами, обличительныхъ цѣлей я не преслѣдовалъ, объ искорененіи зла не заботился, а имѣлъ въ виду изложить права мои на должность городского головы и разъяснить, какія выгоды могли бы послѣдовать отъ подчиненія вашихъ интересовъ такому какъ я, многосторонне-образованному и гуманному человѣку. Если рѣчь моя была иногда cum grano salis, то примите это за невольное прегрѣшеніе. Развѣ не расхохочетесь вы въ глаза тому, кто общественный грабежъ начнетъ оправдывать тѣмъ, что «даже парижская палата общинъ не безъ грѣха въ этомъ отношеніи.» Прогуляться во Францію, чтобы «насмотрѣться всякой всячины», ни кому не возбраняется, но насчетъ тамошнихъ порядковъ благоразумнѣе бы помолчать. «Францію»—сказала недавно моя дама*),—«нельзя считать нормальною страной, коль скоро люди, занимающіе тамъ высшія общественныя должности, готовы ради золота на всякое

*) Вычитала изъ „Новаго Времени“; слова молодого графа Толстого.

преступленіе.» Иду далѣе: можно-ли удержать улыбку, если брехунецъ гражданскій или уголовный начнетъ увѣрять васъ, что онъ человѣкъ идеи? Неужели не разсмѣетесь, если ростовщикъ будетъ серьезно говорить, что, дѣлая ссуды, онъ спасаетъ тысячи людей отъ погибели? Смѣхъ—единственный даръ, отличающій человѣка отъ твари. Грѣшно не воспользоваться этимъ даромъ среди житейскаго маскарада, гдѣ всѣ маски знаютъ другъ друга!

Однако, господа, что же мнѣ дѣлать, повторяю, теперь, когда такъ коварно лишили вы меня надежды стать во главѣ городского управленія по новому городовому положенію? Только власть можетъ проникнуть въ ваше коварство и поручить мнѣ направить васъ по стезямъ добродѣтели. А знаете ли вы: отчего со мною стряслась такая проруха? А отъ того собственно, что написалъ я только четырнадцать писемъ, а число это по Эккарзгаузену для меня неблагопріятное. Чтобы поправить дѣло, заканчиваю свою переписку пятнадцатымъ письмомъ: цифра эта по наукѣ о числахъ означаетъ содержаніе любви въ справедливости*).

Кто рожденъ для великихъ дѣлъ и вѣритъ въ торжество справедливости, тотъ не падаетъ подъ ударами враждебной до времени судьбы. Хотя по слабости природы человѣческой и предался я унынію на нѣсколько дней, но затѣмъ скоро воспрянулъ духомъ. Вѣрю теперь въ звѣзду мою и вотъ по какому случаю. Видѣлъ я недавно сонъ, что взбираюсь по крутому утесу, въ толпѣ своихъ согражданъ, на высокую гору, а на ней воздвигнуты золотое предсѣдательское кресло и общественный сундукъ. Близъ самой вершины друзья-доброжелатели меня столкнули, и я скатился къ подошвѣ. Опять началъ взбираться и опять столкнули. Семьдесятъ шесть разъ повторялъ я эту пробу и семьдесятъ шесть разъ возвращался назадъ. Въ семьдесятъ седьмой удалось таки забраться на вершину и занять золотой стулъ. Снамъ придаю я большую вѣру, а потому и думаю, что не слѣдуетъ унывать отъ неудачъ, хотя бы семьдесятъ шесть разъ приходилось терпѣть пораженіе; въ семьдесятъ седьмой—возьму свое! Будьте увѣрены,

*) Эккарзгаузенъ. Наука о числахъ природы т. I стр. 237.

что это не хвастовство съ моей стороны, а полное убѣжденіе и убѣжденіе, которое никогда меня не покинетъ. Согласитесь сами: не могу же я глохнуть въ безвѣстности и въ бездѣйствіи? Нѣтъ, отдохну немного, соберусь съ силами и опять начну васъ бомбардировать своей перепиской. Если вода каплей по каплѣ пробиваетъ гранитную скалу, то неужели не пробью я брешь въ каменной стѣнѣ, за которой скрывается алчность и лиходѣйство, прикрытыя благонамѣренностью и безвозмезднымъ исполненіемъ такихъ обязанностей, о которыхъ никто не проситъ и на которыя никто не разсчитываетъ.

Заключаю свои письма словами Эккарзгаузена: «Писалъ я не для гордецовъ, все презирающихъ, не для глупцовъ, не имѣющихъ чувствъ къ высокимъ истинамъ, не для рабовъ людскихъ мнѣній: но для спокойныхъ, безпристрастныхъ кроткихъ друзей моихъ—искателей истины!»

Сія писана въ градѣ Чингидинѣ въ лѣто 7401. Слагатай сія человѣкъ не гласный, отчина-жъ его познавается отъ осми буквъ: сторицей сугубою начинается и единою же сугубою еръ скончавается; прочая же шесть-трехчисленная десятерица, съ десятерицею семичисленною и вторицею, паки сторица десятичисленная съ тою-же семичисленною десятерицею и вторицею.